

Годъ 10-й.

Кн. XXXIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

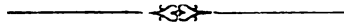
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1898, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ЯНЧУКА.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левинсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1898.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. „Медвѣжья присяга“ и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ. Гл. II. (Окончаніе). <i>Н. Харузина</i>	1
II. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. XVP. Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ. <i>Вс. Миллера</i> . . .	38
III. Матеріалы для исторіи народнаго театра. IV. „Царь Максимилианъ“. Критическія замѣчанія и тексты. (Варианты 3 и 4). <i>В. Каллаша</i>	47
IV. Очерки Пошехонья. 3. Народныя гаданія. 4. Обрядность обыденной жизни. 5. Волѣзны и ихъ лѣченіе; смерть, похороны и поминки; загробная жизнь. <i>А. Балова, С. Я. Дерунова и Я. Ильинскаго</i>	69
V. Малорусское „веселье“. 3—5. Обряды и пѣсни Полтавской, Кіевской и Харьковской губерній. <i>А. Малинки</i> . . .	93
VI. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. II. Повѣрья. (Текстъ и переводъ). Записалъ <i>Н. Державинъ</i>	113
VII. Смѣсь:	
Изъ преданій и повѣрій Череповецкаго уѣзда, Новгород. губ. Сообщ. <i>М. К. Герасимовъ</i>	126
Святочныя шалости въ Пельшемской волости, Кадниковск. у., Вологодск. губ. <i>Пр. Дилакторскаю</i>	133
Изъ грузинскихъ легендъ. 1. Мудрость Соломона. 2. Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ. <i>А. Хаханова</i>	136
Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится? Сообщ. <i>В. Харузина и П. В. Ивановъ</i>	140
Матеріалы для словаря условнаго языка. II—III. <i>Н. Я. и Н. Мендельсона</i>	143

Не Русскіе, а Словаки! <i>А. Соболевскаго</i>	147
Дополнительныя свѣдѣнія объ Иванѣ Купалѣ и о заплач- кахъ въ Малороссіи. <i>А. Малинки</i>	150

VIII. Критика и библиографія.

1. Отчеты о книгахъ	153—182
Эрнстъ Гроссе, <i>Формы семьи и формы хозяйства</i> . Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. книжн. магаз. „Книжное Дѣло“. Москва, 1898. <i>А. Максимова</i> (153).—Ю. Липпертъ, <i>Исторія семьи</i> . Перев. съ нѣмецкаго Н. Шатерникова. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. <i>Ею-же</i> . (161).—М. Ноегнев, <i>Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr.</i> Wien, 1898. <i>Н. Х.</i> (164).—Stanisl. Ciszewski, <i>Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven</i> . Leipzig. 1897. <i>Ею-же</i> . (167).—К. Филатовъ, <i>Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ.</i> , Варшава, 1898. <i>А. Соболевскаго</i> . (169).—В. Харузина, <i>Сказки русскихъ инородцевъ</i> . (Съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Москва. 1898. <i>В. К.</i> (171).—Сибирскій Сборникъ. Приложение къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ на 1898 г. Подъ ред. И. И. Попова. <i>Н. М-на</i> . (171).—Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географическаго Общества. Т. XXIX, № 2 (1898). <i>Ею-же</i> . (174).—А. П. Энгельгардтъ, <i>Русскій Съверъ</i> . Путевыя записки. СПБ. 1897. <i>Вл. Б.</i> (175).—Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. 1898 г., вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. <i>Д. С.</i> (181).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	182—185
3. Новости этнографической литературы	186—192
IX. Извѣстія и замѣтки. Опреліяхъ по русскому языку имени М. И. Михельсона при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ.	193
X. Опечатки	194

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

II 2).

Легенды, повѣствующихъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ существѣ, собрано, сравнительно, значительное количество изъ устъ остяковъ и вогуловъ. Изъ этого цикла произведеній народнаго творчества для нашихъ цѣлей представляютъ особенный интересъ тѣ, въ которыхъ повѣствуется о происхожденіи медвѣдя и объ его отношеніи къ людямъ.

Разсказы о происхожденіи медвѣдя могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ одной относятся всѣ тѣ, въ которыхъ сообщается, что медвѣдь прежде жилъ на небѣ у бога и затѣмъ спущенъ на землю. Къ другой группѣ слѣдуетъ отнести тѣ легенды, въ которыхъ медвѣдь оказывается потомкомъ людей 2). Легенды первой категоріи сводятся къ тому, что медвѣдь, или по собственному желанію или въ наказаніе за ослушаніе, былъ спущенъ съ неба главнымъ божествомъ, въ домъ котораго онъ прежде жилъ. Спускъ медвѣдя на землю, божество даетъ ему наставленія, чѣмъ питаться, запрещая трогать запасъ пищи у людей. Медвѣдь не исполняетъ приказаній божества, и въ результатѣ начинаетъ худѣть. Въ виду этого онъ или обращается къ божеству, которое даетъ ему вторично наставленія, или самъ сознаетъ свою ошибку и не выходитъ болѣе изъ повиновенія богу. Медвѣдю богъ разрѣшаетъ питаться всѣми дикими звѣрями, но изъ прирученныхъ людьми животныхъ онъ позволяетъ ему употреблять въ пищу только тѣхъ, которыя принадлежатъ дурнымъ людямъ. Послед-

1) См. „Этногр. Обзор.“ XXXVIII.

2) Н. Л. Гюндатти, *Культъ медвѣдя*, стр. 78—79, Patkanow, *Die Irtyusch-Ostjaken*, стр. 125—126.

нимъ онъ долженъ былъ вообще причинять всевозможный вредъ, и если они подойдутъ къ нему близко, то убивать ихъ; то же медвѣдь имѣетъ право дѣлать и въ отношевіи къ людямъ, которые наемѣхаются надъ нимъ. Спущенный съ неба медвѣдь, согласно легендамъ, въ послѣдствіи былъ убитъ богатыремъ Узынь-одырпыхъ, но божество позволило тѣни медвѣдя принять прежній видъ и навсегда остаться на землѣ: этого божественнаго медвѣдя и до настоящаго времени иногда можно видѣть на Уралѣ.

Волулы въ „медвѣжьихъ пѣсняхъ“ иногда называютъ медвѣдя сыномъ высшаго бога, низведеннаго по зависти съ неба на землю ¹⁾).

Цикль легендъ второй категоріи производитъ медвѣдей отъ людей. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ версіи, сообщаемыя г. Паткаевымъ: медвѣль оказывается потомкомъ богатырей, которые населяли землю въ прежнее время и по различнымъ обстоятельствамъ были вынуждены избѣжать людскаго общества, вслѣдствіе чего жили въ глухихъ лѣсахъ. Иногда происхожденіе медвѣдей объясняется легендой, что они плодъ брака дочерей богатырей съ лѣсными духами или наоборотъ. Такъ по одной версіи у дочери одного изъ богатырей лицо было покрыто густыми волосами. Когда она однажды собирала ягоды въ лѣсу, она встрѣтила лѣснаго духа въ образѣ молодого человѣка, отъ связи съ которымъ у ней родился сынъ; онъ отличался силой и дикостью, и остяцкая община, гдѣ они жили, изгнала ихъ изъ селенія. Сынъ выросъ и сдѣлался медвѣдемъ, мать превратилась въ большой камень. По другимъ версіямъ въ медвѣдя превратился проклятый матерью сынъ: онъ покинулъ свою мать, ушелъ въ лѣсъ, нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди считаются потомками этой четы. Превращенные въ медвѣдей люди также сдѣланы божествомъ хранителями истины и справедливости на землѣ.

По преданію васьюганскихъ остяковъ въ медвѣдя превращается богатырь: онъ заблудился въ лѣсу, отыскивая дорогу; онъ перебръзаетъ, снявъ предварительно одежду, черезъ поросшую мхомъ колоду; результатомъ этого оказывается, что его тѣло покрывается

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: О гультѣ медвѣдя, стр. 110.

жкомъ, и богатырь превращается въ медвѣдя. Онъ переѣзжаетъ обратно, чтобы отыскать свою одежду, но послѣднюю унесъ дьяволъ; богатырь остается жить въ лѣсу ¹⁾).

Такимъ образомъ, какъ бы ни объясняли остяки и вогулы происхожденіе медвѣдей, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ въ своемъ качествѣ представителей справедливости на землѣ, являются равно священными. Неудивительно поэтому, замѣчаетъ по этому поводу г. Гондатти, „что всякій, сознающій за собой грѣхъ, невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его — угоднаго себѣ человѣка“ ²⁾. Слѣдовательно, убить медвѣдя можно только праведному человѣку и притомъ лишь согрѣшившаго, виновнаго медвѣдя. Очевидно, что въ этомъ объясненіи мы имѣемъ попытку примирить болѣе древнія представленія о медвѣдѣ, какъ священномъ звѣрѣ, котораго нельзя убивать, съ установившимся представленіемъ о высшемъ существѣ, которое позволяетъ охотнику заглушить укоры совѣсти за преступленіе, совершаемое убійствомъ медвѣдя. Оно должно на нашъ взглядъ считаться вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что нѣкогда, когда остяки находились на болѣе низкой ступени религіознаго развитія, убивать медвѣдя вообще считалось грѣхомъ, что сближаетъ отношеніе къ нему съ отношеніемъ дикарей къ своимъ тотемамъ.

Во всякомъ случаѣ медвѣдъ является въ глазахъ остяковъ животнымъ священнымъ самъ по себѣ. Медвѣдъ научилъ остяковъ и вогуловъ искусству употребленія огня. По словамъ Кастрена, остякъ предполагаетъ, что медвѣдъ вовсе не похожъ на остальныхъ звѣрей: шкура является только его одеждой, подъ которой онъ скрываетъ человѣческій видъ; онъ обладаетъ божественной силой и мудростью ³⁾. Въ виду этого вполне понятно, что его мясо, жиръ и т. д. имѣютъ цѣлебную силу—это часть его божественнаго тѣла.

¹⁾ Потанинъ: Очерки сѣв.-западной Монголіи, IV, стр. 754-755.

²⁾ Н. Д. Гондатти, I. с. стр. 79.

³⁾ Ср. Потанинъ: Оч. с.-з. Монголіи, IV, стр. 750 (енис. остяки). Патканов. I. с. стр. 125

Желчь медвѣдя, особенно бѣлаго, равно и медвѣжье сердце употребляютъ въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ.

„Сухую такую желчь употребляютъ отъ живота и отъ нечисти, также даютъ и больнымъ ребятамъ“¹⁾. Его зубы и когти носить въ качествѣ священныхъ предметовъ и пр.

Съ подобными чертами божественности выступаетъ медвѣдь почти всюду, гдѣ культъ его сохраняется еще съ бѣльшой жизненностью. Лопари²⁾, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считали медвѣдя за „божью собаку“: онъ обладалъ большимъ умомъ, а силы у него столько, сколько у двѣнадцати мужчинъ; въ другихъ мѣстахъ лопари считали медвѣдя за самое умное и понятливое изъ всѣхъ животныхъ и т. п. Медвѣжий жиръ употреблялся въ качествѣ лѣкарствъ³⁾.

У самоѣдовъ наиболѣе видный представитель медвѣдей, именно бѣлый, встрѣчающійся въ ихъ владѣніяхъ чаще, чѣмъ бурый медвѣдь, считается посланникомъ неба; ему приписываютъ заслугу ознакомленія людей съ полученіемъ и употребленіемъ огня. Самоѣды дѣйствительно убиваютъ и употребляютъ его въ пищу, но примиряются затѣмъ съ убитымъ, хотя коллективныя празднества и устраиваются у нихъ рѣже, чѣмъ у остяковъ и вогуловъ вслѣдствіе разбросанности населенія. Они запрещаютъ женщинамъ ѣсть голову медвѣдя. Окуриваніе медвѣжьимъ жиромъ—наиболѣе дѣйствительное средство оградить себя при охотѣ отъ неудачъ, проистекающихъ вслѣдствіе дурного пожеланія врага или благодаря встрѣчѣ съ женщиной⁴⁾.

Самоѣды рассказываютъ, что медвѣдь произошелъ отъ женщины, имѣвшей половину туловища звѣриную, половину—человѣческую, съ лѣшимъ (намтурь)⁵⁾.

Буряты полагаютъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкомъ, но обращенъ впослѣдствіи въ звѣря за то, что хотѣлъ испугать бога. По однимъ версіямъ онъ былъ царемъ, по другимъ, очевидно болѣе древнимъ, онъ былъ прежде большимъ чернымъ шаманомъ.

1) Палласъ: Путешествіе, III, пол. 1-ая, стр. 67.

2) Русскіе лопари, стр. 199, 203.

3) Ср. въ Калевалѣ повѣствованіе Вейнемейнена о сверхъестественномъ рожденіи медвѣдя на небѣ, его отпущѣ на землю и данномъ ему завѣтъ. Калевала, пер. Вальскаго; рун. 32 и 46. стр. 414 и 545—548.

4) А. Егман: Reise um die Erde. I. стр. 681; Н. Д. Гондатти, I. с. 75.

5) Потанинъ: Отъ сѣв.-зап. Монголіи. IV. стр. 754.

или шаманкой; они превратились въ медвѣдей, желая испугать самого бурхана, за что послѣдній оставилъ ихъ навсегда медвѣдями. Вообще, по словамъ г. Хангалова, „души чернаго шамана или шаманки обращаются въ медвѣдей и въ такомъ видѣ странствуютъ, куда имъ угодно, для исполненія своихъ намѣреній“ ¹⁾. Иногда въ медвѣдя, по преданіямъ буряты, превращается охотникъ: отправляясь на охоту, онъ обходилъ три раза дерево и превращался въ медвѣдя ²⁾.

По представленіямъ кумандицевъ, Эрликъ имѣетъ медвѣжій видъ. Иногда алтайскіе тюрки приписываютъ происхожденіе медвѣдя превращенію человѣка, обиженнаго семьей. Далѣе „Кереметь, въ поволжскихъ легендахъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда хочетъ показаться людямъ“ ³⁾.

Покровителемъ шамановъ медвѣдь считается и у якутовъ. Въ медвѣдей обращаются души шамановъ: самыми могущественными шаманами считаются тѣ, которые имѣютъ своимъ звѣринымъ воплощеніемъ быка-пороса, жеребца, орла, лося или чернаго медвѣдя. Цикль разсказовъ и легендъ, повѣствующихъ о сверхъестественныхъ качествахъ медвѣдя, чрезвычайно обширенъ у якутовъ; черный медвѣдь считается „царемъ рощъ и лѣсовъ“. О немъ нельзя дурно говорить. Онъ уменъ, какъ человѣкъ, даже умнѣе послѣдняго; „онъ все можетъ, все знаетъ и понимаетъ, и если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медвѣдя прямо считаютъ колдуномъ. „Медвѣдь вовсе не звѣрь, а колдунъ; ты бы посмотрѣлъ на медвѣдя, когда съ него снимутъ кожу: женщина, какъ есть женщина, грудь, ноги— все женское“, говорили на Алданѣ г. Сѣрошевскому. Существуютъ преданія о превращеніи людей въ медвѣдей. Празднество въ честь убитаго медвѣдя въ настоящее время, кажется, не устраивается, но слѣды ихъ сохраняются въ обычаяхъ при охотѣ на медвѣдя. Наконецъ человѣкъ убившій, медвѣдя, получаетъ даръ лѣчить нѣкоторыя болѣзни ⁴⁾.

¹⁾ М. Хангаловъ: Души-людоѣды у буряты, въ Этногр. Обзор. 1896, № 1, стр. 137; см. также Бурятскія сказки въ Зап. Восточн.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по Эт. I, 1, стр. 119.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

³⁾ Ibid. стр. 110, 111; Вербицкій: Алтайскіе инородцы. стр. 137.

⁴⁾ В. Л. Сѣрошевскій: Якуты, I, стр. 626, 638, 658—660.

Въ представленіяхъ многочисленныхъ инородцевъ медвѣдь является такимъ образомъ сверхъестественнымъ существомъ, какъ и у вогуловъ и остяковъ. Такъ какъ культъ его не позволяетъ предполагать, что поклоненіе медвѣдю возникло изъ зоолатріи, основанной на страхѣ дикаря передъ крупнымъ звѣремъ, борьба съ которымъ является опасной, то намъ предстоитъ рассмотретьъ основныя черты представленій о медвѣдѣ, какъ о существѣ божественномъ, и выдѣлить изъ нихъ черты, сближающія эти вѣрованія съ тотемическими. Что современныя представленія не носятъ непосредственно тотемическаго характера—вполнѣ естественно, такъ какъ тотемизмъ, какъ элементъ вѣрованій, прикрытъ другими, болѣе развитыми религіозными взглядами. Между тѣмъ мнѣніе, что вѣра въ медвѣдѣ, какъ въ существо сверхъестественное, возникла благодаря развитію тотемическихъ элементовъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ системѣ тотемическихъ вѣрованій некультурныхъ народностей чрезвычайно характерны мѣны, легенды и преданія, повѣствующія о дѣятельности того или иного тотемическаго животнаго. Обыкновенно тотемическая группа считаетъ себя происходящей отъ одного общаго родоначальника съ тотемомъ, часто признаетъ послѣдняго своимъ предкомъ. Тотему приписывается благодѣтельное вліяніе на жизнь группы; онъ нерѣдко участвуетъ въ сотвореніи міра, является героемъ-цивилизаторомъ и пр. Къ имени тотема привѣрпляются рассказы, рисующіе его вообще благодѣтельнымъ для группы существомъ.

Въ настоящее время ни остяки, ни вогулы не признаютъ, насколько можно судить по собраннымъ легендамъ о медвѣдѣ, родственныхъ узъ съ послѣднимъ. Но что нѣкогда, вѣроятно, такое родство между медвѣдемъ и какимъ-нибудь родомъ существовало, доказывается преданіемъ о происхожденіи медвѣдей отъ богатырскаго поколѣнія, населявшаго прежде землю. Эти богатыри были предшественниками людей. Они были спущены съ неба послѣ потопа. О нихъ сохранилась масса преданій: они расселились частью отдѣльными семьями, частью цѣлыми деревнями; дома устраивали изъ камня и изъ земли; богатыри отличались чрезвычайной силой; побѣжденныхъ враговъ своихъ они скальпировали, предавались антропофагіи, съѣдая сердце и печень убитаго и т. п. Въ преданіяхъ о богатыряхъ сохранилось много чертъ древняго быта ино-

родцевъ. Богатыри оказываются родоначальниками вогуловъ: и до настоящаго времени всѣ вогулы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей; мало того, даже „многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ—ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему либо покровителями“¹⁾.

Эти преданія о богатыряхъ проливаютъ свѣтъ на легенду о происхожденіи медвѣдя отъ смѣшаннаго брака дочери (или сына) богатыря съ лѣснымъ духомъ (или дочерью послѣдняго). Они устанавливають связь, существующую между обществомъ людей и медвѣдями. Едва ли возможно сомнѣваться, что при родовомъ характерѣ, которымъ пронизаны легенды о богатыряхъ, преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ дочери или сына богатыря имѣло въ прежнее время также родовой характеръ и лишь впоследствии сдѣлалось достояніемъ всего племени: извѣстный родъ, создавшій легенду о происхожденіи медвѣдя, долженъ былъ признавать существованіе родственныхъ узъ между своими членами и медвѣдями. Такимъ образомъ медвѣдь оказывался родственникомъ, а слѣдовательно и тотемомъ опредѣленной группы инородцевъ, такъ какъ узы родства между извѣстнымъ видомъ животныхъ и группой людей оказывается одной изъ основныхъ чертъ тотемизма. Если въ развитіи послѣдняго представленіе, что извѣстный видъ предметовъ, одушевленныхъ или неодушевленныхъ, называется тотемами группы людей, предшествуетъ появленію вѣрованія о родственной связи между людьми и ихъ тотемомъ, то, наоборотъ, признаки этихъ родственныхъ узъ заставляютъ поддерживать въ жизни вѣру, что данный видъ предметовъ является духами-покровителями группы, ббльшею частью рода.

Тотемическому характеру группы легендъ, повѣствующихъ о происхожденіи медвѣдя отъ людей, нисколько не противорѣчитъ введеніе въ нихъ сверхъестественнаго элемента: проклятіе матери, благодаря чему сынъ превращается въ медвѣдя или бракъ чело-вѣка съ лѣснымъ духомъ. Эти элементы неизбежно должны были явиться по мѣрѣ упадка тотемическихъ представленій. Разъ ми-оологія народа составляетъ его, такъ сказать, научную энциклопедію, отвѣты на вопросы, которые задаетъ себѣ дикарь о причинахъ окружающихъ его явленій, собственной жизни и вѣрова-

¹⁾ Н. А. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у мааповъ, стр. 64.

ній и которые онъ рѣшаетъ сообразно съ уровнемъ своихъ знаній и развитія—онъ долженъ былъ при упадкѣ тотемическихъ вѣрованій поставить себѣ вопросы, какимъ путемъ могъ человѣкъ оказаться въ родствѣ съ медвѣдемъ, какъ могъ появиться медвѣдь, не смотря на свое человѣческое происхожденіе, почему онъ живетъ въ лѣсу и т. д. На всѣ эти и подобные вопросы некультурный умъ легко находить себѣ отвѣтъ, вводя элементъ чудеснаго для объясненія сдѣлавшагося для него непонятнымъ своего родства съ медвѣдемъ, равно и культа, который онъ оказываетъ послѣднему: бракъ съ лѣснымъ духомъ объясняетъ и звѣриный видъ медвѣдя, для котораго шкура служитъ лишь внѣшней оболочкой, и фактъ, что медвѣдь живетъ въ лѣсу. Значеніе, придаваемое вообще родительскому проклятію, придетъ на помощь некультурному человѣку, чтобы объяснить, какимъ образомъ человѣкъ могъ оказаться въ родствѣ съ животнымъ: онъ заставилъ, благодаря проклятію, обратиться одного изъ сородичей въ почитаемаго звѣря. Всѣ эти приемы лишь облегчаютъ дикарю объяснить древніе взгляды и формы культа: не рѣшаясь видоизмѣнить послѣдвія, онъ даетъ имъ новое объясненіе, удовлетворяющее его любознательности въ каждый данный моментъ его культурнаго развитія.

Вѣра, что тотемъ оказывается одновременно и героємъ-цивилизаторомъ, чрезвычайно распространена у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Если нельзя, конечно, всѣхъ героевъ-цивилизаторовъ сводить непременно къ тотемической основѣ, то тамъ, гдѣ героємъ-цивилизаторомъ оказывается животное, можно видѣть несомнѣнное доказательство тотемизма. Тотемъ—духъ покровитель группы; отъ него люди ожидаютъ только добра и пользы себѣ. Поэтому, когда некультурный умъ поднимаетъ вопросы, откуда онъ получилъ то или иное полезное изобрѣтеніе, онъ отвѣчаетъ на это, что его научилъ тотемъ. Дикарь вообще охотно группируетъ мненія о происхожденіи полезныхъ изобрѣтеній, о сотвореніи земли, появленіи свѣтила и пр. вокругъ именъ своихъ родоначальниковъ, которые въ этомъ качествѣ естественно являются благодѣтельными для своихъ потомковъ существами. Новозеландскій Мауя, самоанскіе Таланги и Ти-ити-и, бакаирскій Кери и Каме ¹⁾ являются одновременно и устроителями міра и лицами,

¹⁾ Waitz: Anthropologie VI, 257; Turner: Samoa, стр. 209 и слѣд.; Steinen. Unter d. Naturvölkern Brasiliens, стр. 373, 377.

научившими своихъ потомковъ искусству употребленія огня, похитивъ послѣдній у хранившихъ его сверхъестественныхъ существъ. Впрочемъ, тотемическая основа въ Кери и Каме выясняется изъ легенды, что мать ихъ была женой ягуара. Въ случаяхъ, когда въ этой роли героевъ-цивилизаторовъ выступаютъ животные, слѣдуетъ предположить, что послѣдніа признавались за духовъ-покровителей—тотемовъ группы, для пользы которой они предпринимаютъ рядъ трудныхъ подвиговъ, въ томъ числѣ, нѣрѣдко, добываютъ и огонь для людей; другое объясненіе появленія подобныхъ разсказовъ объ этихъ зооморфныхъ герояхъ едва ли можетъ быть подыскано. Тамъ, гдѣ еще живы тотемическія представленія, тотемическій характеръ этихъ и аналогичныхъ сказаній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Роль, которую играетъ волкъ въ качествѣ тотема у многихъ изъ краснокожихъ племенъ Сѣв. Америки, съ легкостью объясняется, что именно ему приписывается честь добычи огня на пользу людямъ. У тлинкитовъ священный воронъ—Ель, участвующій въ устройствѣ міра и похищающій огонь, ¹⁾ оказывается не болѣе, какъ тотемомъ этой народности. Циклъ легендъ, разсказывающихъ о подвигахъ Еля, сводится въ значительной степени къ борьбѣ его съ болѣе старымъ и сильнымъ Ханухомъ (волкомъ). Ель—воронъ былъ покровителемъ, тотемомъ племени ворона, какъ Ханухъ—волкъ—тотемомъ племени волка. Птица и собака коняговъ, устраивающія землю, творящія море, рѣки и возвышенности, собака алеутовъ, участвующая въ устройствѣ земли, прерійный волкъ одного изъ племенъ Калифорніи, дающій начало всѣмъ животнымъ и людямъ, создающій землю,—считаются одновременно и предками народности и, слѣдовательно, были его тотемами ²⁾.

Медвѣдь, приносящій, по вѣрованіямъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ огонь для людей или обучающій ихъ искусству обходиться съ огнемъ, принадлежитъ къ числу такихъ-же зооморфныхъ героевъ-цивилизаторовъ, какими оказываются тотемы-животныя у другихъ народностей. Въ этихъ преданіяхъ о медвѣдѣ слѣдуетъ видѣть лишь отголосокъ, быть можетъ, прежде болѣе

¹⁾ И. В е н і а м и н о в ъ: Зап. объ о-вахъ Уналашкинскаго отдѣла, III, стр. 48.

²⁾ L a n g: Mythes cultes et religion, стр. 171, 175, 376, 370.

обширнаго цикла тотемическихъ легендъ, группировавшагося вокругъ медвѣдя, частью забытыхъ, частью, какъ преданіе о принесеніи людямъ огня, сдѣлавшихся изъ родового преданія общеплеменнымъ.

Разказы, сообщающіе о прежней жизни медвѣдя на небѣ, о существованіи на Уралѣ до настоящаго времени перваго медвѣдя, спущеннаго на землю божествомъ, назначеніе послѣднимъ медвѣдя представителемъ добра и справедливости на землѣ, являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тотемическихъ представленій. Эти преданія о медвѣдѣ не только не противорѣчатъ выставляемому нами предположенію о первоначальномъ тотемическомъ значеніи медвѣдя, скорѣе, напротивъ, служатъ лишнимъ косвеннымъ доказательствомъ въ пользу его, такъ какъ представленія о медвѣдѣ въ данномъ случаѣ испытали на себѣ тѣ-же перемѣны, которыя выпадаютъ на долю тотемическимъ животнымъ при религіозномъ развитіи племени и забвеніи первоначальнаго тотемизма. Съ увеличеніемъ населенія группы, съ упадкомъ обособленности отдѣльныхъ тотемическихъ родовыхъ единицъ, прежняя организація, основанная на тотемизмѣ, естественно распадается: часть тотемовъ забывается, часть переходитъ въ божества, мало-по-малу сбрасывающія съ себя теріоморфическія черты, чтобы объединиться въ различныхъ іерархическихъ отношеніяхъ въ общій пантеонъ съ антропоморфными божествами, возникшими изъ другихъ, чѣмъ тотемизмъ, основныхъ элементовъ вѣрованій. Нерѣдко остальные подраздѣленія племени объединяются культомъ духа-покровителя, бывшаго тотемомъ болѣе сильнаго или многочисленнаго рода; наконецъ, въ то время, какъ тотемы, избранные изъ числа незначительныхъ представителей фауны или флоры, или переходятъ въ божества или забываются, тотемъ—крупный представитель мѣстной фауны продолжаетъ обращать на себя особое вниманіе и, слѣдовательно, пользоваться ея поклоненіемъ. Религіозныя ассоціаціи, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ дикарей ¹⁾ и объединяющія не родственниковъ культомъ одного духа-покровителя, могли сыграть роль фактора, способствующаго переходу тотема въ національное божество. Какъ бы то ни было, но съ развитіемъ религіозныхъ представленій, идущихъ параллельно съ развитіемъ племени, исключитель-

¹⁾ Fraser, Totemism, стр. 49—51.

ность культа, мифовъ и вѣрованій, вытекающихъ изъ родовой организаціи, падаетъ сама собой, и родовая, племенная религія или культъ дѣлаются локальными или національными. Бывшій тотемъ или вырастаетъ въ высшее существо, представители высшей идеи справедливости, насколько эта послѣдняя доступна некультурному уму, или занимаетъ извѣстное подчиненное мѣсто въ общей іерархіи боговъ. Ель у тлинкитовъ превратился въ высшее существо, хотя и не главное въ ихъ пантеонѣ: прежде господствовавшее вѣрованіе о родственныхъ узакъ, соединяющихъ всѣхъ членовъ рода вѣрона со всѣми вѣронами, постепенно превратилось въ представленіе, что надъ всѣми вѣронами поднимается главный вѣронъ, божественное существо, родоначальникъ, не вполне освободившійся еще отъ своихъ орнитоформныхъ атрибутовъ. Въ Африкѣ, среди населенія Золотого берега, сравнительно еще живы тотемическія представленія: отдѣльныя родовыя группы признають своимъ родоначальникомъ то или иное животное, напр. буйвола, собаку, леопарда, попугая или растеніе, и воздерживаются отъ употребленія въ пищу своего тотема-родоначальника. Одновременно съ существованіемъ тотемизма нѣкоторые тотемы, однако, уже превратились въ божества, пользующіяся поклоненіемъ въ качествѣ локальныхъ территоріальныхъ боговъ; они сохраняють, однако, еще ясныя слѣды своего происхожденія отъ животныхъ-тотемовъ. Въ народномъ представленіи они утратили уже свой теріоморфный характеръ, но ихъ продолжаютъ представлять, хотя въ человѣческомъ образѣ, но съ нѣкоторыми атрибутами животныхъ; такъ, напр., Таби, одинъ изъ морскихъ боговъ, представляется въ видѣ человѣка, лѣвая рука котораго, однако, замѣнена плавникомъ акулы; морская богиня Аинфа имѣетъ человѣческій видъ, но покрыта подобно козѣ бѣлой шерстью ¹⁾. Происхожденіе подобныхъ не вполне антропоморфизированныхъ территоріальныхъ божествъ, культъ которыхъ не переходитъ за предѣлы определенной территоріи, изъ родовыхъ тотемовъ животныхъ можетъ считаться въ настоящее время доказаннымъ: наиболѣе рельефные примѣры подобнаго перехода тотемовъ въ территоріальныя, полузооморфныя, полу-антропоморфныя божества представляютъ, какъ извѣстно, локальныя культы древняго Египта.

¹⁾ Ellis: The Tshi-speaking peoples, стр. 44, 48, 204 и слѣд.

Переходъ прежнихъ тотемическихъ божествъ въ національныя, племенные божества можно съ наглядностью наблюдать среди народностей Африки, образовавшихъ государственныя организаціи на Невольничьемъ берегу. Тотемизмъ еще существуетъ среди населенія какъ явленіе жизненное: мы тамъ встрѣчаемъ также рода, производящіе себя отъ животныхъ (леопарда, льва, змѣи, крокодила и пр.) и соблюдающіе тотемическіе обряды. Но въ то же время населеніе всего племени объединяется поклоненіемъ опредѣленнымъ племеннымъ божествамъ, при чемъ тотемическое происхожденіе нѣкоторыхъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сами эти божества пользуются поклоненіемъ въ лицѣ животныхъ, которыя считаются ихъ инкарнаціей. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, извѣстный культъ змѣи въ Дагомеѣ, сдѣлавшійся изъ тотемическаго божества національнымъ, равно и бывший въ королевствѣ Вида культъ крокодила. Этотъ послѣдній во времена самостоятельнаго существованія королевства пользовался особымъ поклоненіемъ: его можно назвать государственнымъ божествомъ. У королевскаго дворца находились двѣ лужи, въ которыхъ содержались крокодилы; для служенія имъ были назначены многочисленныя жрецы. Съ паденіемъ королевства крокодилъ изъ государственнаго божества перешелъ въ разрядъ второстепенныхъ: ему оказываютъ культъ лишь члены тотемическаго рода крокодила и лица, которыя живутъ у лагунъ¹⁾. Главное божество бушменовъ, Кагнь, къ которому они обращаются съ молитвами во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, обнаруживаетъ свое прежнее, очевидно тотемическое происхожденіе изъ саранчи, надѣленной, какъ и всѣ тотемы дикарей, сверхъестественными способностями. Австраійскій Пунджель (орель-соколы) выросъ въ высшее существо представителя справедливости, но еще не всюду утратилъ своей орнитоморфной природы; происхожденіе его изъ тотема доказывається, между прочимъ, и тѣмъ, что орель-соколъ и до настоящаго времени оказывается видимымъ кобангомъ (тотемомъ) во многихъ мѣстахъ Австраліи. Заяцъ у альгонкиновъ выросъ, повидимому, въ высшее существо изъ простаго тотема: онъ принималъ участіе въ сотвореніи міра, онъ живетъ на восходѣ солнца, къ нему переходятъ души умершихъ краснокожихъ. Культъ Великаго зайца очень рас-

¹⁾ A. B. Ellis. The Ewe-speaking peoples, стр. 54, 71, 100.

пространствъ, и родъ, имѣвшій его въ качествѣ своего тотема, окружался особымъ почетомъ ¹⁾).

Переходъ тотема въ высшее божество, государственное или національное, можно наблюдать и въ древней Перуанской монархii. Послѣ того какъ Куновымъ была доказана родовая организація, лежавшая въ основѣ государственнаго строя древняго Перу, свѣдѣнія, сообщаемыя Гарцилассо де-ла-Вега о нѣкоторыхъ вѣрованiяхъ прежняго населенiя, представляются въ новомъ освѣщенiи. Гарцилассо отмѣчаетъ, что каждый индѣецъ только тогда пользовался уваженiемъ, когда онъ происходилъ отъ рѣки, медвѣдя, орла, кондора и т. д., что нѣкоторые обоготворяли сардинку, акулу, крабви, летучую мышъ и пр. Мы въ правѣ, зная родовой характеръ устройства Перуанскаго государства, видѣть въ этихъ свѣдѣнiяхъ живыя свидѣтельства тотемизма, не уничтоженнаго, какъ это удостовѣрено другими испанскими писателями, и послѣ покоренiя Перу. Такимъ же тотемомъ для рода инковъ, покорившихъ остальные рода и племена, являлось солнце, потомками котораго признавали себя инки. Тотемъ племени покорителей сдѣлался государственнымъ божествомъ, и культъ солнца, какъ главнаго божества, настолько отодвинулъ на второй планъ культъ остальныхъ боговъ другихъ родовыхъ и племенныхъ группъ, вошедшихъ въ составъ Перуанской монархii, что послѣднюю называли именно благодаря господству этого культа „страной солнца“, земнымъ представителемъ котораго признавался инка ²⁾).

Не умножая примѣровъ подобнаго перехода родовыхъ тотемовъ въ племенные, локальныя или національныя божества, мы ограничимся замѣчанiемъ, что при развитiи тотема въ божество, послѣднее уже въ зависимости отъ ряда условiй можетъ сдѣлаться или главнымъ божествомъ племенной группы, или оказаться въ известной степени зависимости отъ другихъ высшихъ божествъ. Медвѣдь у остяковъ и вогуловъ испыталъ послѣднее, совершенно такъ же, какъ это произошло съ Елемъ тлинкитовъ и многими богами древне-египетскаго пантеона, собакой коняговъ и пр.

¹⁾ Lang: Mythes, cultes et religion, стр. 320—322, 331, 372, 374.

²⁾ H. Cuuow: Die soziale Verfassung d. Inkareicha, стр. 41, 94 и др.; Lang, Mythes etc., стр. 71, 191.

Нѣкоторая двойственность въ вѣрованіяхъ въ медвѣдя, замѣчаемая у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ, именно признаніе, что одновременно съ священнымъ значеніемъ всѣхъ медвѣдей надъ ними поднимается главный медвѣдь, тотъ самый, который былъ спущенъ богомъ на землю и который живетъ и показывается иногда на Уралѣ, только подтверждаетъ лишній разъ предположеніе о тотемическомъ происхожденіи культа медвѣдя. Едва ли есть основаніе предполагать, что мнѣ о спусканіи медвѣдя на землю подалъ поводъ къ представленію, что на Уралѣ живетъ божественный медвѣдь; скорѣе наоборотъ — вѣрованіе въ существованіе божественнаго медвѣдя въ Уральскихъ горахъ привело къ созданію мифа, что главный медвѣдь, убитый богатыремъ, не возвратился на небо, какъ это дѣлаютъ по современнымъ вѣрованіямъ инородцевъ духи остальныхъ убитыхъ людьми медвѣдей ¹⁾.

При тотемизмѣ, какъ извѣстно, поклоненіемъ пользуется весь классъ существъ, признаваемыхъ духами-покровителями. Съ развитіемъ народности, по мѣрѣ сложенія ея въ рѣзко обособленныя группы, некультурному уму дикаря, переносящему людскія отношенія на міръ своихъ боговъ, этотъ послѣдній представляется устроеннымъ на тѣхъ же началахъ, какъ и людскія общжитія: надъ всѣми животными, признаваемыми тотемами, поднимается главный тотемъ, какъ старѣйшина, вождь поднимается надъ людскою группою; онъ становится олицетвореніемъ всѣхъ тотемическихъ животныхъ извѣстнаго класса, отличается особою силой, близостью къ богамъ, т. е. обладаетъ тѣми же качествами, какими обыкновенно обладаетъ и вождь въ общжитіяхъ дикарей, часто являющійся и шаманомъ-колдуномъ. Этотъ главный тотемъ такимъ образомъ вырастаетъ въ главное видовое божество, или управляющее остальными тотемическими животными даннаго вида, или одухотворяющее остальныхъ тотемовъ. Такимъ божественнымъ воиномъ является Ель тликиговъ, выдѣленный изъ группы остальныхъ тотемовъ-воиновъ. Приводимое Тейлоромъ ²⁾ вѣрованіе у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что „всѣ животныя каждаго вида имѣютъ старшаго брата, который служитъ какъ бы началомъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей“,

¹⁾ Patkanow: Die Irtyesch-Ostjaken., стр. 131.

²⁾ Тейлоръ, Первобытная культура, II, стр. 288.

очевидно, происходитъ благодаря тому же процессу постепеннаго выдѣленія изъ группы тотемовъ главнаго представителя послѣднихъ. Упомянутое выше вѣрованіе остяковъ и вогуловъ должно быть, на нашъ взглядъ, отнесено къ этой же категоріи религіозныхъ представленій.

Вѣрованіе бурятъ и якутовъ, что шаманы имѣютъ медвѣдя въ числѣ своихъ духовъ-покровителей, образъ которыхъ они могутъ принимать,—служитъ доказательствомъ, что и у этихъ народностей культъ медвѣдя стоитъ въ связи съ тотемизмомъ. Шаманъ, по представленіямъ нецивилизованныхъ расъ, обладаетъ обыкновенно способностью къ превращеніямъ именно въ своего личнаго или родового тотема. Съ упадкомъ тотемизма среди народности, онъ сохраняется обыкновенно въ представленіяхъ о дѣятельности шамановъ. Личные духи-покровители шамановъ якутовъ, о которыхъ сообщены обстоятельныя свѣдѣнія г. Сярошевскимъ ¹⁾, доказываютъ наглядно, что мы имѣемъ дѣло съ сохранившимся представленіемъ о личныхъ тотемахъ, основа которыхъ однако, можетъ-быть, таится въ родовомъ тотемическомъ устройствѣ: это подтверждается между прочимъ встрѣченнымъ повѣрьемъ, что хотя шаманскій даръ и не наследственный, однако „въ роду, гдѣ разъ объявился шаманъ, онъ уже не переводится; его имѣять (духъ-покровитель) послѣ смерти послѣдняго старается преимущественно поселиться въ кого-либо, принадлежащаго къ агауса (отцовскому роду) покойника“. Въ противоположность якутамъ, у которыхъ шаманы превращаются въ различныхъ животныхъ, смотря по тому, какой видъ животнаго имѣетъ ихъ духъ-покровитель,—бурятскіе шаманы имѣютъ всѣ способности превращаться въ медвѣдя: это вѣрованіе слѣдуетъ очевидно считать остаткомъ болѣе древнихъ представленій, измѣненныхъ въ томъ отношеніи, что на наиболѣе сильнаго и могущественнаго тотема была перенесена впоследствии привилегія спеціальнаго покровительства шаманамъ, и утратой другими представителями мѣстной фауны ихъ прежняго, древняго, священнаго значенія.

Предположеніе, что медвѣдь нѣкогда считался тотемомъ той или иной родственной группы и впоследствии перешелъ въ обоготворяемое всѣми представителями племени существо, что культъ

¹⁾ Сярошевскій. Якуты, стр. 625 и слѣд.

медвѣдя въ своемъ первоисточникѣ происходитъ изъ тотемизма, можетъ быть признано только подѣ условіемъ существованія нѣкогда вообще тотемизма среди остяковъ и вогуловъ, равно и другихъ инородцевъ Россіи. Исслѣдователи однако мало обращали вниманія на остатки этой группы религіозныхъ представленій, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, доказывающія существованіе тотемизма въ прежнее время у русскихъ инородцевъ, крайне ограничены. Несмотря на это, ихъ все же достаточно, чтобы подтвердить положеніе, что и русскіе инородцы, какъ и большинство народностей, не миновали въ своемъ религіозномъ развитіи и тотемизма. Характерными признаками бывшихъ нѣкогда тотемическихъ представленій должны считаться: 1) рассказы, повѣствующіе о происхожденіи племени или рода отъ животнаго или растенія, и 2) запрещеніе употреблять въ пищу животное, отъ котораго группа производитъ себя. И тотъ и другой признакъ мы встрѣтимъ среди инородцевъ Россіи.

У тюрковъ и монголовъ распространено вѣрованіе о происхожденіи обоихъ племенъ отъ волковъ. Такъ, по преданію тюрковъ, сохраненному китайскими историками, праотець тюрковъ (тукю) былъ родомъ изъ владѣнія Со. „Одинъ изъ его потомковъ, родившійся отъ волчицы и одаренный сверхъестественными качествами, имѣлъ двухъ женъ: дочь духа неба и дочь духа земли. Отъ первой у него родилось 4 сына, изъ которыхъ одинъ превратился въ лебедя“. Другое преданіе, сохраненное также китайцами, производитъ тюрковъ отъ „волчицы и десятилѣтняго мальчика, уцѣлѣвшаго отъ истребленнаго врагами рода кунновъ и брошеннаго съ отрубленными руками и ногами; волчица питала его, пока враги не свѣдали о чудесномъ сохраненіи жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась въ окруженную со всѣхъ сторонъ непроходимыми горами долину и родила тамъ 10 сыновей, отъ которыхъ произошли турки-тюгу“. Легенда о происхожденіи монголовъ гласитъ, что они произошли отъ небомъ рожденнаго бурога волка и сивой лани ¹⁾. Оба предка монголовъ, восточныхъ и западныхъ, по другому варьянту, считаются братьями и сыновьями „Бюртечино“, т. е. синяго волка, по преданію, предка Чингисханова ²⁾.

¹⁾ Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этнограф. составѣ тюркскихъ племенъ, Живая Старина, 1897, вып. 3—4, стр. 278, 281.

²⁾ А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты, стр. 2.

Въ связи съ преданіемъ объ обращеніи въ лебеда одного изъ сыновей предка тюрковъ, слѣдуетъ поставить, что тюрки, живущіе по р. Лебеди (притоку Бѣи), называютъ себя Ку-кши т. е. „люди-лебеда“ ¹⁾, совершенно такъ же, какъ, напр., населеніе Невольничьяго берега, раздѣленное на тотемическіе союзы, называетъ себя Кро-дѣ, „народъ (племя, родъ) леопарда“, Ело-дѣ „народъ (племя, родъ) крокодила“ и т. д., или бегуаны, Ба-куена—„люди-крокодилы“, Ба-тлапи—„люди-рыбы“, Ба-нарерь—„люди-буйволы“ и пр. ²⁾.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя тотемическія преданія о происхожденіи тюрковъ и монголовъ, мы не должны удивляться, что слѣды тотемизма сохранились въ качествѣ переживаній среди якутовъ и бурятъ. Тотемическій характеръ носятъ прежде всего рассказы о происхожденіи людей отъ коня: богъ сначала сотворилъ коня, отъ него произошелъ полу-конь, полу-человѣкъ, а уже отъ послѣдняго родился человѣкъ ³⁾.

Еще Страленбергъ отмѣчаетъ, что у якутовъ каждый родъ считаетъ священнымъ какое-нибудь существо—лебеда, гуся, ворона; это священное животное не употребляется въ пищу членами даннаго рода, но члены другихъ родовъ, имѣющихъ другихъ священныхъ животныхъ, могутъ ихъ ѣсть ⁴⁾. До настоящаго времени нѣкоторые якутскіе рода называются по именамъ животныхъ, напр.: сасыль—лисица, асе—медвѣдь, кувакы—дятель ⁵⁾.

Слѣды тотемическихъ вѣрованій якутовъ связываются наглядно въ сообщаемомъ г. Щукинымъ представленіи ихъ, что между человѣчествомъ и божествомъ существуетъ ходатай, или повѣренный, который принимаетъ молитвы людей, возноситъ ихъ къ богамъ и сообщаетъ людямъ волю послѣднихъ; имя этого ходатая—*эхситъ*. Въ каждомъ родѣ якутовъ эхситъ „пребываетъ въ видѣ бѣло-голубого или косматого жеребца, ворона, орла, журавля и т. п. Каждый родъ чтитъ своего ходатая и не употребляетъ олицетвореніе его въ пищу“ ⁶⁾.

¹⁾ Н. А. Аристовъ, l. c., стр. 279.

²⁾ Ellis: The Ewe-speaking peoples, стр. 100. Lang, Mythes etc., стр. 67.

³⁾ Сарошевскій: Якуты, стр. 263.

⁴⁾ Strahlenberg: Nord u. östliche Theil v. Europa u. Asia—въ Изв. О. Арх., Ист. и Этн. при Казан. ун. XI, 43, стр. 244.

⁵⁾ Сарошевскій: Якуты, стр. 470.

⁶⁾ Щукинъ: Якуты, стр. 17, въ Ж. М. Вн. Д. 1854, VII.

Преданіе якутовъ, заимствованное г. Аристовымъ изъ „Сѣвернаго Архива“ 1822 г. ¹⁾ и сообщающее, что жена верховнаго бога якутовъ, Аръ-тоіона—„милостиваго господина“, явилась предкамъ якутовъ въ видѣ лебедя, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ не употребляютъ лебедя въ пищу, очевидно, стремятся объяснить сдѣлавшееся непонятнымъ для самихъ якутовъ возникшее изъ тотемической основы запрещеніе ѣсть лебедя.

Среди бурятскихъ родовыхъ сказаній встрѣчаются и носящія несомнѣнные слѣды тотемизма. Такъ, напр., племена булагаты и экириты производятъ себя отъ двухъ родоначальниковъ, изъ которыхъ Булагатъ былъ рожденъ дочерью Тайжи-хана отъ связи съ Буха-ноёнъ-бабаемъ, принявшимъ видъ темно-сѣраго пороса, и впоследствии вскормленъ послѣднимъ. Экиритъ былъ усыновленъ одною шаманкой; онъ прежде жилъ въ рѣкѣ, и когда еще былъ маленькимъ, его воспитывала рыба, пестрый налима; „поэтому пестрый налимъ называется его отцомъ; шель берега служила ему колыбелью, поэтому считается матерью Экирита“. Происхожденіе обычая не употреблять въ пищу лебедя нѣкоторыми бурятами объясняется тѣмъ, что одинъ изъ ихъ родоначальниковъ женился на дѣвицѣ сверхъестественнаго происхожденія, имѣвшей способность превращаться въ лебедя: онъ похищаетъ ея лебединую одежду, этимъ получаетъ власть надъ ней, беретъ ее въ жены, приживаетъ съ ней 13 сыновей, послѣ чего лебедь выпрашиваетъ свою одежду у мужа и снова улетаетъ. Въ преданіи о происхожденіи кости Шарануть, несмотря на позднѣйшее искаженіе, слѣды тотемизма едва ли подлежатъ сомнѣнію: буряты этой кости, по преданію, произошли отъ незаконнаго сына одной дѣвушки, котораго послѣдняя привязала къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узелъ развязался и мальчикъ упалъ; выросши, онъ женился и сдѣлался родоначальникомъ шаранутской кости, о которой и теперь буряты говорятъ, что ихъ бурханъ соловый жеребецъ. Названіе Шарануть сокращено изъ Шаргануть, „соловенькіе“, отъ шарги—соловнй ²⁾.

Въ качествѣ остатковъ тотемическихъ вѣрованій у остяковъ

¹⁾ Н. А. Аристовъ, 1. с., стр. 335, примѣч.

²⁾ Сказанія буряты—въ Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по отд. этнографіи, I вып. 2, стр. 89-90, 94 и слѣд., 114, 125.

и вогуловъ можно указать на почитаніе ими нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напримѣръ: лебедя, филина, щуки и проч. Въ этихъ животныхъ превращаются боги. По вѣрованію инородцевъ, во главѣ политеистическаго пантеона стоитъ нуми-торумъ (явныхъ-торумъ); вокругъ него группируются его сыновья. Нѣкоторые изъ послѣднихъ имѣютъ способность превращаться въ животныхъ и, повидному, пользуются въ лицѣ своихъ зооморфныхъ изображеній локальнымъ культомъ, на происхожденіе котораго изъ родового культа нами было уже указано. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Гондатти, въ Соматлауль почитаютъ изображеніе гагары, въ Анневскихъ юртахъ—чайки, въ Тоболдинскихъ—лягушки. Новицкий упоминаетъ, что у остяковъ „яные поклоняются нумиру по подобію звѣриному, *наипаче медведя*, яные же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся и всякъ по своему пристрастію“¹⁾.

Одинъ изъ сыновей Нуми въ минуты опасности принималъ видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются, по справедливому мнѣнію г. Гондатти, такъ часто встрѣчающіяся среди священннхъ предметовъ изображенія гусей изъ золота, серебра или другого металла. Но этотъ же богъ представляется уже въ человѣческомъ видѣ. Мѣстомъ пребыванія его признается священное урочище около Троицкихъ юртъ, на Оби; къ этому урочищу каждый инородецъ считаетъ необходимымъ отправиться въ три года разъ на поклоненіе или, по крайней мѣрѣ, послать туда дары²⁾. Въ образѣ гуся является людямъ это божество, одно изъ наиболѣе могущественныхъ, по вѣрованіямъ остяковъ³⁾. Идолъ его въ Бѣлогорскихъ юртахъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ свое жилище, „Скверное жилище“, по словамъ Гр. Новицкаго, и былъ изваянъ изъ мѣди на подобіе гуся⁴⁾.

Другой сынъ Нуми принималъ во время опасности видъ чайки; еще одинъ изъ сыновей того же божества, живущій въ Обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки. Щука считается „священнымъ животнымъ“, при чемъ у прииртышскихъ остяковъ за таковыхъ считаются не всѣ щуки, а только нѣкоторыя, живущія въ

¹⁾ Новицкий: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 47.

²⁾ Н. Д. Гондатти: Сладкы языкъ вѣрованій у маньзовъ, стр. 51, 56.

³⁾ Раткановъ: Die Irtisch-Otjaken, стр. 102, 131.

⁴⁾ Новицкий: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 57.

глубинахъ, отличающихся своею старостью и имѣющихъ особенно большія головы ¹⁾.

Аясъ-торумъ, также одинъ изъ сыновей Нуми, живетъ около моря при устьѣ Оби и можетъ мѣнять человѣческій видъ на лебединый. Онъ женился на дочери великана, обладавшаго способностью превращаться въ сороку; добываніе невѣсты происходило при содѣйствіи младшаго брата Аясъ-торума, имѣвшаго способность превращаться въ ястреба ²⁾. Въ видѣ лебеда улетаетъ отъ преслѣдованій и извѣстный покровитель рыбъ Обскій старецъ, имѣвшій свое мѣстопробываніе въ капищѣ недалеко отъ Самарова, при слияніи Иртыша съ Обью; его идолъ имѣлъ видъ чловѣка, но когда мисіонеры рѣшили его сжечь, остяки ему приписали чудо: „сожигаемаго убо зряще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебеда излетѣвшаго, и вездѣ лестцы и жеслужителіе разсѣяша плевелы сіи“ ³⁾.

Наконецъ, одинъ изъ сыновей Нуми-торума появляется на свѣтъ въ видѣ лягушки, вырѣзанной изъ налива. Въ этомъ преданіи мы имѣемъ уже совершенно ясный примѣръ родового тотемическаго разсказа, такъ какъ оно связано съ легендами о богатыряхъ. Въ награду одному изъ богатырей за его мирный нравъ Нуми-торумъ посылаетъ своего сына. Богатырь идетъ ловить рыбу и приноситъ домой только одного налима; разрѣзавъ послѣдняго, онъ находитъ лягушку, которая заплакала, какъ живой ребенокъ; богатырь кладетъ лягушку въ люльку, воспитываетъ ее вмѣстѣ со своей женой, и лягушка, бывшая воплощеніемъ одного изъ сыновей Нуми, вскорѣ вырастаетъ въ могучаго богатыря, получившаго то же имя, какъ и его воспитатель. Послѣдняя подробность указываетъ на тотемическій характеръ преданія, такъ какъ тождество именъ воспитателя и воспитанника, происшедшаго изъ лягушки, находившейся во внутренностяхъ налима, свидѣтельствуетъ о бывшемъ прежде отождествленіи обѣихъ личностей. При родовомъ характерѣ сказаній о богатыряхъ у вогуловъ, мы въ правѣ видѣть въ приведенной легендѣ разсказъ о чудесномъ рожденіи родоначальника-животнаго, впоследствии обоготвореннаго и обратившагося, на ряду съ другими полузооморф-

¹⁾ Ratkanow, I. с. стр., 56, 57.

²⁾ Гондатти, I. с., стр. 57.

³⁾ Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 71.

ными, полуантропоморфными родоначальниками, въ сыновей главнаго божества. Мѣсто его подвиговъ въ борьбѣ съ враждебными духами пользуется особымъ поклоненіемъ населенія, при чемъ на родовой характеръ культа указываетъ, между прочимъ, и то, что даже въ настоящее время доступъ къ святилищу этого бога на Сосьвѣ запрещенъ женщинамъ ¹⁾).

Локальный характеръ культа этихъ божествъ, способность къ превращеніямъ ихъ во то или другое животное, изображенію самихъ божествъ, даже по совершившейся уже антропоморфизаціи ихъ, у остяковъ и вогуловъ иногда въ образѣ животныхъ—не оставляютъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ зоолатріи, основанной на тотемизмѣ: боги—птицы, рыбы и т. д. постепенно утрачиваютъ свой древній теріоморфный обликъ, группируются въ пантеонъ, въ семью боговъ, находящуюся подъ управленіемъ отца, и изъ исключительно родовыхъ дѣлаются племенными богами, пользующимися однако нерѣдко лишь локальнымъ культомъ и имѣющими определенное мѣстопробываніе—въ урочищахъ, гдѣ стоятъ ихъ, въ настоящее время уже антропоморфные, идолы. Святилища, бывшія прежде очевидно родовыми, съ развитіемъ племеннаго единства, утратили свой прежній узкородовой характеръ. Если относительно происхожденія этихъ божествъ изъ родовыхъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, то самый фактъ почитанія цѣлаго вида животныхъ родомъ можетъ быть объясненъ тотемизмомъ. Въ настоящее время, когда языческимъ вѣрованіямъ, достигши значительной степени развитія, сохраняются только въ качествѣ старины у официально обращенныхъ въ христіанство остяковъ и вогуловъ, мы не въ правѣ ожидать, чтобы вытекающее изъ тотемизма запрещеніе употреблять въ пищу тотема могло ослабить жизненные слѣды въ бытѣ указанныхъ народовъ. Иностранцы употребляютъ въ пищу гусей, собираютъ и ѣдятъ лебединыя яйца. Употребляютъ ли они въ пищу лебедя или нѣтъ, намъ неизвѣстно. Но весьма важно, что по представленіямъ остяковъ употребленіе лебедя въ пищу считается грѣхомъ: вымираніе остяковъ въ Майковскихъ юртахъ объясняется населеніемъ Темлячевской волости какъ наказаніе за совершеніе подобнаго святотатственнаго поступка ²⁾. Что нѣкогда тотемизмъ не былъ чуждъ

¹⁾ Н. Л. Гондатти, *l. c.* стр. 58, 59.

²⁾ Patkanow, *l. c.*, стр. 131

и другимъ финнамъ, доказывается, между прочимъ, и интереснымъ фактомъ, сообщаемымъ г. Богаевскимъ,²⁾ что вотяцкое названіе одного изъ родовъ—Юсь—значить лебедь. Племенное имя у вотяковъ является одновременно и именемъ ихъ родового духа покровителя (воршудъ, мудоръ). Далѣе, самъ духъ-покровитель считается обыкновенно родоначальникомъ или родоначальницей даннаго рода; такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что родъ Юсь, имѣющій и духа-покровителя того же имени, долженъ былъ въ отдаленное время признавать свое происхожденіе отъ лебедя, что безспорно свидѣтельствуетъ о тотемизмѣ. Въ связи съ этимъ можетъ быть поставленъ описанный Н. Аванасьевымъ¹⁾ „праздникъ лебедей“ у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго уѣзда. Черезъ каждые 2 года вотяки пріобрѣтаютъ въ началѣ весны пару лебедей (самца и самку), платя иногда за нихъ до 100 рублей, откармливаютъ ихъ и пріучаютъ къ людямъ. Въ первыхъ числахъ іюля въ присутствіи этихъ лебедей совершается торжественное жертвоприношеніе въ керемети, во время котораго закалываются лошади, коровы, овцы, гуси и т. п. Во время праздника лебеди находятся въ керемети; по окончаніи торжества имъ привязываютъ на шею шелковымъ снуркомъ по серебряному рублю, кланяются имъ и на парѣ лошадей торжественно отправляютъ съ провожатыми на р. Вятку. Здѣсь послѣ новыхъ поклоновъ ихъ спускаютъ въ воду. Хотя въ настоящее время это празднество доступно всѣмъ, хотя по вѣрованіямъ вотяковъ лебеди считаются *представителями* отъ боговъ, изъ которыхъ Падзымъ-Ильмаръ, Пси-Ильмаръ и Колгынъ-Ильмаръ присутствуютъ на праздникѣ, едва ли этотъ видъ зоолатріи можно объяснить иначе, чѣмъ слѣдомъ древняго тотемическаго празднества.

Весьма извѣстнымъ проявленіемъ тотемизма можетъ считаться обычай татуировать фигуру, изображающую тотема. Этотъ обычай встрѣченъ въ сравнительно значительномъ количествѣ случаевъ у разныхъ народовъ земнаго шара¹⁾. Повидимому; онъ не былъ чуждъ и сѣверо-западнымъ сибирскимъ инородцамъ. Григ.

¹⁾ П. М. Богаевскій: Очеркъ религіозныхъ вѣрованій вотяковъ. („Этнографическое Обозрѣніе“ 1890).

²⁾ Аванасьевъ: Праздникъ лебедей у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго у.—въ Изв. И. Р. Г. О. У., 1881, стр. 281—286.

³⁾ Ср. Фгазег: Totemism стр. 28—20.

Новицкій упоминаетъ объ обычаѣ остяковъ татуировать „на рудѣхъ или носѣ или на персѣхъ“ „знаменія нѣкая“, представляющія преимущественно птицъ и звѣрей. Эти рисунки, сдѣланные посредствомъ втиранія въ тѣло сажи въ проколы иглой, остаются на всю жизнь и служатъ имъ вмѣсто украшеній. Изображеніе этихъ же рисунковъ замѣняли подписи: „и сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждаютъ писанія“¹⁾.

Палласъ, сообщая объ обычаѣ остячекъ татуировать тѣло, замѣчаетъ, что то же дѣлаютъ и мужчины, но только на однѣхъ кистяхъ, „и оныя знаки, продолжаетъ онъ, записываются въ мѣшную книгу, что у нихъ такъ, какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важно, сколько рукою подписаться“²⁾. Остяки вмѣсто подписи начертывали фигуру, изображенную на тѣлѣ. Г. Оглобинъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ рисунковъ, которые инородцы, въ томъ числѣ и остяки, прикладывали на официальныхъ докладахъ³⁾, такъ что, сопоставляя матеріалъ, добытый г. Оглобинымъ изъ древнихъ актовъ, съ вышеприведенными словами Палласа, мы можемъ составить себѣ представленіе о рисункахъ, которые остяки татуировали себѣ. Впрочемъ часть елейимъ могла быть заимствована и другимъ путемъ; такъ, напр., въ документахъ, изслѣдованныхъ г. Оглобинымъ, указывается иногда, откуда заимствуется „знамя“: напр. „знамя Абоково—имя, что на оленѣ пятво“, или „знамя Асиково, имя—на лѣвой рукѣ ево топоромъ посѣчено“. Но, напр., въ Березовскомъ сыскѣ 1642 г. встрѣчаются при нѣкоторыхъ знаменахъ, отличающихся простотой—именно изображающихъ линію (прямую или косую)—слѣдующее объясненіе, намекающее на татуировку: напр. „знамя..., имя ему рубецъ, порѣзано на рукѣ“.

Подъ остяками въ XVII в. подразумѣвались, повидимому, и другіе инородцы; но такъ какъ значительная часть открытыхъ и опубликованныхъ г. Оглобинымъ остяцкихъ „знаменъ“ принадлежатъ инородцамъ Березовскаго, Сургутскаго и Нарынскаго окру-

1) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остякомъ, стр. 33.

2) Палласъ: Путешествіе, III. пол. 1-ая, стр. 53.

3) Н. Н. Оглобинъ: Остяцкія знамена XVII в. (Истор. Вѣстн. 1889 г. № 10) и Знамена сб. инородцевъ XVII в. (Екатеринбургская Недѣля, 1891, № 4).

говъ, мы въ правѣ признать, что такія знамена принадлежатъ остякамъ въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ указанные округа являются до извѣстной степени и коренною областю обитанія представителей этой народности.

Остякія знамена весьма часто изображаютъ животныхъ (напр. медвѣдя, выдру, соболя, бобра, лисицу, росомаху оленя), птицъ (напр. орла, филина, тетерева, журавля), рыбъ, змѣй, лягушку. Едвали можно предполагать, что во время, отъ котораго дошли изслѣдованные г. Оглобличнымъ документы, эти изображения, если они были татуированы, имѣли значеніе тотемическое, т. е. изображенія духа-покровителя: одновременно съ упомянутыми изображениями встрѣчаются и человѣческія фигуры, деревья, лукъ со стрѣлою, посохъ, костыль острый, весла, мѣсяцъ, солнце и пр. Вѣроятно же всего, что въ XVII в. эти изображения имѣли лишь характеръ украшеній. Но на ихъ первоначальное религиозное значеніе указываетъ то, что значительная часть изображаемыхъ животныхъ имѣла въ глазахъ остяковъ священный характеръ, напр. филинъ, тетеревъ, змѣя, лягушка и т. д., такъ какъ въ настоящее время они еще считаются священными въ глазахъ остяковъ. На это же указываетъ и употребленіе интересныхъ клеймъ, изображающихъ очевидно боговъ и идоловъ: первые въ объясненіи клеймъ отмѣчены подъ названіемъ „шайтанова рожа“, причемъ подъ именемъ шайтанъ очевидно не слѣдуетъ разумѣть представителя нечистой силы, по мнѣнію остяковъ, а языческое божество, или антропоморфнаго фетиша лишь въ глазахъ русскихъ считаемаго, какъ и всѣ языческія божества, бѣсомъ, шайтаномъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что напр. объяснительная надпись при одной „шайтановой рожѣ“ гласитъ: „знамя Шила Кодаева сына, имя ему—болванъ (истукавъ)“¹⁾. Большинство клеймъ имѣетъ личный характеръ, такъ что каждый остякъ имѣлъ свое клеймо. Если мы предположимъ, что остяки, татуируя себя и изображая фигуру священнаго животного, дѣлали это первоначально изъ соображеній религиозныхъ, вѣроятно же всего придется признать въ этихъ изображеніяхъ рисунокъ того животного, которое остякъ считалъ своимъ личнымъ духомъ-покровителемъ—тотемомъ. Обычай татуирования своего духа-

¹⁾ Оглобличнъ: Остякіе знамена, Ист. В. 1889, X, стр. 147.

покровителя, съ упадкомъ тотемизма, долженъ былъ утратить свой смыслъ и сохранился въ качествѣ наслѣдія старины, при чемъ татуируемый избиралъ для рисунка не только извѣстныхъ животныхъ, но и различные предметы.

Другое значеніе имѣють „волостныя знамена“, встрѣченныя г. Отглоблинымъ однако лишь въ крайне ограниченномъ количествѣ. На сыскѣ 1682 г. ясашный остякъ Кораковской волости Кытынбакъ Улусовъ прикладываетъ „волостное свое знамя—орелъ“, остякъ Лункупольской волости П. Сычминъ „за себя и вмѣсто товарищей своихъ приложилъ волостное свое знамя—ель“, наконецъ „на томъ же сыскѣ помѣщено волостное знамя Салымской волости—соболь“ и пр. При родовомъ характерѣ, которымъ проникнуть былъ общественный строй остяковъ до послѣдняго времени, „волостныя знамена“ вѣроятно всего совпадали съ родовыми клеймами; если же роду служило клеймомъ изображеніе того или иного звѣря, вѣроятно всего предположить, что онъ считался духомъ-покровителемъ данной родственной, впоследствии быть можетъ территоріальной группы. По предположенію г. Сѣрошевскаго ¹⁾, названія якутскихъ родовъ Сасыль—лисица Эсе—медвѣдъ и т. д. указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ знамена, въ настоящее время, съ упадкомъ родового быта, забытыя якутами совершенно такъ же, какъ и боевой крикъ каждаго рода (уранъ).

Зная, что въ продолженіи родовъ по именамъ животныхъ, слѣдуетъ видѣть слѣды тотемизма, мы вынуждены признать, что въ родовомъ знакѣ якутовъ, если онъ изображалъ животное, названіе котораго носилъ родъ, изображался тотемъ послѣдняго.

Не настаивая на предположеніи, что личныя и волостныя клейма остяковъ и якутовъ, изображающія представителей мѣстной фауны, возникли изъ тотемическихъ основъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что какъ ни скудны приведенныя выше свѣдѣнія о слѣдахъ тотемизма у остяковъ и вогуловъ, они даютъ право утверждать, что нѣкогда тотемическія вѣрованія имъ не были чужды. Признаніе медвѣдя тотемомъ въ первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ указанныхъ народностей оказывается такимъ образомъ лишь однимъ изъ проявленій существовавшего вообще

¹⁾ Сѣрошевскій: Якуты, стр. 470—471.

у нихъ тотемизма. Если медвѣдю посчастливилось больше, чѣмъ остальнымъ тотемическимъ животнымъ, если культъ его не былъ забытъ, если медвѣдь не смѣшался съ тѣми богами, которые, возникнувъ изъ тотемической основы, впоследствии антропоморфировались и пополнили остяцкій пантеонъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что медвѣдь былъ наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны, что онъ какъ таковой внушалъ къ себѣ страхъ и уваженіе, что встрѣча съ нимъ представляла опасности и т. д., однимъ словомъ оттого, что медвѣдь самъ по себѣ, не утрачивая своихъ зооморфныхъ чертъ, представлялся и позднѣйшему, болѣе развитому остяку или воугу такому же сверхъестественнымъ существомъ, какимъ онъ являлся воображенію ихъ предковъ, избравшихъ его себѣ духомъ-покровителя. Именно этимъ значеніемъ медвѣдя слѣдуетъ объяснить, почему культъ его могъ такъ долго просуществовать и представляетъ въ настоящее время еще наиболѣе яркій примѣръ зоолатріи среди инородцевъ сѣверо-западной Сибири.

Выше приведенныя данныя оправдываютъ выставленную нами гипотезу о происхожденіи культа медвѣдя изъ тотемической основы. Если мы не располагаемъ большимъ количествомъ фактовъ, которые могли бы безспорно доказать наше положеніе, то это слѣдуетъ объяснить прежде всего тѣмъ, что тотемизмъ, который, какъ мы старались доказать, хотя и не былъ чуждъ первобытнымъ вѣрованіямъ остяковъ и вогуловъ, принадлежитъ въ ихъ средѣ къ явленіямъ уже отжившимъ, сохранившимся у нихъ только въ качествѣ фактовъ переживанія и въ мѣтахъ. Кромѣ того, изслѣдователи, довольно подробно описавшіе религіозныя представленія указанныхъ народностей, поскольку рѣчь идетъ о спиритуалистическихъ вѣрованіяхъ въ высшія существа и о фетишизмѣ, совершенно не обращали вниманія на изученіе остатковъ тотемическихъ вѣрованій. Въ настоящее время языческія вѣрованія и культъ у остяковъ и вогуловъ приходятъ въ упадокъ. Падаетъ и уваженіе къ медвѣдю и его культъ: еще Эрманъ могъ отмѣтить, что мѣстами остяки послѣ убійства медвѣдя относятся насмѣшливо къ убитому звѣрю. Празднеству въ честь медвѣдя предшествуютъ дѣйствія, имѣющія цѣлью унизить и осмѣять медвѣдя. Снятую шкуру набиваютъ сѣномъ, топчутъ ногами, плюютъ на нее, поютъ насмѣшливыя пѣсни, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что такой сильный звѣрь

не могъ устоять противъ человѣка и т. д., послѣ этого ставятъ шкуру въ юрту и приступаютъ къ чествованію его „какъ своего бога-покровителя“¹⁾.

Насмѣшливое отношеніе къ убитому звѣрю, пользующемуся или пользовавшемуся поклоненіемъ, встрѣчается не только у остяковъ: коряки, напр., убивъ лисицу, оборачивали по снятіи шкуры ея тѣло травой, предлагали ей отправиться и рассказать своимъ, гдѣ она была въ гостяхъ, какъ ее хорошо принимали и какъ ей вмѣсто старой одежды подарили новую²⁾. Даяки Борнео при охотѣ на аллигаторовъ обращаются къ пойманному багромъ звѣрю съ нѣжными и почтительными рѣчами, пока не захватятъ его ногъ, а затѣмъ насмѣшливо называютъ его „раджа“ и „дѣдушка“ и т. д. По поводу всѣхъ этихъ фактовъ мы можемъ лишь повторить слова Тэйлора, что когда дикарь побѣдитъ свой страхъ передъ крупнымъ представителемъ фауны, онъ все еще сохраняетъ въ пролической формѣ почтеніе, имѣвшее своимъ источникомъ самый искренній ужасъ³⁾. Остякъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ медвѣдь утратилъ для него священный характеръ, осмѣиваетъ и унижаетъ убитаго звѣря, но онъ еще не настолько эманципировался отъ прежнихъ вѣрованій, чтобы не оказать тотчасъ затѣмъ всѣхъ знаковъ почтенія медвѣдю, съ цѣлью гарантировать себя отъ мести раздраженнаго духа убитаго и осмѣяннаго звѣря. Упадокъ культа сказывается и въ развнчающемся обыкновеніи у прииртышскихъ остяковъ продажи шкуры медвѣдя, съ цѣлью возмѣстить расходы по дорого стоющему празднеству, и въ трудности найти въ настоящее время инородца, который бы зналъ хорошо въ деталяхъ ритуаль самого празднества и пр. Въ виду этого вполнѣ естественнымъ является фактъ, что ни остяки ни вогулы не охраняютъ медвѣдя, а напротивъ съ удовольствіемъ илутъ на охоту противъ него, вмѣняютъ себѣ въ честь убійство медвѣдя и ограничиваются чествованіемъ, носящимъ слѣды старины и древнихъ вѣрованій. Очевидно, однако, что если медвѣдь былъ прежде то-темомъ, само празднованіе должно было имѣть другое основаніе,

1) E r m a n : Reise in die Erde I, стр. 670; ср: также Б ѣ л я в с к і й. Позадка къ Ледовитому морю, стр. 99—100, примѣч.

2) B a s t i a n : Der Mensch III, стр. 26.

3) Т э й л о р : Первобытная культура, II, стр. 45

чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ своего тотема дикарь избѣгаетъ убивать и употреблять его мясо въ пищу.

Есть основаніе предполагать, что первоначально праздникъ медвѣдя носилъ родовой характеръ. Относительно остяковъ и вогуловъ, равно и лопарей, у которыхъ культъ медвѣдя сохранялся довольно жизненно въ предшествующія столѣтія, это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Родовыя празднества вообще отличаются исключительностью; въ нихъ принимаютъ участіе преимущественно только мужчины; женщины, какъ чужеродки, не принимаютъ вовсе или принимаютъ только относительное участіе. 2) Дѣти, какъ не посвященные въ родовой культъ, исключаются отъ участія въ этихъ празднествахъ. И ту и другую черту носить чествованіе медвѣдя. Вышеприведенныя свѣдѣнія, сообщенныя о томскихъ остякахъ г. Филимоновымъ, доказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, дѣти не допускаются къ празднеству: они находятся внѣ юрты, гдѣ происходитъ празднество, и поэтому-то къ нимъ и обращается старуха съ вопросомъ, кто съѣлъ мясо медвѣдя, куда улетѣли птицы, которымъ дѣти приписываютъ вину расхищенія останковъ медвѣдя. Удаленіе дѣтей при чествованіи медвѣдя можетъ до известной степени служить также косвеннымъ указаніемъ на тотемическое происхожденіе культа медвѣдя. Многіе обычаи, практикуемые некультурными народами при наступленіи совершеннолѣтія, имѣютъ цѣлью приобщить юношу къ тотемическому союзу, установить родство между нимъ и родовымъ тотемомъ ¹⁾. Значительное количество подобныхъ фактовъ собрано и объяснено Фразеромъ ²⁾. Чтобы быть участникомъ тотемическаго празднества, необходимо установить свое родство съ тотемомъ, что совершается при наступленіи совершеннолѣтія. Вслѣдствіе этого удаленіе не совершеннолѣтнихъ является естественнымъ слѣдствіемъ указанного порядка вещей. Быть можетъ, въ исключеніи мѣстами малолѣтнихъ отъ участія въ празднествѣ въ честь медвѣдя можно видѣть отголосокъ прежняго взгляда, согласно которому члены тотемическаго союза только послѣ ритуальнаго вступленія въ него

¹⁾ Marillier: La place du totemisme etc, стр. 226—227.

²⁾ Frazer: Totemism, стр. 38—47; Frazer: The golden Bough II, стр. 342—359.

при совершеннолѣтїи имѣютъ право принимать участіе въ родовомъ празднествѣ.

Женщины не являются даже въ настоящее время равноправными участницами въ празднествѣ. Имъ дается часть медвѣжьего мяса, но нѣкоторые куски специально принадлежатъ мужчинамъ. У древнихъ лопарей женщины не принимали участія въ приготовленіи мяса; варка его производилась одними мужчинами въ шалашѣ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ ритуальныхъ обрядовъ, причѣмъ въ это время женщины не имѣли права входить въ шалашъ. Часть мяса посылалась затѣмъ женщинамъ, причѣмъ однако обращалось вниманіе, чтобы имъ не достались нѣкоторыя части медвѣдя ¹⁾. Подобное-же ограниченіе женщинъ въ пользованіи медвѣжьимъ мясомъ встрѣчается и у остяковъ и вогуловъ: въ распоряженіе женщинъ предоставляется только медвѣжий задъ, такъ что въ ритуальномъ общеніи пищей онѣ не участвуютъ. Мужчины, наоборотъ, кромѣ мяса, которое готовится и сѣдается во время праздника, готовятъ себѣ специально въ полѣ по окончаніи торжества голу, сердце и лапы медвѣдя ²⁾. Что касается нѣкоторыхъ другихъ народностей, среди которыхъ мы встрѣчаемъ болѣе ясныя слѣды культа медвѣдя, мы видимъ иногда слѣды бывшаго нѣкогда родового характера пиршества. У айновъ, напр., онъ носитъ часто локальный характеръ. Хотя обыкновенно лицо, устраивающее пиршество, приглашаетъ и родственниковъ и знакомыхъ, но въ небольшихъ деревняхъ почти вся община принимаетъ участіе въ праздникѣ въ честь медвѣдя ³⁾. У гиляковъ „праздникъ медвѣдя“ носитъ уже опредѣленные черты родового праздника. Какъ и у айновъ и гольдовъ, такъ и у гиляковъ существуетъ обычай приобрѣтать медвѣдя, который затѣмъ въ опредѣленное время убивается. Хотя медвѣдя приобрѣтаетъ кто-нибудь одинъ изъ членовъ рода, но расходы по празднеству несутъ всѣ сородичи. Въ настоящее время на этотъ праздникъ сѣзжаются не только сородичи, но и чужеродные гости; не смотря на это родовой характеръ праздника нисколько не измѣняется: женщины, хотя и допускаются къ вкушенію медвѣжьего мяса, но не могутъ присутствовать при убїеніи медвѣдя; огонь, надъ которымъ варилося мясо, долженъ

¹⁾ Русскіе Лопари, стр. 201.

²⁾ Л. Н. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 77.

³⁾ Frazer: The golden Bough, II, стр. 102.

быть разведенъ не иначе какъ родовымъ огнивомъ¹⁾. Какъ-бы ни объяснялся съ точки зрѣнія современныхъ вѣрованій гилляковъ праздникъ медвѣдя, его родовой характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что въ прежнее время, когда деревенская община еще не замѣнила собой родовъ, этотъ праздникъ и у айновъ носилъ такой-же характеръ, и вѣроятно, на основаніи вышеизложеннаго, это празднество медвѣдя у остяковъ и вогуловъ отличалось той-же исключительностью, свойственной вообще всѣмъ родовымъ ритуальнымъ пиршествамъ.

Родовыя пиршества, во время которыхъ убивается и употребляется въ пищу тотемическое животное, распространены у некультурныхъ народовъ. Въ основѣ этихъ пиршествъ, какъ и другихъ имъ аналогичныхъ, лежитъ общее некультурнымъ народамъ убѣжденіе, что употребленіе въ пищу извѣстнаго животного передаетъ участникамъ трапезы и качества животного. Съѣданіе въ опредѣленное время своего тотема, ритуальное общеніе священнымъ мясомъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же тотемическому роду, объясняется такимъ образомъ желаніемъ, какъ воспринять качества съѣденнаго звѣря, такъ и подчеркнуть, наглядно представить свое общеніе съ нимъ. Но убійство тотема требуетъ искупительныхъ обрядовъ, извиненій передъ убитой особою священнаго класса животныхъ. Отсюда стремленіе, какъ мы это видимъ у остяковъ и вогуловъ, умиловитивъ духа убитаго, чествованіе его, принятіе мѣръ, чтобы душа медвѣдя могла неповрежденной вернуться на небо. Съ другой стороны, желаніе воспринять качества медвѣдя заставляетъ инородцевъ оставлять только для мужчинъ, т. е. для членовъ рода, сердце и голову, т. е. тѣ части, въ которыхъ по преимуществу признается мѣстопробываніе души и, слѣдовательно, особенно важныя при ритуальномъ общеніи пищи. Что самое приготовленіе пищи и трапезы по окончаніи празднества носятъ религіозный характеръ, доказывается въ достаточной степени священнымъ характеромъ всего празднества, равно и обрядами, соблюдаемыми при послѣдней трапезѣ, по окончаніи чествованія медвѣдя.

Въ праздникѣ, слѣдующемъ за убіеніемъ медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы склонны видѣть слѣды родового-тотемическаго

¹⁾ Штербергъ: Сахалинскіе гилляки въ „Этн. Обзор.“ XVII, стр. 9—10.

празднества, во время котораго сородичи употребляли въ пищу своего тотема. Съ утратой тотемическихъ чертъ въ вѣрованіяхъ, медвѣдь, который убивался для родового праздника, сталъ убиваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Члены другихъ тотемическихъ союзовъ не были обязаны охранять медвѣдя. Но упадокъ тотемизма долженъ былъ привести къ тому, что тѣ инородцы, которые признавали медвѣдя своимъ духомъ-покровителемъ, стали разрѣшать охоту на него во всякое время, слились въ этомъ отношеніи съ представителями другихъ родовъ и, наоборотъ, послѣдніе, въ виду силы медвѣдя и опасности, представляемой охотою на него, восприняли обряды и обычаи, служащіе для умилостивленія духа убитаго медвѣдя и выработанные въ отдаленную эпоху господства тотемизма; этому широкому распространенію культа медвѣдя способствовало совершившееся при упадкѣ родовой религіи поднятіе медвѣдя изъ разряда духа-покровителя рода въ сверхъестественное, полу-божественное существо всего народа.

Обычай айновъ, гольдовъ и гиляковъ пріобрѣтать медвѣдя, сохранять его въ клѣткѣ и затѣмъ убивать его съ ритуальными обрядами, сопровождающими пиршество, объясняется Фразеромъ изъ желанія некультурнаго человѣка умилостивить весь родъ медвѣдей посредствомъ чествованія одного изъ представителей этого послѣдняго. Медвѣдь могущественъ и страшенъ людямъ, онъ имъ полезенъ, такъ какъ они пользуются его шкурой и мясомъ, онъ понятливъ, и потому необходимо дать всему роду медвѣдей удовлетвореніе за предпринимаемыя охоты и совершаемое убійство. Для достиженія этой цѣли, именно дать удовлетвореніе за убіеніе медвѣдей, за потерю, которую послѣдніе несутъ, айны берутъ медвѣженка, вскармливаютъ его и затѣмъ убиваютъ съ выраженіемъ своей печали и благоговѣнія ¹⁾. Таково объясненіе Фразера обычая айновъ ловить въ концѣ зимы медвѣженка, приносить его въ деревню, гдѣ его сначала вскармливаетъ грудью женщина, а когда онъ подрастетъ—убивать его осенью и устраивать торжественное пиршество ²⁾. Аналогичный способъ устрой-

¹⁾ Frazer: *The golden Bough*, II, стр. 132. Описаніе праздника поубійствъ медвѣдя у айновъ см. также: Ядринцевъ, *О культѣ медвѣдя*, стр. 105—106.

²⁾ *Ibid.*, стр. 101 и слѣд.

ства праздника въ честь медвѣдя отмѣченъ у гиляковъ и гольдовъ.

Весьма обстоятельное описаніе праздника въ честь медвѣдя у гиляковъ и гольдовъ приведено Шренкомъ ¹⁾. Медвѣдь ловится живымъ и затѣмъ его торжественно убиваютъ. Иногда въ цѣляхъ устройства праздника покупаютъ медвѣдя. Чрезвычайно интереснымъ представляется намъ фактъ, отмѣчаемый Шренкомъ, что праздникъ устраивается только въ честь медвѣдя, убитаго въ неволѣ; если медвѣдь во время охоты не будетъ пойманъ живымъ, а будетъ убитъ охотниками, мясо его съѣдаютъ безъ соблюденія торжественныхъ обрядностей. Культъ *еслэ* медвѣдей перешелъ и у гиляковъ, какъ и у айновъ, на индивидуальнаго, воспитываемаго или удержаннаго въ неволѣ медвѣдя. Священное значеніе медвѣдя у гиляковъ наглядно выясняется изъ широко распространеннаго обычая имѣть въ числѣ прочихъ зооморфныхъ идоловъ и идола, изображающаго медвѣдя. По словамъ Шренка, подобный идолъ можно встрѣтить въ окрестностяхъ почти каждаго гиляцкаго селенія ²⁾.

Мы не думаемъ, чтобы вышеприведенное мнѣніе Фразера объясняло удовлетворительнымъ образомъ оригинальный обычай айновъ, гиляковъ и гольдовъ вскармливать медвѣженка съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убить его. Трудно предположить, чтобы этимъ путемъ преслѣдовались цѣли ритуальнымъ пиршествомъ удовлетворять остальныхъ медвѣдей, такъ какъ едва ли дикарь могъ думать, что, убивая одного изъ представителей опасныхъ, но полезныхъ для него животныхъ, хотя бы убійство и сопровождалось обрядовымъ пиршествомъ, онъ удовлетворялъ другихъ медвѣдей за смерть тѣхъ изъ нихъ, которые убивались на охотѣ безъ всякихъ обрядностей. Естественноѣе предположить, что культъ медвѣдя, обычаи, употребляемые при убіеніи вскормленнаго въ деревнѣ медвѣженка, ритуалъ пиршества и т. д. предшествовали по времени своего появленія обычаю

¹⁾ Schrenck: Reisen u. Forschungen im Amurlande, III, Lief. 3, стр. 696—737.

²⁾ Ibid. III, Lief. 2, стр. 562—563, Lief. 3, стр. 746. См. также Штернбергъ: Сахалинскіе гиляки (Этногр. Обзор. XVII). Ср. праздника у ороченъ: С. Леонтовичъ, Природа и населеніе р. Тумни (Землеузнаніе, 1897, № 3—4, стр. 56 и слѣд.).

ловить медвѣженка и затѣмъ убивать его. На послѣдняго, очевидно, лишь перенесены черты культа, прежде примѣнявшагося вообще при убійствѣ медвѣдя. Способъ убіенія медвѣженка, пиршество, которымъ оно сопровождается, носятъ религіозный характеръ; оно, въ своей основѣ, вытекаетъ изъ родового пиршества, въ послѣдствіи замѣненного общиннымъ или частнымъ. Мы должны предположить, что ритуальное убійство медвѣдя для устройства родового празднества, во время котораго употреблялось въ пищу мясо медвѣдя, предшествовало обычаю ловить медвѣженка. Далѣе, въ послѣднемъ обычаѣ мы не можемъ признать исключительно средства облегчить охоту на медвѣдя, путемъ ловли маленькаго медвѣдя въ цѣляхъ убить его въ послѣдствіи: этому противорѣчилъ бы фактъ, что охоты на медвѣдя встрѣчаются часто у названныхъ народовъ, и, слѣдовательно, опасность, представляемая охотой, не могла бы удержать населеніе отъ устройства религіознаго пиршества въ честь медвѣдя. Причину остается искать въ другомъ.

При тотемизмѣ духами-покровителями признаются всѣ особи даннаго вида животныхъ. Но одновременное господство съ тотемизмомъ и фетишизма приводитъ къ тому, что часто только отдѣльный представитель тотемовъ пользуется поклоненіемъ. Такъ, напримѣръ, у одного изъ племенъ Америки личный тотемъ новорожденнаго опредѣляется при помощи извѣстныхъ средствъ при самомъ рожденіи ребенка; но когда послѣдній подрастаетъ, онъ достаетъ себѣ особь животнаго, которое считается его тотемомъ, и заботится о немъ, вѣруя, что его жизнь связана съ жизнью послѣдняго ¹⁾. У другихъ американскихъ племенъ личнымъ тотемомъ признается животное, которое видитъ во снѣ юноша въ теченіе поста, которому онъ подвергается при наступленіи совершеннолѣтія: онъ долженъ убить представителя своего тотема и носить его шкуру или другую часть своего тотема постоянно при себѣ ²⁾. Въ этихъ случаяхъ культъ тотема превращается въ культъ фетиша, и различіе подобнаго рода видоизмѣненія тотемизма отъ чистаго фетишизма заключается главнымъ образомъ въ томъ, что дикарь, почитая особь, сознаетъ, однако, свою связь съ видомъ тотемическаго животнаго. Совершенно то же имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ, когда тотемическій союзъ переноситъ поклоненіе на особь своего тотема. Отдѣльнаго представителя класса живот-

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 55.

²⁾ Fr. Schultz: Der Fetischismus, стр. 115.

ныхъ, признаваемыхъ за тотемовъ, держать въ клѣткахъ; оказываютъ ему знаки почтенія и т. п. Нѣсколько примѣровъ подобнаго рода приведены и Фразеромъ: нарриньери южной Австраліи, если они принадлежать къ роду змѣй, поступаютъ такъ со змѣями. Жители Явы, если они признаютъ своимъ тотемомъ рыжую собаку, держатъ ее въ каждой семьѣ и оберегаютъ ее. Племя Моқиі, имѣющее своимъ тотемомъ орла, держитъ иногда въ своихъ деревняхъ въ клѣткахъ орла и кормитъ его. Айны держатъ въ клѣткахъ не только медвѣдей, но и орловъ, совъ, бороновъ и оказываютъ имъ суевѣрное уваженіе ¹⁾. На Самоа въ мѣстностяхъ, гдѣ богомъ-покровителемъ считался голубь, этотъ послѣдній содержался и кормился. Божество считалось воплощеннымъ во всѣхъ птицъ данной породы, но поклоненіе приносилось одному представителю ²⁾. Обычай айновъ ловить медвѣженка, держать его въ клѣткѣ, оказывать ему знаки почитанія при жизни слѣдуетъ, очевидно, объяснить переходомъ тотемическаго культа отъ всего вида животныхъ къ отдѣльнымъ его представителямъ. Что культъ медвѣдя у айновъ возникъ изъ тотемизма, доказывается, между прочимъ, и преданіемъ ихъ, будто первый родоначальникъ айновъ былъ выкормленъ медвѣдемъ ³⁾. Вполнѣ понятно, что для тотемическаго обрядоваго пиршества убивался именно пойманный представитель медвѣдей, которому и приносились извиненія передъ убійствомъ и въ честь котораго устраивалось затѣмъ празднество. Этотъ обычай сохранился и тогда, когда тотемизмъ былъ забытъ, охота на медвѣдей разрѣшена, когда, наконецъ, айны начали пользоваться мясомъ медвѣдя, какъ лакомымъ блюдомъ, и употреблять шкуру его для одежды: медвѣдь утратилъ свое священное значеніе, но культъ воспитываемаго въ селеніи медвѣдя, равно и ритуальное убіеніе его и употребленіе въ пищу сохранились, какъ интересный отголосокъ прежнихъ тотемическихъ вѣрованій. Обычай гяляковъ покупать медвѣдя долженъ быть признанъ лишь видоизмѣненіемъ поимки медвѣженка, его кормленія и почитанія, видоизмѣненіемъ, естественнымъ при общемъ упадкѣ какъ тотемическихъ вѣрованій вообще, такъ и самого культа медвѣдя.

Что касается остяковъ и вогуловъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы развитіе ихъ религіозныхъ представленій

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 14.

²⁾ Turner: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 64, 26.

³⁾ Frazer: Totemism, стр. 7.

привело ихъ къ почитанію особи медвѣдя, какъ мы это видимъ у айновъ, гиляковъ и гольдовъ. Повидимому, упадокъ тотемизма привелъ къ разрѣшенію охоты на медвѣдя подѣ условіемъ соблюденія обрядовъ, возникшихъ въ эпоху господства тотемизма. Клятву медвѣдемъ у остяковъ и вогуловъ, равно и у тѣхъ народностей, среди которыхъ культъ медвѣдя возникъ, повидимому, изъ тотемической основы, слѣдуетъ считать такимъ образомъ клятвой тотемомъ, духомъ-покровителемъ, поскольку это касается самого основанія происхожденія подобной присяги. Въ этомъ отношеніи ни остяки ни вогулы не представляютъ исключенія. Обыкновенно, при господствѣ тотемизма, наиболѣе дѣйствительнымъ видомъ ордалий, наиболѣе священными клятвами признаются такіа, въ которыхъ фигурируетъ тотемъ. Ордалии съ тотемическимъ характеромъ и клятва тотемомъ вытекаютъ изъ основного представленія, что свой тотемъ, какъ бы онъ ни былъ опасенъ для другихъ, не дѣлаетъ вообще никакого вреда членамъ тотемическаго союза; если тотемъ причиняетъ вредъ, то только въ случаяхъ, когда онъ оскорбленъ даннымъ лицомъ. Поэтому опасное для всѣхъ вообще тотемическое животное дѣлается таковымъ для членовъ группы, признающихъ его духомъ-покровителемъ, лишь тогда, когда членъ группы оказывается виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, или если онъ, выдавая себя за члена даннаго тотемическаго союза, въ дѣйствительности не оказывается таковымъ.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ Сенегамбіи члены тотемическаго племени скорпіона утверждаютъ, что, хотя укушеніе скорпіона вообще влечетъ смерть, скорпіоны никогда не причиняютъ вреда лицамъ, признающимъ ихъ тотемомъ; отсюда вытекаетъ обычай опредѣлять этимъ путемъ принадлежность лица къ указанному племени. Тотемическій родъ змѣй, псиллы, въ Африкѣ опредѣляли законность новорожденныхъ дѣтей тѣмъ, что ихъ выставляли змѣямъ: если змѣи не кусали новорожденнаго, или если укусъ не влекъ за собой смерти, ребенокъ признавался законнымъ. Другіе народы изгоняютъ изъ своего рода всякаго, кого укусилъ тотемъ, хотя бы укушенный остался живъ: такой человекъ очевидно навлекъ на себя гнѣвъ тотема какимъ-нибудь дурнымъ поступкомъ, и присутствіе его въ родовомъ тотемическомъ союзѣ можетъ вредно отразиться на остальныхъ членахъ. Такъ родъ крокодила у бегуановъ изгоняетъ не только лицо, укушенное крокодиломъ, но даже и такого, на котораго брызнула вода отъ хвоста

крокодила. Ордалія, посредствомъ которой моксосы Перу опредѣляли шамана, заключалась въ томъ, что лицо, объявляющее себя шаманомъ, должно было доказать свое родство съ тотемомъ — ягуаромъ; оно должно было подвергнуться укушенію ягуара, и если оставалось живымъ, то признавалось за родственника ягуара. Отсюда понятно, что ордалія тотемомъ примѣнялись и на судѣ. Такъ въ Траванкорѣ, гдѣ слѣды тотемизма жизненны, судъ божій состоялъ въ томъ, что обвиняемый клалъ руку въ плащъ, въ которомъ была завернута змѣя: если послѣдняя кусала его, онъ считался виновнымъ ¹⁾. Въ Меланезіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ много алигаторовъ, въ важныхъ случаяхъ обвиняемый долженъ доказать свою невинность тѣмъ, что переплываетъ черезъ проливъ, въ которомъ находятся алигаторы: невинность его доказана, если алигаторы его не тронуть ²⁾. Тоже и относительно клятвъ: такъ, на примѣръ, у бегуановъ племени крокодила клятва приносилась крокодиломъ; у санталовъ, въ Бенгаліи, у которыхъ тигръ считается однимъ изъ тотемовъ, наиболѣе торжественной присягой считалась принесенная на шкурѣ тигра ³⁾.

Сопоставляя вышеприведенныя свѣдѣнія съ „медвѣжьей присягой“ остяковъ и вогуловъ, можно признать, что въ виду тотемической основы, лежащей въ первоначальномъ культѣ медвѣдя, сама „медвѣжья присяга“ была первоначально не болѣе, какъ клятвой тотемомъ. Этотъ послѣдній не вредитъ своимъ, и остякъ и вогуль до настоящаго времени вѣрятъ еще, что только грѣшный или оскорбившій медвѣдя человекъ можетъ быть убитъ послѣднимъ. Духъ покровитель, охраняя члена своего рода отъ напрасныхъ обвиненій, можетъ стерпеть и не покарать присягающаго, даже если тотъ оскорбитъ тотема: отсюда обычай увѣчить голову медвѣдя при присягѣ; поступокъ, который вообще долженъ вызвать возмездіе со стороны медвѣдя, останется не наказаннымъ, потому что тотемъ этимъ наглядно засвидѣтельствуетъ невинность присягающаго. Естественнымъ слѣдствіемъ распространенія культа медвѣдя у всей народности, поднятія его изъ разряда родового духа-покровителя въ племенное божество, оказывается и распространеніе „медвѣжьей присяги“ среди всѣхъ остяковъ и вогуловъ. Изъ клятвы тотемомъ она сдѣлалась клятвой священнымъ звѣремъ, культъ котораго сохранился, не смотря на всѣ измѣненія, которымъ

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 20—21.

²⁾ Codrington: The Melanesians, стр. 213.

³⁾ Frazer: Totemism, стр. 22.

подверглись религиозныя представленія обѣихъ народностей, какъ благодаря естественному развитію, такъ и вслѣдствіе воздѣйствія, хотя-бы и лишь формально усвоеннаго, христіанства.

Признавая тотемическую основу культа медвѣдя и „медвѣжьей присяги“ у остяковъ и вогуловъ, мы думаемъ, что изъ этихъ основъ слѣдуетъ выводить и аналогическій культъ у другихъ народностей, которыхъ мы привлекли для сравненія съ „праздникомъ медвѣдя“ у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ. Самый фактъ, что медвѣдь въ такомъ значительномъ количествѣ мѣстностей, у народностей, неродственныхъ другъ другу и разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ земного шара, признавался сначала тотемомъ, а затѣмъ божественнымъ звѣремъ, не представляетъ изъ себя ничего страннаго. Дикарь любитъ избирать духовъ-покровителей изъ числа сильныхъ, могущественныхъ, хотя-бы и опасныхъ для людей животныхъ. Змѣю въ качествѣ тотема мы встрѣчаемъ одновременно въ Австраліи, во многихъ мѣстахъ Африки и въ Америкѣ. Крокодилъ считается тотемомъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Африки; культъ крокодила въ древнемъ Египтѣ возникъ повидимому также изъ тотемической основы; мы встрѣчаемъ его одинаково и въ Индонезіи и Меланезіи. Буйволъ въ качествѣ тотема одинаково извѣстенъ въ Африкѣ и Америкѣ. Левъ, ягуаръ, леопардъ также чрезвычайно распространенные тотемы, одинаково почитаемые, гдѣ они являются одними изъ наиболѣе крупныхъ представителей мѣстной фауны, въ качествѣ духовъ-покровителей. Часто встрѣчаемое воззрѣніе у сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что тотемомъ извѣстнаго рода оказывается медвѣдь (напримѣръ у ирокезовъ, моки, пунка, омага, іова, отое, кавза, вьнебогна, мандавы, крики, оджибвеи, и т. д.)¹⁾, дѣлаетъ вполне понятнымъ, почему совершенно самостоятельно могли избрать своимъ тотемомъ одновременно и разные рода финскихъ и тюркскихъ народностей, равно и арктическія племена. Медвѣдь, какъ наиболѣе крупный представитель мѣстной фауны, долженъ былъ быть и излюбленнымъ тотемомъ, а его сила, равно и опасность, представляемая борьбой съ нимъ, помогла ему, не утрачивая зооморфныхъ чертъ, подняться въ разрядъ національныхъ сверхъестественныхъ существъ, а культу его способствовала продержаться до нашихъ дней.

Н. Харузинъ.

¹⁾ Morgan; Urgesellschaft, стр. 130 и слѣд.

Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ ¹⁾).

XVII. Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ.

Одинъ изъ хорошихъ сказителей (Калининъ) сообщилъ Гильфердингу въ числѣ другихъ старинъ (о Святогорѣ, Вольгѣ и Микулѣ, Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, Добрыньѣ, Михаилѣ Потыкѣ, Ставрѣ, Чурилѣ, Дюкѣ и др.) мѣстное преданіе о силачѣ Рахтѣ, обработанное въ формѣ старинки. Преданіе о Рахтѣ связано съ небольшимъ озеромъ Рагнозеромъ (на картѣ Рангозеро), лежащимъ къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера. „Говорятъ, замѣчаетъ Гильфердингъ (въ примѣчаніи къ былинѣ № 11), будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ деревнѣ (на берегу озера) нѣкогда жилъ знаменитый борецъ“. Гильфердингу не пришлось провѣрить на мѣстѣ, т. е. въ самой деревнѣ Рагнозерѣ, на сколько живы были въ его время эти мѣстныя преданія. Повидимому, Рахта не пользуется слишкомъ широкой извѣстностью за предѣлами Рагнозера; по крайней мѣрѣ, ни Гильфердингу, ни другимъ лицамъ, посѣщавшимъ Олонецкую губернію, не удалось записать другой вариантъ былины о немъ, пропѣтой Калининымъ въ деревнѣ Марнаволокъ. Изъ слѣдующей замѣтки Гильфердинга можно даже вывести, что эта былина принадлежитъ къ числу ставшихъ уже рѣдкими. „Когда Калининъ пропѣлъ ее, бывший тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ“. По словамъ Мореходова, въ пересказѣ, слышанномъ имъ отъ старика, были нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ вариантѣ Калинина. Послѣ Гильфердинга одному изъ мѣстныхъ этнографовъ-любителей К. М. Петрову удалось услышать пересказъ ста-

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXVIII.

ринки о Рахтѣ (иначе Ракхѣ) отъ сказителя Ал. Иванова, но въ прозаической передачѣ, приче́мъ извѣстное раньше сказаніе пополняется нѣкоторыми новыми чертами. Съ содержаніемъ замѣтки г. Петрова, напечатанной въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 81), знакомитъ болѣе обширный кругъ читателей Л. Н. Майковъ въ статейкѣ „Новыя данныя русскаго эпоса“, помѣщенной имъ въ 1876 г. въ журналѣ „Древняя и новая Россія“ (№ 6, стр. 195—198). Вотъ пока все, что существуетъ въ печати объ этомъ силачѣ, неизвѣстномъ нигдѣ за предѣлами одного уѣзда Олонецкой губерніи.

Припомнимъ былинну, записанную Гильфердингомъ, и нѣкоторыя мѣстныя преданія, прикрѣпленныя къ имени Рахты.

Былина рассказываетъ, что въ Москву бѣлокаменную пріѣхалъ какой-то невѣрный боецъ и требовалъ себѣ отъ князя московскаго поединщика, угрожая въ случаѣ неисполненія своего требованія сжечь Москву. Ни имени невѣрнаго бойца, ни имени московскаго князя Калининъ не зналъ. Впрочемъ, слушавшій былинну кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ припомнилъ, что московскаго князя звали Васи́ліемъ. Поединщики не вызывались. Въ это время бывшіе случайно въ Москвѣ мужики балахонники изъ подъ сѣверной стороны громко говорили между собою:

— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи,

— Этого борьца онъ бы нуль въ кучку склалъ!

Услыхали въ народѣ ихъ рѣчи, распросили ихъ о Рахтѣ и отправили изъ Москвы скорого гонца, чтобъ привезти силача въ Москву. Изъ быliny не извѣстно, кто распоряжается этимъ дѣломъ, и князь московскій при этомъ случаѣ не упоминается. Московскій гонецъ пріѣхалъ въ деревню Рагнозерскую, отыскалъ избу Рахты и узналъ отъ его жены, что онъ ушелъ въ лѣса. Узнавъ, съ какимъ порученіемъ прибылъ гонецъ, жена Рахты предупреждаетъ его, чтобы онъ не сердилъ ея мужа, пока онъ голоденъ, и говорилъ бы съ нимъ только тогда, когда онъ доволенъ покушаетъ хлѣба. Гонецъ по возвращеніи Рахты изъ лѣса исполняетъ ея совѣтъ. Насытившійся Рахта выслушиваетъ гонца и велитъ ему ѣхать немедленно въ Москву, обѣщаясь явиться туда раньше его. Гонецъ уѣзжаетъ. Рахта, подвязавъ лыжи, дѣйствительно раньше гонца добѣжалъ до Москвы и отыскалъ

князя московскаго. Здѣсь его кормили досыта и поили до-пьяна. Затѣмъ подоспѣлъ гонецъ и далъ совѣтъ князю московскому:

„Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,

„Тожно ты спусти къ борцу да на бореніе“.

Наголодавшійся Рахта быстро справился съ борцомъ невѣрнымъ, хватилъ его о кирпиченъ мостъ и склалъ въ кучку. На вопросъ князя:

„Чимъ тебя да нуночу пожертвовать?“

Рахта говоритъ, что ему ничего не нужно, только бы князь указалъ, чтобы въ Рагнозерскомъ озерѣ никто не ловилъ рыбы безъ его (Рахтова) дозволеньяца.

Не трудно видѣть, что слагатель этой нехитрой былины воспользовался нѣкоторыми чертами широко извѣстной въ Олонецкой губерніи пѣсни о Кострюкѣ Темрюковичѣ, этомъ борцѣ-нахвалящикѣ, пріѣхавшемъ въ Москву и посрамленномъ русскимъ силачемъ-мужикомъ въ присутствіи царя. Мѣстный патриотизмъ могъ подсказать ему мысль, для пушаго возвеличенія рагнозерскаго силача, отправить его на „бореніе“ въ Москву, чтобы и тамъ, въ столицѣ, подивились его силѣ. Но понятія о Москвѣ и московскомъ князѣ у слагателя и у его героя крайне ограниченныя. Рахта спрашиваетъ гонца:

— „А прибуду буде пораньше васъ,

Гдѣ искать мнѣ князя да московскаго?“

Рагнозерскій дикарь, прибѣжавшій въ Москву на лыжахъ, какъ какой-нибудь лопарь, не промѣняетъ родной деревни на Москву, и право распоряжаться ловлей рыбы въ своемъ озерѣ ставить выше всякихъ княжескихъ наградъ. Прimitивность попавшаго въ столицу захолустнаго мужика еще болѣе подчеркиваетъ дополненіе, сдѣланное къ былинѣ сказителемъ Ал. Ивановымъ. „Когда поединокъ кончился, царь сшилъ Рахтѣ цвѣтное платье, далъ десять рублей денегъ и велѣлъ гулять. Рахта пошелъ. Забѣтилъ это солдатикъ, остановилъ Рахту на улицѣ и сталъ требовать денегъ. Рахта струсилъ служиваго и отдалъ деньги. Тотъ сталъ требовать платья. Рахта и въ этомъ не смѣлъ отказать: зашелъ въ будку, снялъ цвѣтное платье и одѣлъ шинелишку. Приходитъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: „А гдѣ-жь у тебя платье и деньги?“ Рахта рассказалъ все какъ было. „Ну,

гдѣ тебѣ жить въ Москвѣ, Рахта, поди-ка лучше на свое Рагнозеро да лови рыбу“¹⁾.

Это дополненіе о томъ, какъ захолустный мужикъ спасовалъ передъ столичнымъ солдатомъ, напоминаетъ тѣ народные анекдоты, въ которыхъ продувной солдатъ потѣшается надъ сиволапыми мужиками и недогадливыми инородцами, беретъ, напримѣръ, съ попавшаго въ Москву мужичка деньги за право считать гадокъ, обижаетъ и обманываетъ проотсватыхъ бабъ и т. п. Цѣлая эпопея этихъ народныхъ анекдотовъ о солдатахъ собрана въ извѣстномъ разсказѣ Ивана Ваненка о солдатѣ Янкѣ-красной рубашкѣ.

Кромѣ единоборства съ невѣрнымъ борцомъ въ Москвѣ, къ имени мѣстнаго рагнозерскаго силача прикрѣплены еще два разсказа, сообщенные г. Ивановымъ. „Про силу Рахты разсказывается, что однажды онъ въ одну охапку принесъ лѣсу (копыльевъ, вязьевъ и оглобель) на двѣнадцать дровней; въ одинъ день и безъ помощи онъ выкашивалъ всѣ пожни по Рагнукусь, что коситъ теперь цѣлое сельское общество. Пригодилась Рахтѣ его необычайная сила и въ семейномъ дѣлѣ: у Рахты была жена, а у жены любовникъ. Имъ хотѣлось извести Рахту. Вотъ жена въ добрый часъ и спрашиваетъ мужа: „Всегда-ли у тебя одинаковая сила, или бываетъ она иногда меньше?“ Рахта проговорился, что когда онъ сотворитъ съ нею блудъ, тогда сила теряется. Жена воспользовалась этимъ, и Рахту связали. Лежитъ онъ посреди избы связанный, а жена забавляется съ любовникомъ. Приходятъ Рахтины дѣти—дочь и сынишка маленькій. Рахта проситъ подать ножикъ, но дочь не даетъ, говоря, что не смѣетъ, боится богоданнаго батюшки; сынишка же маленькій подаль отцу ножикъ; онъ перерѣзалъ канаты, побѣжалъ къ озеру, обмылся, сила возвратилась, и тогда онъ убилъ жену и любовника“.

Послѣдній разсказъ о расправѣ Рахты съ невѣрной женой и ея любовникомъ представляетъ лишь одну изъ безчисленныхъ аріацій на этотъ широко распространенный сюжетъ. Въ былевомъ эпосѣ той же Олонецкой губерніи этотъ же мотивъ, какъ извѣстно, разработанъ въ былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ, представляющей и частное сходство въ деталяхъ съ разсказомъ о

¹⁾ Дрeвнiя и новaя Россiя. 1876. № 6, стр. 197.

Рахтѣ. И здѣсь, и тамъ коварная жена, связавъ мужа, въ его присутствіи забавляется съ любовникомъ и затѣмъ передается казни освободившимся отъ своихъ путь мужемъ. Въ былинѣ Иванъ Гоудиновичъ, поваливъ Кощея, просить жену подать ему ножъ, чтобы его прикончить, но жена принимаетъ сторону Кощея; въ рассказѣ о Рахтѣ дочь отказывается подать ножикъ отцу, принимая сторону „богоданнаго“ бабушки. Извѣстна въ сказкахъ о невѣрныхъ женахъ и та черта, что жена овладѣваетъ силачемъ-мужемъ, когда онъ отъ извѣстнаго дѣйствія утратилъ временно свою силу. Можно поэтому думать, что весь этотъ рассказъ о Рахтѣ прикрѣпился лишь впоследствии къ рагнозерскому мужику-силачу, какъ обыкновенно бываетъ съ лицами, отличавшимися необычайной физической силой: рядомъ съ дѣйствительными случаями проявленія этой силы въ позднѣйшихъ рассказахъ уже являются анекдоты, почерпнутые изъ обычнаго международного запаса на тему о чудесной силѣ. Если на Рагнозерѣ дѣйствительно жилъ когда-то крестьянинъ-силачъ, въ чемъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, то онъ могъ проявить свою силу въ обычномъ крестьянскомъ обиходѣ—чисткѣ лѣса, охотѣ на звѣря, пахотѣ, косѣбѣ и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ проявленія силы въ крестьянскихъ работахъ и донесли до насъ преданіе въ рассказѣ о Рахтѣ, хотя, конечно, въ преувеличенномъ видѣ. Но жизнь крестьянина такъ однообразна, что такіе будничные подвиги представляютъ лишь незначительный интересъ. И вотъ личностью силача овладѣваетъ процессъ „поэтизаціи“. Мѣстный силачъ выходитъ изъ тѣснаго круга родной деревни въ міръ странствующихъ рассказовъ, онъ поборааетъ сильнѣйшаго борца въ столицѣ, на глазахъ у царя или князя, онъ вступаетъ въ сюжетъ о невѣрныхъ женщинахъ, какъ Самсонъ, Иванъ Гоудиновичъ, Потокъ Михайловичъ и многіе другіе. Изъ желанія разукрасить мѣстнаго силача припоминаются многіе рассказы, ходящіе о другихъ подобныхъ личностяхъ въ сказкахъ и былинахъ...

Съ этой стороны рагнозерскіе рассказы о Рахтѣ представляютъ лишь незначительный интересъ, какъ обычное приуроченіе къ мѣстному силачу мотивовъ изъ народныхъ сказокъ. Интереснѣе по своей загадочности имя рагнозерскаго силача. Рагнозерскій православный крестьянинъ носить не календарное имя и отчество, а какое-то странное, неизвѣстное ни въ святцахъ, ни въ

славянскихъ именованіяхъ. Это даже какъ будто не имя, а какое-то прозвище: Рахта рагнозерскій можетъ, пожалуй, представляться чѣмъ-то въ родѣ: *силачъ* рагнозерскій, *удалецъ* рагнозерскій. Необычность имени Рахта видна далѣе и въ томъ, что въ другихъ разсказахъ оно видоизмѣняется въ *Рахха* (у Иванова). Невольно является вопросъ: откуда могло имя Рахта попасть въ Олонецкую губернію?

Въ видѣ попытки отвѣтить на этотъ вопросъ выставляю слѣдующую догадку.

Извѣстно, что въ лѣтописяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ богатырей, знакомыхъ устному былевому эпосу (каковы: Добрыня Златой поясъ, Александръ Поповичъ), упоминаются и такіе, которые неизвѣстны современнымъ сказителямъ. Такъ еще Л. Майковымъ было указано въ его разсужденіи „О былинахъ Владимірова цикла“ на свидѣтельство о богатыряхъ кн. Владиміра, внесенное въ Никоновскій лѣтописный сводъ подъ 1000—1004 годами. Нѣтъ сомнѣнія, что приуроченіе въ этомъ сводѣ Александра Поповича и Яна Усмошвеца къ Владиміру объясняется устными сказаніями, ходившими о нихъ, какъ о богатыряхъ Владимірова цикла. Но Александръ Поповичъ (подъ именемъ Алеши Поповича) и доселѣ хорошо извѣстенъ былинамъ, а Янъ Усмошвецъ совершенно неизомъ сѣверному былевому эпосу, хотя основа лѣтописнаго сказанія о немъ сохранилась въ сказкѣ о Кожемякѣ (Кириллѣ или Никитѣ). Подъ тѣмъ же 1000 годомъ встрѣчаемъ упоминаніе и другого неизвѣстнаго устному эпосу богатыря: „Того жъ года преставися Рахдай удалои, яко наѣзжаше сей на триста воинъ. И плакася по немъ Владиміръ и погребе его со отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтіемъ“. Упоминаніе Яна Усмошвеца рядомъ съ Рагдаемъ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ старинной письменности, какъ любопытное свидѣтельство интересное для русскаго книжника XVII в. Такъ въ одной рукописи XVII в. Тверскаго музея (№ 3237, по описанію М. Н. Сперанскаго № 150, стр. 216, л. 23 об.) въ числѣ разныхъ выписокъ и замѣтокъ между тропарями Лаврентію Калужскому, Іоанну Суздальскому, Θεодору Суздальскому и спискомъ святыхъ-юродивыхъ помѣщена краткая замѣтка о богатыряхъ Владиміра: „У князя у Владиміра кіевскаго быша силніи мужи богатыри: ѧ) Іанъ Усмошвецъ Переславецъ, что печенежскаго богатыря на водѣ убилъ; ѧ) Рагдай

удалый, противъ трехъ сотъ могъ выходить на бой; ġ) Александръ Поповичъ; ċ) Ималь вредъ (sic!) сильный; ċ) и Андрихъ Добрянковичъ, и всѣхъ ихъ было 37 богатырей¹⁾.

Въ изслѣдованіяхъ по былевому эпосу уже была попытка воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ богатыря Рагдая (или Рагдая) для исторіи былинныхъ богатырей. Такъ Н. Квашнинъ-Самаринъ, исходя изъ убѣжденія, что Илья Муромецъ дѣйствительно жилъ при князѣ Владимірѣ, удивляется, что имя Ильи не упоминается въ лѣтописи на ряду съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней и спрашиваетъ, не одно ли лицо Ильи Муромецъ съ Рагдаемъ. Илья—христіанское имя богатыря, Рагдай—его славянское имя²⁾. Первоначально пѣсни, думаетъ Кв.-Самаринъ, могли знать его подъ обоими именами, потомъ осилило христіанское, особенно въ виду религіознаго почитанія Ильи Муромца.

Еслибъ это предположеніе почтеннаго изслѣдователя могло чѣмъ-нибудь быть подтверждено, оно получило бы несомнѣнное значеніе для исторіи типа народнаго богатыря. Къ сожалѣнію, оно само основывается на другомъ предположеніи, до сихъ поръ ничѣмъ не подтвержденномъ, что Илья Муромецъ—историческое лицо и притомъ жившее во времена князя Владиміра Святого. Проф. Дашкевичъ уже давно обѣщаль доказать историчность Ильи Муромца, но до сихъ поръ своего обѣщанія не исполнилъ. Не считая пока возможнымъ, вмѣстѣ съ Квашнинымъ-Самаринымъ, воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ Рагдая для *этой* цѣли, я ставлю вопросъ, нельзя ли утилизировать имя Рагдая только для объясненія имени рагнозерскаго силача. Не претендуя на полную убѣдительность, считаю возможнымъ привести въ пользу этого предположенія слѣдующія соображенія. Внесеніе имени богатыря Рагдая въ Никоновскій сводъ и другіе письменныя памятники можно объяснить только тѣмъ, что о Рагдаѣ, какъ о богатырѣ непомѣрной силы, наѣзжавшемъ на триста воиновъ, существовали когда-то рассказы, быть можетъ, пѣсни, въ народѣ, конечно, въ той же средѣ, которая пѣла объ Александрѣ Поповичѣ, Добрынѣ и другихъ богатыряхъ Владимірова цикла.

¹⁾ Сообщеніемъ этой выписки изъ рукописи Тверскаго музея я обязанъ проф. М. Н. Спранскому. То-же въ Сборномъ Подлинникѣ гр. С. Г. Строганова

²⁾ См. Квашнинъ-Самаринъ. Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи, — въ журн. „Бесѣда“ 1871, кн. V, стр. 226.

Имя его еще смутно помнилось въ Московскій періодъ, когда въ лѣтописный сводъ вносятся отголоски народныхъ сказаній о богатыряхъ Владиміра, но, повидному, Рагдай былъ заслоненъ другими болѣе популярными богатырями. Причина его захудалости въ эпосѣ намъ навсегда останется неизвѣстной, какъ многое другое въ исторіи нашихъ былинъ. Далѣе можно предположить, что какая-нибудь былина съ именемъ Рагдая попала въ сѣверный былевой эпосъ, въ тѣ мѣста, въ которыхъ былины сохранились въ наибольшемъ количествѣ, вслѣдствіе разныхъ условій, болѣе или менѣе объясненныхъ наукою, и какъ послѣдній отголосокъ памяти о Рагдаѣ, его имя въ незначительно измѣненномъ видѣ прикрѣпилось, быть можетъ, сначала какъ прозвище, къ мѣстному силачу, котораго собственное имя могло впоследствии забыться. Среди многочисленныхъ примѣровъ искаженія старинныхъ эпическихъ именъ въ устной традиціи передѣлка имени Рагдай или Рахдай въ Рахта не представляетъ никакихъ затрудненій. Замѣтимъ кстати, что въ имени Рагдай звукъ *г* произносился какъ спирантъ (нашъ *г* въ словахъ Бога, благо), какъ видно, между прочимъ, изъ варианта съ *х* (Рахдай), и что утрата звука *й* дифтонга *ай* не представляетъ большой рѣдкости въ языкѣ. Срав., напримѣръ, формы Вурондай и Буранда въ имени татарскаго предводителя, упомянутаго въ Ипат. лѣтописи (см. указатель), или народныя формы: да-ка (вм. дай-ка), послуша-ко (вм. послушай-ко), сичась, сычась (вм. сейчасъ), поди (вм. поиди) и т. п.

Конечно, еслибъ лѣтопись сохранила что-нибудь о подвигахъ Рагдая, каковы, напримѣръ, хотя бы лѣтописныя замѣтки объ Александрѣ Поповичѣ, мы могли бы найти въ самомъ содержаніи сказаній о Рахдаѣ и Рахтѣ какія-нибудь аналоги, которыя сдѣлали бы наше сопоставленіе болѣе вѣроятнымъ. Но при отсутствіи всякихъ подробностей о подвигахъ Рагдая между нимъ и Рахтой общимъ остается лишь то, что оба отличаются непомерной силой и носятъ близкія по звукамъ имена.

Нѣкоторой подпорой нашей догадки могутъ послужить другіе примѣры тому, что иногда старинныя имена, нѣкогда связанныя со сказаніями или пѣснями, сохраняются въ какой-нибудь одной мѣстности, совершенно исчезнувъ изъ народной памяти въ другихъ областяхъ. Такъ, имя половецкаго знаменитаго хана Боняка прикрѣплено къ урочищу Буняково займище около села Дере-

вечи Новоградволинскаго уѣзда, гдѣ была записана и сказка о шолудивомъ Бунякѣ. Но для насъ важнѣе другое преданіе, записанное на сѣверѣ въ Архангельской губерніи, въ которомъ сохраняется имя Кончака, не менѣе знаменитаго половецкаго хана. Изъ извѣстнаго мѣста Галицко-Волинской лѣтописи подѣ 1201 годомъ можно вывести, что въ народномъ преданіи историческій Кончакъ получилъ эпическую окраску. Про Кончака сообщается, что онъ „снесе Сулу пѣшь ходя, котель нося на плечу“¹⁾. Здѣсь Кончакъ, носящій на плечахъ котель (вѣроятно громадный) и въ немъ воду Сулы, представляется какимъ-то великаномъ, вѣроятно, въ связи съ какимъ-нибудь недошедшимъ до насъ сказаніемъ. И вотъ въ Архангельской губерніи находимъ великана Кончака вмѣстѣ съ упоминаніемъ о котлѣ. Максимовъ²⁾ приводитъ слышанный имъ въ губерніи рассказъ о братьяхъ великанахъ: Кончакѣ, Колгѣ и Жожгѣ, которые были такъ сильны, что, стоя далеко другъ отъ друга, перебрасывались котломъ, какъ легкимъ мячомъ. Естественно является предположеніе, что имя Кончака попало въ архангельское населеніе изъ какихъ-нибудь занесенныхъ туда сказаній и прикрѣпилось къ одной мѣстности, какъ имя Буняка къ извѣстному займищу Волинской губерніи и имя Рахты (Рагдая) къ Рагнозеру въ Олонецкой. Ограничусь этими примѣрами случайнаго сохраненія мѣстными преданіями старинныхъ, давно забытыхъ историческихъ или эпическихъ именъ, хотя подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Вс. Миллеръ.

¹⁾ Ипатьевск. лѣт. стр. 480.

²⁾ Годъ на сѣверѣ, 4-е изд. 1890, стр. 97.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ТЕАТРА.

IV. „ЦАРЬ МАКСИМИЛИАНЪ“.

(*Варианты 3 и 4*)¹⁾.

Изучение истории народного театра имѣетъ большой научный и практической интересъ.

Какъ извѣстно, первобытная народная поэзія отличается синкретизмомъ, смѣшеніемъ поэтическихъ элементовъ, родовъ и видовъ. Въ результатъ медленнаго процесса дифференціаціи и появляются эпосъ, лирика и драма, какъ особые виды поэзіи. Въ чистомъ видѣ эту эволюцію можно наблюдать въ исторіи греческой поэзіи, отчасти римской (комедія), индійской и китайской. Въ другихъ случаяхъ она осложняется вліяніями иноземными, междуклассовыми и книжными.

Слѣды обособленія драматическаго элемента замѣчаются очень рано, еще на почвѣ общенародной поэзіи. Это—драматизированные обряды и игры, которые въ силу переживанія сохраняются и до сихъ поръ. Рядомъ съ ними становятся позднѣ настоящія драматическія сценки, восходящія, повидимому, къ скоморохамъ. Характерный ихъ образецъ—давно уже опубликованная „Лодка“. Въ позднѣйшемъ дифференцировавшемся обществѣ не могло быть, конечно, полного разобщенія сословій и классовъ. Между общественными классами, книжной и народной поэзіей всегда были промежуточные звенья, всегда можно подытти явленіе эндосмоса и экзосмоса. Процессу литературнаго обмѣна помогаютъ скоморохи и калики перехожіе, „мандрованные дьяки“ и страстующіе школяры, обитатели „шпиталей“ и монастырскихъ богадѣленъ и т. д. Эта, по преимуществу, „бродячая Русь“ не потеряла еще народнаго облика и вкуса кой-что отъ книжной премудрости. Черезъ эту

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXVIII.

среду опускается и „народнѣть“, если можно такъ выразиться, рождественская драма; она является крестнымъ отцомъ „Вертепа“ и „Петрушки“—и, можетъ быть, знаменитаго „Максимиліана“. Но черезъ нее подымается въ затхлую и запѣсневѣлую книжную словесность народныя элементы. Это своеобразный классъ полуграмотныхъ людей, значеніе которыхъ въ исторіи нашей литературы пока еще очень мало оцѣнено.

Изученіе исторіи народнаго театра вскроетъ такимъ образомъ переживанія глубокой старины и дастъ любопытную картину литературнаго общенія разныхъ общественныхъ классовъ, проникновенія въ народную среду и ассимиляціи чуждыхъ элементовъ.

Оно же покажетъ направленіе и характеръ народныхъ вкусовъ. Исключительная популярность „Максимиліана“, напр.,—фактъ, съ которымъ надо считаться. Онъ показываетъ эстетическій уровень массы, знакомой съ оригинальными побѣгами драматическаго творчества, доказываетъ сильную потребность въ сценическихъ представленіяхъ. Вдумчивое изученіе записей невольно наводитъ на рядъ поучительныхъ размышленій.

Необходимость здоровыхъ и нравственныхъ развлеченій для народа, широкое воспитательное значеніе театра—слишкомъ общеизвѣстныя мысли, чтобы на нихъ останавливаться. Но для правильной постановки этого вопроса нужно знать и то, до чего самостоятельно додумался и доработался народъ, исторію его драматургическихъ попытокъ. Важное мѣсто въ этой исторіи принадлежитъ „Максимиліану“, крайне загадочному до сихъ поръ памятнику. Случайности устной передачи вызвали рядъ очень далекихъ другъ отъ друга вариантовъ, изъ которыхъ мудрено выдѣлать оригиналь; старая литература не даетъ, какъ намъ извѣстно, никакихъ указаній. Приходится довольствоваться пока догадками—и одну изъ нихъ мы и предложимъ для заключенія нашей замѣтки.

Не знаемъ, какъ кѣмъ, но нами чувствуется сродство „Максимиліана“ съ двумя теченіями петровской литературы. Первое—повѣсти, которыя свободно обращались съ иноземными именами, географической и исторической номенклатурой. Онѣ гнались за эффектами, впадали въ сантиментальность, развязно смѣшивали свое и чужое, старое и новое. У нихъ, повидимому, были точки соприкосновенія съ театромъ. „Максимиліанъ“ могъ быть обязанъ имъ нѣкоторыми именами и подробностями.

Другое—театральныя пьесы. Онѣ часто перерабатывали житія, сливая въ своеобразномъ синтезѣ духовныя и свѣтскіе элементы. Недавно нѣсколько образчиковъ подобныхъ пьесъ (собственно ролей) было издано г. Шляпкинымъ (Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. Пам. Древней Письм. СХХVIII СПБ., 1898). Нѣкоторыя особенности ихъ были отмѣчены уже Н. С. Тихоновымъ, г. Морозовымъ, Архангельскимъ и др.

Мы предполагаемъ сродство сюжета „Максимиліана“ съ „житіемъ св. мученика Никиты“ (оно издавалось не разъ—см., напр., Памятники старинной литературы, III, 146—149). Переработанное въ пьесу, оно могло осложниться потомъ разными посторонними элементами и, благодаря устному храненію, распастись на десятки далекихъ другъ отъ друга вариантовъ, сохранившихъ, однако, типическую для петровскихъ пьесъ наивность построения, обиліе чисто эпическихъ подробностей, повторенія и т. д.

Напомнимъ его содержаніе (Памятники):

„Въ оно время бысть мужъ мудръ, именемъ Никита, сынъ царевъ, нарѣцаемаго *Максемьяна*; любяше же Христа зѣло, понеже хоташе сосудъ избраненъ ему быти“. Во свѣ онъ увидѣлъ крестъ, поклонился ему и затѣмъ началъ его вездѣ разыскивать. Не безъ боязни показала ему крестъ блаженная Ульяна, и онъ сейчасъ же узналъ въ немъ свое „знаменіе“.

„Въ тѣ часъ шедъ ко отцю своему, и глагола ему: о невѣрный безаконниче! Жряху *боюмъ кумирьскимъ*; не вѣдахъ доселе“. И совлечеса съ ризъ своихъ и облечеса въ нищія ризы, яже отъ сукна, и глаголаше: „Господи! наведи мя на путь твой, да ся помолю тобѣ“.

„Отроча мало, именемъ Ульянъ преступникъ“ донесъ отцу Никиты: „молю ти ся, цесарю, яко *милой* твой сынъ молится Богу, рожемуся отъ дѣвицы Марія, и отчается *твоимъ кумирьскимъ*“. За доносъ царь обѣщаетъ награду—руку своей второй дочери. Увидѣвъ, какъ сынъ молится „въ церкви святой Богородицы на востокъ“, онъ окончательно убѣждается въ отступничество сына и говоритъ ему: „о чадо милое, слышахъ и не яхъ вѣры; нынѣ же видѣхъ тя самъ, вѣру яхъ, яко молишися Богу крестьяньскому и отчаетсяши *моимъ кумирьскимъ боимъ*“.

„И глагола ему святыи Никита: „о безаконниче, бози глухи, и нѣмы, и слѣпы, и безгласны суть: оуста имуть—не глаголють, очи

имуть—не видятъ, оуши имуть—не слышать, и руди имуть—не осяжутъ, нози имуть—и не поидуть, ноздре имуть—не обоняють, падають—не встають; то аще ти сами собѣ помощи сѣтвориши не можешь, а иного паки въставити мыслять не вѣдѣ(?), да аще молвиши, то дай же ми боги своя, елико ми ся ихъ достанеть, да отай поклонюся имъ“.

Обрадованный царь даетъ ему „золотыхъ боговъ“, но Никита ихъ „сотвори яко прахъ“ на „судищѣ“ своимъ жезломъ.

Максиміанъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ приносить жертвы богамъ Никита, и пришелъ въ полное смятеніе при видѣ ихъ поруганія: „о чадо мое, кто ся потвори ¹⁾, ци *Евурій* ты потвори, его же омучи братъ мой Дадьянъ“ (любопытное скрещиваніе легенды). Никита ему отвѣтилъ: „мене не потвори никто же, но уповаю на Бога моего живаго и безсмертнаго, да мя избавить отъ бѣды сея“.

„И повелѣ царь вести вонъ изъ града и привязати у столпа, и бити жилами говяжими, жилы же намочены оцта и желчи; доблий же Христовъ мученикъ Никита сию муку претрѣпѣ и помолися, глаголя: „благодарю тя, Христе Боже мой, кою похвальную память мою вижду, яко моя плоть желѣзомъ погибаетъ и тонкое мое тѣло увядаетъ“.

Архангелъ Михаилъ поддерживаетъ его небеснымъ видѣніемъ. Святого соблазняютъ затѣмъ „скверной дѣвицей“, но онъ откусываетъ себѣ языкъ, „поверже на сметыши“, и не принесъ все-таки жертвы „богошъ кумирскимъ“.

Слѣдующая затѣмъ мука—„одръ“: „възгоша на немъ огнь смолю и положиша на немъ святаго Никиту“. Святой молится, и на одрѣ вмѣсто огня появляется трава. Царь и удивился, и разгнѣвался. Онъ „повелѣ воиномъ вести святаго Никиту на гору высокую, и связавше, пустити низ с горы“. Опять чудо, которое обращаетъ на этотъ разъ въ христіанство и воиновъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ новыхъ, столь же неудачныхъ мученій

¹⁾ Памятнику древне-русской церковно-учительной литературы, I, СПб., 1894, 15: ни приапляйся нѣхъ творити; П ѣ т у х о в ъ, Серапіонъ, 62: того же гѣта съзгоша волхвы 4, творяхуть е, потворы дающе; явшася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны и потворницы, и многы волхованія, и потворы, и ложныя знаменія творяху и много зла содѣваху, многыхъ прельщающе. Семеновъ, Пчела, 60: потворы—farмакон.

и прельщеніе дьявольское. Мученикъ обращаетъ въ христіанство волхвовъ, которые безуспѣшно старались отравить его, и для доказательства своей правоты воскрешаетъ изъ столпа 2 мертвецовъ. Конецъ (въ изданіи „Памятниковъ“) не совсѣмъ ясенъ: „и всташа же вси людіе съ царицею на царя, а ис столпа же того потечетъ медь смѣшенъ с муромъ и масломъ. Блаженный же Никита крести весь градъ.... Успѣ же святой мученикъ Христовъ Никита“ и т. д. „Отреченныя книги“ Н. С. Тихонравова даютъ нѣкоторыя новыя и очень любопытныя черты (II, 112—120). Царь—*Максемьянъ*. Доносъ: „милый твой сынъ... отбывается твоихъ кумирьскихъ!“ Упрекъ отца: „отбываешься моихъ кумирьскихъ богъ“. Мученія и искушенія: 1) „бити жилами говляжими, жилы же намочены отца и желчи“ (явленіе Михаила, видѣніе награды); 2) „привести дѣвицю красну и положить верху его, яко да прилепится верху ея и пѣжретъ богамъ кумирьскимъ“ (отгрызеніе языка); 3) одръ, огонь; 4) связываютъ и сбрасываютъ внизъ съ горы; 5) „проверети святого за устну ремнемъ и завертѣти вѣло, яко не мощи ему ни двинутися, и принести роженъ желѣзень... и вложить въ десное ухо, и уголья просыпати подъ нозѣ его, жаратка насыпати во уста его, и стремглавъ повѣсити, и двѣ кадиль желѣзнь подъ пазусѣ его, по семь повелѣ подкурити хвратьемъ“; 6) дьявольское искушеніе; 7) „оковати и всадити в темницу“ (дьяволъ и ангелъ; предложеніе: *пожреши богомъ кумирьскимъ*; появленіе Михаила; плѣненіе дьявола); 8) появленіе на судищѣ съ бѣсомъ въ рукѣ—рѣшено „привязати межъ двѣма столпома и тако претерти тѣло его на полы“: „пила яко воскъ бысть“; 9) 2 волхва, попытка отравить „травою зминойдью и инымъ великимъ влѣхвованіемъ“; чудо и обращеніе волхвовъ (какъ раньше солдатъ); 10) требованіе Максемьяна воскресить мертвыхъ—„тогда повѣрю“; воскрешеніе 2 мертвецовъ и прославленіе Никиты; обращеніе гражданъ; возстаніе противъ Максемьяна: „всташа же вси людіе со царицею на царя“. Крещеніе народа и смерть Никиты. (Третій списокъ житія указанъ уг. Сперанскаго, Опис. рук. Тверск. музея, 207).

Сходство въ имени царя и основномъ сюжетѣ¹⁾ очень заман-

¹⁾ Впрочемъ, предложеніе поклониться „кумирьскимъ богамъ“, отказъ и мученія—довольно обычная черта житій и духовныхъ стиховъ. Важнѣе имя и

чиво, но мы нисколько не преувеличиваемъ его значенія. Можетъ быть, вмѣсто Никиты невольно подставилось (на народной почвѣ) извѣстное изъ лубочныхъ книгъ имя Адольфа, а потомъ пошло обрастаніе и перерожденіе основного (рукописнаго?) текста, благодаря устной передачѣ.

Въ приложеніи печатаемъ два интересныхъ варианта пьесы. Одинъ записанъ для насъ въ г. Глуховѣ (Черниг. губ.), другой—около Ярославля. Оба интересны не только для опредѣленія географическаго распредѣленія и распространенія пьесы, но и по своимъ оригинальнымъ и, кажется, еще неизвѣстнымъ подробностямъ.

Извѣстность „Максимиліана“ въ Малороссіи была, впрочемъ, уже отмѣчена нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ маленькой замѣткѣ „Кіевской Старины“ (1887, XII; срв. 1889, II) и „Этнографическимъ Обзорѣніемъ“ (XXXVI, 83—100).

I.

Сообщившій намъ глуховскій текстъ сопровождалъ его слѣдующимъ любопытнымъ примѣчаніемъ: „Бродячіе замороженные артисты, которые разыгрываютъ эту пьесу на рождественскихъ святкахъ, заходя изъ дома въ домъ,—обыкновенно ремесленные мальцы отъ 12 до 20 лѣтъ. Ходятъ они, уже облачившись въ подлежащіе, по ихъ мнѣнію, сценическіе костюмы, при чемъ сверху для защиты отъ холода наброшены полушубки, благодаря чему получается высоко комическое впечатлѣніе. Входя въ комнаты, полушубки, понятно, сбрасываются, и артисты остаются въ театральныхъ костюмахъ“.

Дѣйствіе первое.

(На сценѣ стоитъ стулъ, изображающій тронъ, возлѣ него „скорородъ-фельдмаршалъ“, ¹⁾ обыкновенно самый младшій членъ труппы. На немъ солдатскій или офицерскій мундиръ, сообразно съ тѣмъ, какой удалось достать артистамъ; на мундиръ попоны или епискіе еполеты, подлинныя или сдѣланныя изъ картона, цветной бумаги и шумихи, сабля или тесакъ, черезъ плечо красная лента. На груди орденъ и звезда. На головѣ шляпа съ султаномъ, сдѣланный или изъ жести, или изъ картона и сусальнаго золота.

Входитъ „царь Максимиліанъ“, одѣтый такъ же, какъ скорородъ. Впослѣдствіи ему приносятъ корону такого вида: обручъ, охватывающій голову;

то, что мученичеству подвергнулся сынъ царя. Есть сходство и въ отдѣльныхъ подробностяхъ: заточеніе въ тюрьму, переходъ палача на сторону мучимаго восстаніе противъ царя-мучителя и т. д.

¹⁾ Срв. „Спекуляторъ“—А. Малика, „Живой вертепъ“, Этн. Обзор.“ XXXV, 37.

къ нему придѣланы сверху дѣтъ полосы накрестъ, правильно изогнутыя. Наверху или на лбу короны иногда находится звезда. Дѣткъ у царя дѣтъ—красная, голубая или зеленая; орденовъ и звездъ побольше, чѣмъ у скорохода).

Максимиліанъ (къ публикѣ)¹⁾. Здравствуйте, всепочтенѣйшіе господа! Вотъ и я къ вамъ явился сюда. За кого вы меня признаете: за короля прусскаго или за принца ханцюзькаго? Я не есть король прусскій, ни принцъ ханцюзькій, а я есть царь Максимиліанъ! (Къ скороходу). Для кого сей тронъ сооруженъ?

Скороходъ. Для вашего царскаго величества! (уходитъ).

Максимиліанъ. Сяду я на этотъ тронъ, приму въ руки скипетръ и рукодержаву и буду судить свой народъ. (Садится на тронъ). Скороходъ-хитъмаршалъ, явись предъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ (быстро появляется, шага за три передъ царемъ становится на одно колено, вынимаетъ саблю, салютуетъ и воззаетъ ее въ землю съ лѣвой стороны, продолжая держаться за нее рукой). Почто, царь Максимиліанъ, меня призываетъ, или какія дѣла-вѣщавы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и принеси мнѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить мнѣ мой народъ.

Скороходъ. Пойду и принесу тебѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить тебѣ твой народъ. (Встаетъ, вкладываетъ саблю въ ножны и уходитъ).

(Появляется процессія: скороходъ среди двухъ дѣтъ, несущихъ корону, скипетръ — палку, обклеенную сусальнымъ золотомъ съ сусальнымъ звѣздой на верхушкѣ, и державу — шаръ, обклеенный сусальнымъ золотомъ. Въ трое—иногда процессія состоитъ и изъ большаго количества лицъ—поютъ):

Я къ царю иду,
Златой вѣнецъ несу,

На голову надѣну,
Хвалу провѣнесу.

(Этотъ куплетъ исполняютъ три раза, при чемъ третій и четвертый стихъ поютъ каждый разъ, стоя на коленяхъ. По окончаніи пѣнія скороходъ вручаетъ царю скипетръ и державу и надѣваетъ на его голову корону. Процессія удаляется).

Максимиліанъ. Скороходъ-хитъмаршалъ, явись предъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываетъ, или какія дѣла-вѣщавы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи ко мнѣ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхвѣ.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхвѣ (уходитъ).

¹⁾ Въ этомъ обращеніи черты рвешнаго тона. Срв. Наполеонъ у г. Малинки, іѣ.. 38. Самовосхваленіе Максимиліана („Этногр. Обзор.“ XXXVIII, 103; XXXVIII, 162—срв. Шляпкинъ, Царевна Наталья Алексѣевна, 21.

Адольфъ. Почто, отецъ, и т. д.

Максимиліанъ. Поклонись моимъ кумирчскимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирчскимъ богамъ. Я твои кумирчскіе боги подвергну подѣ ногѣ.

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего палача Брамбеуса: ¹⁾ пусть онъ на моихъ глазахъ сниметъ съ моего гордаго и непокорнаго сына Адольва ордена, ленты, кавалеріи, а съ плечъ его голову.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ палача Брамбеуса. Пусть онъ на твоихъ глазахъ и пр. (*уходитъ*).

Брамбеусъ (*въ черной маскѣ, съ черными шлемомъ на голову, съ черными перьями на шлемѣ, въ засученныхъ рукахъ, выкрашенныхъ въ красную краску, обнаженная сабля; одѣтъ онъ въ красную рубашку*). Почто, царь, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла — указы повѣдываешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольва на лобное мѣсто, сними съ него ордена, ленты, кавалеріи и на моихъ глазахъ голову.

Брамбеусъ. Пойду и отведу твоего непокорнаго и т. д. (*отводитъ Адольфа въ сторону, идѣтъ стоитъ дерево*).

Хоръ (*поетъ, не появляясь на сцену*):

Какъ на лобномъ мѣстѣ
Молодецъ стоитъ,
Думушку думаетъ,
Дышитъ тяжело.

Знать приходитъ времечко,
Добро прошло,
Съ плечъ его могучихъ
Сняли ордена.

(*Брамбеусъ при пѣніи этихъ стиховъ снимаетъ ордена и эпюлету съ Адольфа*).

Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по рукамъ;

Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по ногамъ.

(*Брамбеусъ обматываетъ цѣпью его руки и ноги*).

Брамбеусъ. Охъ, жалъ мнѣ царскаго сына, да нельзя измѣнить царскаго слова. (*Рубитъ Адольфу голову, затѣмъ декламируетъ*).

Подъ зеленою ракетой
Лежитъ царскій сынъ убитый.

Солнце и мѣсяцъ померкши,
Я на свою душу острый мечъ на-
кладамши (*Заканчивается*).

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи дѣдушку-гробокопателя!

¹⁾ См. (Сенковская), О. И. Сенковский, С.-Петербургъ, 1859, 61: „даже, по имени Григорій... страстно любилъ книги и всякую свободную минуту посвящалъ чтенію. Была въ особенности одна книга, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Я думаю, онъ такъ часто перечитывалъ ее, что уже зналъ всю наизусть. Герой этой книги былъ испанскій король Брамбеусъ, а геронья королева Брамбилла“. Мы не могли найти указаній на эту книгу.

Сороходъ. Пойду и пр. (*Уходитъ и возвращается съ дѣдушкой-гробокотелемъ*).

Дѣдушна-гробокон. (*съ длинной клочковатой бородой, въ полушубкѣ овчиной наружю, сюрбленный, съ палкой въ рукѣ*). Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и отнеси эти тѣла и закопай такъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало!

Дѣдушна-гробокон. Чтобы ихъ птицы клевали и звѣрье таскало? Хорошо, батюшка, сдѣлам!

Максимиліанъ. Нѣтъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало.

Дѣдушна-гробокон. Хорошо! (*Уноситъ тѣла*).

Дѣйствіе второе.

(*Максимиліанъ сидитъ на тронѣ; съ противоположномъ углу сидитъ король Мамай, одѣтый, какъ Максимиліанъ, но съ зубчатой короной (обручъ, отдѣланный сверху зубчиками) съ полумѣсяцемъ на ней. Возмъ короля Мамай стоитъ его племянникъ. Мамай держитъ въ рукахъ скипетръ и державу съ полумѣсяцемъ наверху*).

Мамай (племяннику). Возьми и отнеси царю Максимиліану въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненные стрѣлы, а скоро и я самъ къ нему приду въ гости.

Племянникъ. Возмю и отнесу и т. д.

(*Идетъ и несетъ Максимиліану ящикъ съ огненными стрѣлами*). Мой дядя прислалъ тебѣ въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненные стрѣлы и велѣлъ сказать, что скоро онъ и самъ будетъ къ тебѣ въ гости.

Максимиліанъ. Скажи своему дядѣ, что я ни пуль его, ни его самого не боюсь.

Племянникъ. Пойду и скажу (*уходитъ*).

(*Мамай идетъ къ Максимиліану и сражается съ нимъ. Максимиліанъ убиваетъ Мамай*).

Племянникъ (является и, увидѣвъ лежащаго дядю, восклицаетъ):

Ли мой дядя убитъ, ли онъ такъ лежитъ? (*наклоняется къ Мамаю*). Солнце и мѣсяць померкавши, я на свою душу острый мечъ накладываю. (*Закалывается*).

(*Максимиліанъ призываетъ сорохода и посылаетъ его за гробокотелемъ. Далѣе повторяется конецъ перваго дѣйствія*).

Дѣйствіе третье.

(*Максимиліанъ сидитъ на тронѣ. На противоположной сторонѣ показывается четмакъ-малороссъ, одѣтый такъ же, какъ Максимиліанъ, только корона у него на головѣ зубчатая съ крестомъ наверху, съ поперечными полосами или просто зубчатая съ крестомъ спереди, или такая, какъ у Максимиліана, но съ крестомъ наверху*).

Гетманъ-малороссъ (обращаясь къ публикѣ). Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля пруського,

или за принца хранцюзького? Я не есть король пруській, ни принць хранцюзькой, а я есть гетмань-малороссъ (*идеть къ Максимилиану*). Здравствуйте, ваше царское величество!

Максимилианъ (*сходитъ съ трона, кладетъ на тронъ скипетръ и державу, здоровається за руку съ гетманомъ*). Здравствуйте, гетмань-малороссъ! (*начинають прохаживаться по сценѣ*). Гдѣ бывали, что видали?

Гетмань-малороссъ. Бывалъ я по всемъ четыремъ сторонамъ: въ Парижъ, къ вамъ поближе, въ Итали, отъ васъ подалѣе ¹⁾. Но самое интересное, такъ это въ вашемъ государствѣ. Я прошу васъ показать жида: у него очень много денегъ, лошадей, красивая Хайка, и онъ очень хорошо танцуетъ.

Максимилианъ. А, не можете быть! Я и не зналъ! (*садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и зоветъ скорохода*). Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто, и пр.

Максимилианъ. Пойди и разыщи жида, у котораго много денегъ, лошадей, красивая Хайка и который хорошо танцуетъ.

Скороходъ. Пойду и разыщу жида, и пр. (*Уходитъ и возвращается съ жидомъ*).

Максимилианъ. Правда, Янкель, что у тебѣ много денегъ?

Жидъ. Ай вей, ваше царское и императорское величество! яки у зида гроши, хйба только одни восп!

Максимилианъ. А ну какъ я тебя велю казнить!

Жидъ (*бросаясь въ ноги Максимилиану*). Ай вей, тателе, мамеле! У меня е, е гроши, богато грошей, три скатули: въ одной густо, въ другой пусто, въ третьей нѣтъ ницаво.

Максимилианъ. Ну, вотъ хорошо. А вотъ еще у тебѣ кони хороши?

Жидъ. Ваше императорское величество! Ну, яки у зида кони?

Максимилианъ. Придется мнѣ, кажется, съ тобой расправиться!

Жидъ. Ай вей, у мене богато коней! Тройка синихъ, тройка сизыхъ, тройка нѣтъ никакихъ!

Максимилианъ. Ну, вотъ это такъ! У тебя еще жена, говорятъ, хороша?

Жидъ. Зинка? Ну, ваше императорское царское величество, какѡва у зида зинка? Йихъ банандъ, нема никаково!

Максимилианъ. Ой, смотри, Янкель!

Жидъ. Е, е зинка! Тамъ такъ хороша, хороша... а-а-а... восива, парсива, на припецку восп бье.

Максимилианъ. А, хорошо. Ну, теперь повесели насъ, спляши что-нибудь!

Жидъ. Ну каково у зида танцы?

Максимилианъ. Вижу, придется мнѣ расправиться съ тобою по-свойски!

¹⁾ Свр. Этн. Обзор. XXXVIII, 162.

Жидь. Ну, за цево такова рахуба! Ну, я вамъ и протанцюю. Я хорошо танци понимаю: якъ цуцыкъ на морози. Тольки позвольте мнѣ Богу помолиться, у насъ севодни сабась.

Максимиліанъ. Молись!

(Царь и гетманъ ходятъ, а жидь бормочетъ съ завываніями молитвы. Потомъ хоръ поетъ какую-нибудь пѣсню, жидь танцуетъ. Когда прохаживающіеся царь и гетманъ поворачиваются къ жиду спиной, онъ садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и самодовольно провозглашаетъ: „Я царю, царю!“ Жидь уходитъ, танцуя).

Гетманъ-малороссъ. Слыхалъ я, ваше царское величество, что у васъ въ темницѣ 33 года сидитъ непобѣдимый рыцарь Аника-воинъ: интересно было бы увидѣть его и побиться съ нимъ.

Максимиліанъ. Хорошо *(садится на тронъ)*. Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи Анику-воина изъ темницы, гдѣ онъ сидитъ 33 года.

Скороходъ. Пойду и приведу и пр. *(уходитъ и возвращается съ Аникой-воиномъ, одѣтымъ въ черный панцырь и черный шлемъ съ черными перьями)*.

Аника. Почто, царь, меня призываешь?

Максимиліанъ. Вотъ, Аника-воинъ, хочеть съ тобою мой пріятель Гетманъ-малороссъ помѣряться силами.

Аника. Вели расковать.

(Скороходъ снимаетъ цѣпь съ Аники и даетъ ему свою саблю, Аника и гетманъ сражаются, гетманъ падаетъ убитымъ, Аника уходитъ).

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ.** Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди, позови доктора.

Скороходъ. Пойду и позову доктора *(уходитъ)*.

Докторъ-нѣмецъ *(является съ клистирной трубкой)*. Што герръ царь меня присылай?

Максимиліанъ. Вотъ выльчи! *(указываетъ на гетмана)*.

Докторъ. О, корошо! Гдѣ мой нехотяй? Ты, фельдшеръ! Приступай скорѣй!

(Фельдшеръ появляется пьяный съ громадной бутылкой, изливаетъ муснымъ фальцетомъ:

„Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ изъ трактира въ погребокъ“.

Подходитъ къ гетману и довольно непочтительно хватаетъ его за носъ. Докторъ суетъ гетману подъ носъ пузырекъ).

Гетманъ *(вставая)*. Фу, какъ я крѣпко спалъ!

Максимиліанъ. Ваше царское величество еще дольше спали бы, если бы не докторъ!

(Появляется Престрашный Исполинъ. На немъ маска, панцырь и шлемъ—все черное).

Престрашный Исполникъ или Господинъ (*обращаясь къ публикѣ*).
Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля пруськаго или за принца ханцюзькаго? Я не есть король пруській, ни принцъ ханцюзькій, а я есть Престрашный Господинъ. (*Подходитъ къ Максимиліану и, вынимая саблю изъ ноженъ, бьетъ его по его саблѣ*). Царь Максимиліанъ, чего хочешь: биться или мириться?

Максимиліанъ. Хочу биться! (*Сражаются, гетманъ, докторъ и фельдшеръ въ страхъ убѣгаютъ. Исполникъ убиваетъ Максимиліана и садится на тронъ, чьязъ и кончается трагедія*).

(Записано въ Глуховѣ, Черн. губ., 19 октября 1891 г.).

Типическая особенность этого варианта—пестрое сплетеніе книжныхъ и народно-поэтическихъ чертъ. Къ книжному источнику можно возвести имена Максимиліана, Адольфа, Брамбеуса, Престрашнаго исполина, Гетмана-малоросса, мученіе за вѣру, сцену суда, отчасти эпизоды съ Мамаемъ и Аникой-воинномъ (посредство народныхъ пересказовъ книжныхъ сказаній?); Жидъ, можетъ быть, данъ интермедіями или вертепомъ; „лакейская цивилизація“ обогатила пьесу пѣсней: „Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ...“ Мѣстами чувствуется тонъ раѣшника, вѣсть народнымъ анекдотомъ, выступаютъ традиціонныя тройныя повторенія и 33 года, „хочешь биться или мириться“ и т. д. Искусственное произведеніе обрастаю народно-поэтическими образами и народными переработками другихъ книжныхъ произведеній. Но что относится къ первоначальному зерну и что къ позднѣйшимъ наростамъ? Только находка старинной рукописи или печатнаго текста дала бы намъ возможность отвѣтить на этотъ основной вопросъ темной пока литературной исторіи „царя Максимиліана“.

II.

Явленіе I.

(*Атаманъ, есаулъ, разбойники*).

Атаманъ. Здравствуйте, господа! Я за тѣмъ къ вамъ пришелъ сюда... Извините меня въ томъ, что я въ платьѣ худомъ: у меня дома есть праздничный мундиръ—77 дыръ, 32 заплатки, съ меня взятки гладки¹⁾. Я самъ миллионеръ родился, въ пышности воспитался, отца и матери

¹⁾ Срв. „Этногр. Обзор.“, XXXVII, 103.

лишался, и въ эту отчаянную шайку жить попалъ... Есаулъ, есаулъ, встань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Есаулъ. Что прикажете, господи́нь-атаманъ?

Атаманъ. Встань на край шляпки, смотри въ зрительную трубку— все ли на морѣ исправно?

Есаулъ. Вижу, вдали большая погода.

Атаманъ. Что намъ за невзгода? Я самъ атаманъ, славный воевода! Отворачивай ребята!

(*Всѣ поютъ*: „Какъ по матушкѣ, по Волгѣ...“)

Атаманъ (*есаулу*). Встань на край шляпки, смотри въ зрительную трубку,— все ли на морѣ исправно?

Есаулъ. Вижу вдали черны́й лѣсъ и красное село.

Атаманъ. Въ этомъ лѣсу черти живутъ, а это красное село всѣмъ намъ брюшко подвело.

(*Поютъ*: „Приворачивай, ребята, ко крутому бережечку!“)

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Царь Максимилианъ, скороходъ-фельдмаршалъ, Адольфъ, палачъ Браммаусъ, Маркъ-гробокопатель, лѣкарь—изг-подъ Каменнаго моста аптекарь, Степка-фельдшеръ*).

Максимилианъ. Здравствуйте, господа! За кого вы меня почитаете: за русскаго или за французскаго? Я не русскій, не французскій, а именно вашъ царь Максимилианъ. Именно ли для меня сей тронъ сооруженъ?

Всѣ (*съ одинъ голосъ*). Именно для васъ!

Максимилианъ. Прихожу я, свѣтло стало, се звѣзда съ небесъ спала, сажусь на тронъ, но никто меня не тронетъ,—буду судить царей-царевичей и королей-королевичей, и непокорнаго сына Адольфа.

(*Поется пѣсня*: „Наша царская корона будетъ вѣчно шествовать“.)

Максимилианъ. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ тронъ царя Максимилиана!

Скороходъ. Великій, грозный царь Максимилианъ, почто такъ скоро скорохода-фельдмаршала призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимилианъ. Позвать непокорнаго сына Адольфа!

Адольфъ (*на колѣняхъ*). Дражающій родитель, почто такъ скоро сына Адольфа призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимилианъ. Ты—сынъ мой, а я—родитель твой: очнися, юноша, опомнися, повѣрь моимъ кумирческимъ богамъ!

Адольфъ. Фу, Боже мой! Сказалъ, что не вѣрую твоимъ кумирческимъ богамъ: всѣ твои бози ¹⁾ терзаю подъ ножи ¹⁾, въ грязь мечу и ногами топчу!

Максимилианъ. Быть, быть не можетъ!

¹⁾ Остатки церковно-славянскихъ оормъ?

Адольфъ. Не боюсь.

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Великій грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать палача Браммауса!

Браммаусъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ, почто такъ скоро палача Браммауса призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Поди, отведи сына Адольфа въ темницу, дай ему хлѣба крошку и воды ложку.

Браммаусъ. Слушаю приказъ и исполняю тотчасъ!

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Великій, грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать непокорнаго сына Адольфа!

Адольфъ. Дражающій родитель, и пр.

Максимиліанъ. Призывалъ я тебя разъ, призываю и другой: очнися, юноша, опомнися, повѣрь моимъ кумарческимъ богамъ!

Адольфъ. Фу, Боже мой! Сказалъ, что не вѣрую, и пр.

Максимиліанъ. Быть, быть не можетъ!

Адольфъ. Не боюсь.

Максимиліанъ. Разстрѣляю!

Адольфъ. За Христа умираю.

Максимиліанъ. Позвать палача Браммауса!

Браммаусъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ, почто такъ скоро палача Браммауса призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Поди, отведи сына Адольфа на лобное мѣсто и предай его злой казни!

Браммаусъ. Жаль, жаль царскаго сына, но царскій указъ воленъ (?). Какъ я тебя Адольфа любилъ, такъ и убилъ, и самъ себя злой смерти предаю ¹⁾. Но проси своего родителя, не проститъ ли онъ тебѣ.

Адольфъ. Родитель, прости! (*трижды*).

Максимиліанъ. Не прощу! (*трижды*).

Адольфъ. Но хотя и не прощаешь, дай мнѣ попить, поѣсть, повеселиться и со всѣмъ здѣшнимъ народомъ проститься.

Максимиліанъ. Пей, ѣшь ²⁾ и со всѣмъ здѣшнимъ народомъ прощайся. Вотъ тебѣ три часа.

Адольфъ. Прощай, западъ и востокъ, весь предмилый здѣшній народъ; прощай, солнце и луна, предмилость здѣшня сторона; прощай, родъ, прощай, народъ; прощай, царь и царца/ и вы всѣ, красныя дѣвицы! Стало быть, мнѣ на бѣломъ свѣтѣ не жить, въ сыру землю свою голову сложить!

Максимиліанъ. Полно, полно, пташка, распѣвать, родительское сердце надрывать: пора тебя злой смерти предавать!

(*Поется пѣсня: „Умерла наша надежда и скончалася любовь“.*
Палачъ казнитъ Адольфа и тутъ же убивается самъ).

¹⁾ Слѣды путаницы и нарушенія послѣдовательности.

²⁾ Пропущено „веселись“.

Максимиліанъ. Скороходъ-фельдмаршалъ, явивъ предъ тронъ царя Максимиліана!

Скороходъ. Великій грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать Марка-гробкопателя!

Маркъ-гробкопатель (*ползя на четверенькахъ*). Скокъ черезъ порогъ, едва каляги (?) переволокъ, саблю въ потолокъ, пенья-коренья, лѣшій знаетъ, куда залѣзъ, солнце высоко, до царя далеко... Здравствуй, царь Максимиліанъ!

Максимиліанъ. Здорово, старикъ! Гдѣ былъ?

Маркъ. Въ Мамаевомъ царствѣ.

Максимиліанъ. Что дѣлалъ?—**Маркъ.** Бунилъ кулъ табаку.

Максимиліанъ. Ну, старикъ, нюхнемъ, да и за Волгу ¹⁾ махнемъ! Да вотъ эти тѣла нужно убрать.

Маркъ. Ободрать...

Максимиліанъ. Что, старикъ, говоришь?—**Маркъ.** Убрать.

Максимиліанъ. Тагъ, чтобы сверху не гнили, снизу черви не точили.

Маркъ. Черти не точили...

Максимиліанъ. Что, старикъ, говоришь?—**Маркъ.** Черви не точили.

Максимиліанъ. Старикъ, что дѣлаешь?—**Маркъ.** Тѣла обдираю.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ ломъ.—**Маркъ.** Я самъ обломъ.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ лопату,—**Маркъ.** Я самъ горбатый.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ пѣшню.

Маркъ. Я самъ съ пѣшью... Царь, пожалуйста за труды!

Максимиліанъ. А много трудовъ было?

Маркъ. Цѣлая сѣнная плѣтюха.

Максимиліанъ. Этому старыку 25 горячихъ!

(Кто-нибудь даетъ, а старикъ плачетъ).

Максимиліанъ. Старикъ, что ты?—**Маркъ.** Захворалъ.

Максимиліанъ. Позвать лѣкаря—изъ-подъ Каменнаго моста аптекаря.

Лѣкарь. Вотъ я и лѣкарь—изъ-подъ Каменнаго моста аптекаря. Не даромъ про меня прошла слава, что я вылѣчилъ не мало: десятковъ пять—шесть въ сырой землѣ есть. Бо мнѣ ходять на ногахъ, а уходить на дровняхъ ²⁾. Степка-фельдшеръ! *(трижды)*.

Степка-фельдшеръ *(откликается изъ другой комнаты только на третій разъ)*. Ау!

Лѣкарь. Гдѣ ты?—**Степка.** Въ телячьемъ хлѣву.

Лѣкарь. Что дѣлаешь?—**Степка.** Буриць дождь, коровъ на яйца сажаю.

¹⁾ Довольно неожиданный переходъ къ „лодкѣ“, замѣтый послѣдующимъ драматическимъ дѣйствіемъ.

²⁾ Вліяніе „Петрушка“? Кетати, глубочная картинка, изображавшая „Петруху Фарноса“, имѣеть подъ собою такую подпись:

Здравствуйте, почтенные господа!
Я пріѣхалъ къ вамъ, музыкантъ, сюда.

(„Десять чтеній по литературѣ“, М., 1896, 196). Орь. начало „Максимиліана“.

Лѣнаръ. Иди сюда!—Степна (*идетъ и поетъ*):

Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ И бутылки шевелятся,
Изъ трактира въ погребокъ, И стаканы говорятъ!

Лѣнаръ. Степна, пьянъ?—Степна. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Лѣнаръ. Пройди по одной половницѣ!

Степна. Позвольте, ваше благородіе, по всѣмъ! (*Идетъ и падаетъ*).

Лѣнаръ. Вотъ этого старика надо лѣчить.—Степна. А какъ его лѣчить?

Лѣнаръ. Съ боку на бокъ переверотить, а въ ж... осиноый колъ забить.

Снороходъ. Старикъ, что болитъ? Маркъ. Голова.

Лѣнаръ. Снять черепъ догола, мозговъ убавить да навозу подбавить.

Снороходъ. Старикъ, что болитъ?—Маркъ. Пузо.

Лѣнаръ. Съѣсть бы тебѣ 77 арбузовъ, зажигеть твое пузо.

Снороходъ. Старикъ, что болитъ?—Маркъ. Глаза.

Лѣнаръ. У меня есть туръ турецкій (?), купоросъ нѣмецкій: въ лѣвый глазъ пушу, въ правый выпущу, по недугу придетъ (?), оба вырветъ.

Снороходъ. Старикъ, что болитъ?—Маркъ. Зубы.

Лѣнаръ. Обрѣзать ихъ по самыя губы!

Снороходъ. Старикъ, что болитъ? Маркъ. Ноги.

Лѣнаръ. Обрубить ихъ на порогъ, козлячій приставить да плясать заставить!

(*Старикъ съ фельдшеромъ начинаютъ плясать. Поется пѣсня*):

„Русскій царь собралъ дружину плысть (sic) по морю на чужбину
и велѣлъ своимъ орламъ въ гости къ добрымъ пруссанамъ“.

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Царь Максимиліанъ*¹⁾, *Федотъ, Богиня, Смерть, Марсъ*).

Федотъ (*выходя на средину*). Я есть Федотъ, по прозванью анекдотъ. Кто противъ меня встанетъ, тотъ тутъ же ноги протянетъ. Всю я землю и луга изомель, никакого себѣ ни черта, ни монаха ни нашель! Нѣтъ мнѣ ни стрѣшника, нѣтъ ни поперешника!

Смерть. А вотъ тебѣ встрѣшница, вотъ тебѣ поперешница!

Федотъ. Что ты за баба, что за пьяница?

Смерть. Я не баба и не пьяница, а смерть твоя, красавица!

Федотъ. Дай мнѣ пожить на три годочка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три денечка.

Федотъ. Дай мнѣ пожить на три денечка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три часочка.

Федотъ. Дай мнѣ пожить на три часочка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три минутки, а вотъ тебѣ востра коса!

Марсъ. Ты, богиня, почто въ чужія земли залетаешь, на меня на

¹⁾ Въ этомъ явленіи онъ, однако, не выступаетъ: пропускъ или ошибка?

Марса нападаешь? Видишь гробъ и яму? Стой, не вались, прежде дѣла не хвались! Я съ тобой могу биться и рубиться, не хочу твоему вострому кинжалу покориться, на саблю радъ, на мечъ твой кладенець... Я выбираюсь противъ тебя молодець. Но проси своихъ боговъ, не могутъ ли они тебѣ..

Богиня. О, божи мои, божи! покорите, помогите ¹⁾ неприятеля подъ ноги! **Марсъ.** Сражаюсь.—**Богиня.** Защищаю ²⁾.

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Царь Максимилианъ, царь Мамай и молодой посланникъ).

Мамай. Молодой посланникъ, явись предъ тронъ царя Мамай!

Молодой посланникъ. Великій, грозный царь Мамай! Почто такъ скоро молодого посланника призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Мамай. Поди, отнеси царю Максимилиану пакетъ, зови сына Адольфа на объѣд!

Посланникъ. Великій, грозный царь Максимилианъ! Вотъ вамъ отъ царя Мамай пакетъ: зоветь сына Адольфа на объѣд.

Максимилианъ. Поди, отнеси царю Мамаю пакетъ,—скажи, что сына Адольфа 33 года въ живыхъ нѣтъ!

Посланникъ. Великій, грозный царь Мамай, вотъ вамъ отъ царя Максимилиана пакетъ, говорить, что сына Адольфа 33 года въ живыхъ нѣтъ ³⁾.

Мамай. Поди, отнеси царю Максимилиану пакетъ, проси дани-пошлины за всѣ годы прошлое (прошлые?) ⁴⁾.

Посланникъ. Великій, грозный царь Максимилианъ! Вотъ вамъ отъ царя Мамай пакетъ, просить дани-пошлины за всѣ годы прошлые.

Максимилианъ. Поди, отнеси царю Мамаю пакетъ,—скажи, что вѣсто дани, вѣсто пошлины—пули, ядра каменные... Его бусурманская голова съ плечь долой!

Посланникъ. Великій, грозный царь Мамай! Вотъ вамъ отъ царя Максимилиана пакетъ, говорить, что вѣсто дани, вѣсто пошлины за всѣ годы прошлые (sic)—пули, ядра каменные, его (sic) бусурманская голова съ плечь долой!

Мамай. А развѣ царь Максимилианъ не знаетъ, что царь Мамай здѣсь пребываетъ?

Максимилианъ. А развѣ царь Мамай не знаетъ, что царь Максимилианъ здѣсь пребываетъ?

Мамай. Сражаюсь! Максимилианъ. Защищаюсь!

Мамай. Съ тебя голову срубам!

(Село Прусово, Яросл. губ., 16 августа 1891 г.).

¹⁾ Отголоски церковно-славянской рѣчи?

²⁾ Защищаюсь?

³⁾ Любопытная передача на словахъ содержанія письма.

⁴⁾ Былевая черта.

Не легко разобраться въ этой пестрой смѣнѣ трагическихъ и комическихъ сценъ, въ этой сложной мозаикѣ книжныхъ и народно-поэтическихъ элементовъ. Сопоставленіе состава разныхъ вариантовъ можетъ дать все-таки нѣкоторые намеки относительно содержанія прототипа: къ нему можно отнести съ большою долей вѣроятія устойчивыя, постоянныя черты.

Было бы очень любопытно произвести подробное текстуальное сличеніе большаго количества вариантовъ. Пока ихъ издано мало, и мы сопоставимъ только крупныя, наиболее рельефныя черты извѣстныхъ намъ напечатанныхъ вариантовъ ¹⁾.

А. Петербургскій вариантъ 1. Травина.

(„Народный театр“. Сборникъ. М. 1895, 48—61).

1. Появленіе Максимиліана (скороходъ-фельдмаршалъ, Аника-воинъ, пажи) ²⁾.
2. Регалии (скипетръ, держава, вся римская честь и слава).
3. Судъ надъ непокорнымъ Адольфомъ; заключеніе въ темницу за разбойничество на Волгѣ.
4. Появленіе уральскаго казака; его пѣсня.
5. Вторичное появленіе Адольфа (Максимиліанъ послѣ его ухода женится на католичкѣ и принимаетъ католическую вѣру).
6. Приказъ Адольфу „повѣрить“ католическимъ богамъ и его отказъ.
7. Кузнецъ и заключеніе Адольфа въ оковы.
8. Гусаръ (А. С. Пушкина) и его рассказъ.
9. Третье появленіе Адольфа; усовѣщиванія; его желаніе послушать музыку и посмотреть плясуновъ. Пляска 2 мальчиковъ, пѣніе. Надѣвательство Адольфа надъ отцомъ.
10. Появленіе рыцаря Бранбуила, осужденіе Адольфа на смерть, его прощаніе съ народомъ и смерть.
11. Приглашеніе старика-гробкопателя; за обираніе трупа его бьетъ казакъ; онъ проситъ вознагражденія.
12. Портной и его мальчики; избіеніе гробкопателя.
13. Приглашеніе доктора; лѣченіе старика; надѣвательство доктора и побой казака.
14. Борьба и примиреніе Богини, Марса и Звѣзды, брата Богини.
15. Бой Марса съ Аникой-воинкомъ и его смерть.
16. Максимиліанъ призываетъ гробкопателя, казакъ бьетъ этого, старика хрыча³⁾ за обшариваніе трупа.
17. Бунтъ Аники-воинъ противъ Максимиліана.
18. Аника и Смерть.
19. Погребеніе Аники.
20. Сверженіе Максимиліана посланникомъ царя Арона; рѣшеніе Максимиліана „на Волгу отправиться и на легкой лодочкѣ кататься“.

¹⁾ Кроме указанныхъ ниже, срв. еще Письма Аксакова, III, 221—2.

²⁾ Максимиліанъ: За кого признали? За царя русскаго, за Наполеона французскаго, за короля шведскаго, или за судана турецкаго?.. Я не царь русскій и пр. Скороходъ: Почто скоро призываетъ, или что дѣлать повелѣваешь?

В. Чигиринскій вариантъ г. М. Васильева.

(„Этногр. Обзор.“, 1898, XXXVI, 83—100).

1. Иродъ, истребленіе Аникой младенцевъ, Иродъ и Смерть, рѣшеніе Аники поступить на службу къ Мамаю ¹⁾.
2. Появленіе богатыря Индюха (срв. въ нашемъ II вариантѣ Атамана) и Максимилиана (персидскаго царя).
3. Регалии (корона на скрещенныхъ мечахъ); „жандары“.
4. Еврей.
5. Пажъ ²⁾.
6. Первое приглашеніе Адольфа; „кимирическіе“ (магометанскіе) боги; Адольфа уводятъ.
7. Вторичный призывъ и отказъ Адольфа; его уводятъ.
8. Третье приглашеніе и заключеніе Адольфа въ оковы. „Я въ пустыню удаляюсь“.
9. Послѣдній призывъ и осужденіе на смерть Адольфа; братъ Максимилиана Брандавулъ.
10. Смерть Адольфа и Брандавула—убійцы.
11. Пажъ и дѣвъ - гробокопатель; еврей; погребеніе труповъ; дѣлежъ вознагражденія за погребеніе.
12. Цыганъ—грабитель.
13. Жалоба еврея, судъ надъ цыганомъ; портной; цыганъ.
14. Вой Буяна и Шампана, Капытова и Брандавула.
15. Богиня и Максимилианъ.
16. Король Мамай и воинъ, Максимилианъ и пажъ; грозныя письма, бой королей, смерть Мамай, его погребеніе (старикъ-гробокопатель).
17. Старикъ и еврей, ихъ столкновеніе; судъ надъ евреемъ; еврей на караулъ; еврей и чортъ.
18. Болѣзнь старика; докторъ („Ко мнѣ ведутъ на ногахъ, отъ меня ведутъ на дровняхъ“); фельдшеръ (=адъютантъ стр. 97); лѣченіе старика (Марка-гробокопателя, стр. 97).
19. Арапъ подъ Царь-градомъ; цыганъ.
20. Столкновеніе Богини и Брандавула; бой Капытова и Брандавула.
21. Максимилианъ и цыганъ мѣняются лошадьми.

В. Вариантъ г. Костина.

(„Этногр. Обзор.“, XXXVII, 103—116).

1. Появленіе и хвастовство Максимилиана (римская честь и слава ³⁾).
2. Регалии (скипетръ и держава, вся римская честь и слава и золотая корона).
3. Придворные рыцари, магометанскій посланникъ и дерзкая богиня, которая „подвергаетъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ“; перемѣна религій, негодованіе Адольфа и его бѣгство.
4. Поимка Адольфа („съ разбойниками знался“); его издѣвательство надъ отомъ; заключеніе въ темницу.

¹⁾ Сближеніе „Максимилиана“ съ „Вертепомъ“. Срв. Этногр. Обзор., 1897, XXXV: Иродъ, спекуляторъ, (=скороходъ), казакъ, Смерть, Наполеонъ, мушкетеръ, доносной казакъ, жидъ, лыцарь и дѣвушка, цыганъ и цыганка.

²⁾ Пажъ: „Почто такъ скоро призываешь, какія дѣла, вквы заповелѣ-вашь?“

³⁾ „Дати, за кого вы меня признаете: за царя русскаго, или за короля прусскаго, или за Наполеона французскаго?“.. „Я ни царь русскій, ни Наполеонъ французскій, ни король прусскій,—я изъ западныхъ странъ“.

5. Гусарь и его „геройство“.
6. Адольфъ, кузнецъ, казакъ и его „геройство“; осужденіе Адольфа и казнь, рыцарь Бормуилъ („Папаша приказалъ васъ казнить“).
7. Прощаніе Адольфа со свѣтомъ, его смерть, самоубійство Бормуила.
8. Старикъ-землекопатель, погребеніе труповъ; дортной; побои и болѣзнь старика; докторъ.
9. „Рыцарское штурмованіе“.
10. Богиня Венера и Марецъ; Звѣзда и его неудачный бой съ Марцемъ; убійство Богини.
11. Убіеніе Марца Аникой
12. Мамай („въ римскую имперію заберусь“), его племянникъ, 3 посланія Максиміана; отчаяніе Максиміана („о, боги мои, боги, боги—магометы!“); убіеніе Мамай Аникой, спасеніе града Антона. (вліяніе Бовы?)
13. Аника и Смерть.
14. Сверженіе Максиміана съ престола.

Г. Ръчницкій вариантъ в. А. Грузинскаго.

(„Этногр. Обзор.“, XXXVIII, 161—163).

1. Обращеніе актеровъ къ хозяину.
2. Появленіе Адольфа и Максиміана.
3. Регалии (скипетръ-держава и вся честь римская и слава).
4. Адольфъ („съ разбойниками знался“); заключеніе въ темницу.
5. Адольфъ и Максиміанъ: „была у тебя мать мереканская богиня, теперь я себѣ взялъ кумирическую богиню. Вѣруешь нашимъ кумирическимъ богамъ, золотымъ статуямъ?“
6. Отказъ Адольфа: „я ваши боги стержу подъ ноги, вѣрю Иисусу Христу, который распятъ на кресту, и содержу святой законъ“. Заточеніе въ темницу, второй призывъ, осужденіе на смерть. Воинъ Бурмаилъ.
7. Прощаніе Адольфа со свѣтомъ и его смерть.
8. Старикъ-гробокопатель и приказъ похоронить Адольфа (вм. Максиміана—Демьянъ¹⁾); болѣзнь старика. Докторъ и лѣченіе старика.
9. Еврей (дортной) и казакъ.
10. Максиміанъ и Богиня. Марецъ. Униженіе Богини. Вой Бурмаила и Марца; смерть Бурмаила. Убіеніе Марца Аникой. Аника и смерть.
11. Гусарь.
12. Есаулъ и еврей (переходъ къ „лодкѣ“).

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ вариантахъ слабо связаны разные сюжеты: 1) Максиміанъ и Адольфъ (основной), 2) Богиня и Марсъ, 3) Мамай, 4) Аника и Смерть, 5) „лодка“. Часто они не связаны совсѣмъ, иногда связь чисто механическая, внѣшняя; иногда трудно и сказать, какъ могло произойти самое слияніе сюжетовъ. Бывшая, несомнѣнно, въ основномъ сюжетѣ роль старика-могильщика развилась не въ мѣру, захватывая по пути разные комическіе элементы; происходитъ, повидимому, сближеніе съ „Вертепомъ“, „Петрушкой“, интермедіями и широкою областью народнаго анекдота и легкаго комическаго діалога. Основной сюжетъ обогащается то тѣми, то другими данными изъ обильнаго

¹⁾ Одно изъ пѣсенныхъ именъ царя—мучителя.

запаса народной памяти. Этотъ основной сюжетъ мы представляемъ себѣ приблизительно въ такомъ видѣ:

- 1) Торжественное появленіе Максимилиана; тронъ; свита.
- 2) Регалии и судъ; отказъ Адольфа; поруганіе боговъ.
- 3) Мученія Адольфа.
- 4) Его смерть и погребеніе (палачъ, гробокопатель, самоубійство палача, комическія выходки гробокопателя).
- 5) Гибель Максимилиана.

Этотъ сюжетъ осложняется или устойчивыми, распространенными, или случайными вставками. Къ первымъ можно отнести комическія сценки (докторъ, фельдшеръ, портной, еврей, цыганъ), „лодку“ (ея вліяніе сказывается въ обрисовкѣ Адольфа и даже Максимилиана), Богиню и Марса, Анику и Смерть, Мамая. Ко вторымъ — царя Арона, Федота (Анику?), гетмана-малоросса, гусара, Ирода, Индюха, Буяна и т. д. Роль старика-могильщика вторгается и во вставки.

Всѣ варианты богаты любопытными книжными чертами: искусственныя пѣсни, „гусарь“, „Марсъ“, „Венера“ (кстати, очень популярная въ „кантахъ“ — см. Сперанскій, I. с., 204, 224, 225, 250), „градъ Антонъ“, „Бурмаиль“, „Бормаиль“, „Брандавуль“, „Бранбуиль“, „Браммаусъ“, „Брамбеусъ“, „Шампанъ“, „римская честь“, „адьютантъ“, „римская имперія“ и т. д.

На ряду съ ними мелькаютъ черты духовныхъ стиховъ, былинъ, сказокъ, устойчивыя приемы народно-поэтической техники, разные виды ретардаціи, опредѣленность формулъ и т. д. На всѣхъ вариантахъ сильный отпечатокъ великорусской рѣчи¹⁾, что, можетъ быть, указываетъ на исходную точку распространенія пьесы; слабыя остатки церковно-славянской рѣчи, по всей вѣроятности, должны быть отнесены къ переработанному великорусскимъ простонародіемъ книжному прототипу.

В. Калашъ.

¹⁾ „Льваръ изъ-подъ Каменнаго моста аптекаръ“ и „Добное мѣсто“ — даже спеціально московскіе отголоски.

ОЧЕРКИ ПОШЕХОНЬЯ ¹⁾.

3. Народныя гаданія.

Самое видное мѣсто въ ряду народныхъ гаданій занимаютъ, конечно, гаданія святочныя; съ нихъ мы и начнемъ нашъ обзоръ народныхъ гаданій въ Пошехонскомъ уѣздѣ, привлекая иногда для сравненія данныя также изъ другихъ уѣздовъ Ярославской губерніи ²⁾.

Большинство святочныхъ гаданій совершается въ канунъ Новаго года и въ канунъ Крещенія, нѣкорые же виды гаданій совершаются въ теченіе всѣхъ святокъ. Для большинства гаданій дѣвицы сходятся вмѣстѣ, но не всѣ, какъ на бесѣду, а только самыя лучшія подруги, и, такимъ образомъ, составляются отдѣльные кружки. Большинство гаданій совершается вечеромъ или ночью; нѣкоторыя гаданія должны совершаться гадающимъ въ одиночку.

1) Самое распространенное гаданіе въ Ярославской губерніи — это *литье олова* или *воска*. Растопленное олово или воскъ выливаютъ въ ковшъ холодной воды или снѣга. При этомъ получается обыкновенно какая-нибудь замысловатая фигура, или „счастье“ гадающаго. Счастье это тщательно разсматриваютъ, объясняя затѣмъ его значеніе. Нѣкоторымъ счастье выливается въ видѣ вѣнца, что означаетъ замужество; другимъ въ видѣ гроба, что предвѣщаетъ смерть; третьимъ въ видѣ повозки, что указываетъ на дорогу, и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваютъ счастье „на тѣнь“, т. е. смотря, какую будетъ давать тѣнь полученная фигура при свѣтѣ свѣчи на стѣнѣ. По очертаніямъ этой тѣни и стараются обыкновенно узнать свою судьбу.

2) Упрощенный видъ означеннаго гаданія представляетъ существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гаданіе *по жженой бумагѣ*. Скомканную бумагу зажигаютъ со всѣхъ концовъ, и когда она испепелится, то прилежно разсматриваютъ самую полученную фигуру или тѣнь отъ нея на стѣнѣ, и такимъ образомъ стараются узнать свою судьбу.— Или же: смочивъ бумагу, выжимаютъ ее и,

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXV.

²⁾ Къ наблюденіямъ автора нами присоединены нѣкоторыя данныя по этому вопросу изъ матеріаловъ пошехонскаго старожила С. Я. Дерунова. Ред.

расправивъ, наблюдаютъ складки, чтобы опредѣлить свою судьбу. (Деруновъ).

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда употребляется гаданіе посредствомъ *личнаго бѣлка*. Гаданіе это въ сущности есть ничто иное, какъ видоизмѣненное литье олова или воска. Личный бѣлокъ выпускаютъ осторожно изъ яльца въ стаканъ съ холодною водою, гдѣ онъ и образуетъ различныя фигуры, какъ говорятъ въ народѣ, „городъ съ церквами“. Полученную фигуру тщательно разглядываютъ и по очертаніямъ ея дѣлаютъ заключеніе о будущей судьбѣ гадающаго. Этотъ видъ гаданія употребляется, впрочемъ, не особенно часто.—*Желтокъ*, выпущенный въ отдѣльный стаканъ, употребляется для такого же гаданія въ Пошехонскомъ уѣздѣ. (Деруновъ).

4) Чтобы узнать свою судьбу, иногда ходятъ *подслушивать подъ окнами сосѣдей* въ ночь на Новый годъ, и по случайно выслушаннымъ словамъ судятъ о своей судьбѣ. Если въ подслушанномъ разговорѣ будетъ упомянута рубаха, то гадающій вскорѣ умретъ; если упомянуть хомутъ, то у него украдутъ лошадь, и т. п. (см. ниже 19, 20).

Всѣ перечисленные нами виды гаданія совершаются преимущественно въ канунъ Нового года; въ означенныхъ гаданіяхъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и замужнія женщины, наравнѣ съ дѣвушками.

Особенно распространены гаданія о замужествѣ. Этотъ циклъ гаданій очень разнообразенъ.

5) Въ Пошехонскомъ уѣздѣ дѣвушка, желающая узнать свою судьбу, выходитъ ночью въ огородъ и ложится на сѣнъ; осторожно поднявшись, затѣмъ она уходитъ. Поутру она разсматриваетъ *отпечатокъ на снѣгу*, сдѣланный ея тѣломъ. Если отпечатокъ этотъ будетъ отчетливъ и ясенъ, то и жизнь дѣвушки въ теченіе дѣлаго года будетъ счастлива; напротивъ, растрескавшійся неясный отпечатокъ предвѣщаетъ несчастную жизнь. Гаданье это совершается въ теченіе всѣхъ святокъ. По словамъ г. Дерунова, гадающая ложится дважды, приговаривая въ первый разъ: „на сѣнѣ черта, какъ Адамова голова, повѣдай правду-истину“, а во второй разъ: „Евина голова, какъ свѣжная черта, повѣдай правду-истину“.

6) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки, чтобы узнать свою судьбу, ходятъ *слушать къ церкви*. Гадающая одна должна отправиться въ двѣнадцать часовъ ночи къ церковной паперти и слушать. Если она услышитъ пѣніе „Исаіе ликуй“, то въ этомъ же году выйдетъ замужъ; если же послышится плачь или пѣніе „Со святыми упокой“, то гадающая скоро умретъ.

7) Подобнымъ же образомъ ходятъ въ другихъ мѣстахъ *слушать на перекрестокъ дорогъ*. При этомъ замѣчаютъ, въ кото-

рой сторонѣ послышится собачій лай. Въ ту сторону, откуда слышится лай, и выйдетъ гадающая замужъ. Если собака лаетъ толстымъ, грубымъ голосомъ, то мужъ у гадающей будетъ старый, если тонкимъ голоскомъ—молодой.

С. Я. Деруновъ такъ описываетъ *гаданіе на крестахъ дорогъ*: „Одна или нѣсколько дѣвицъ идутъ изъ бесѣды или изъ дому въ поле по той дорогѣ, гдѣ есть перекрестокъ; здѣсь останавливаются, обходятъ большой кругъ, становятся въ него и кричатъ: „Чуръ ко мнѣ! чуръ меня!“ Послѣ этого зачуранія дѣвушки глядятъ на мѣсяцъ, если онъ виденъ, и поютъ: „Мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный, покажи намъ жениховъ!“ Затѣмъ, одна за другой припадаютъ головой къ землѣ, къ снѣгу, и слушаютъ, съ которой стороны слышится звонъ съ колокольни, или откуда ѣдутъ съ колокольчиками и бубенчиками: въ ту сторону услышавшая звонъ и выйдетъ замужъ. При этомъ гаданіи во время моей юности пѣлася пѣсня, изъ которой помню лишь нѣсколько стиховъ:

Мѣсяцъ на небѣ
Ярко свѣтится;
Ходитъ вѣтровичъ—
Въ полѣ шепчется.

Покажи-ка намъ,
Мѣсяцъ, ряженыхъ;
Шепни, вѣтровичъ,
Намъ о суженыхъ...“

8) Въ Ростовскомъ уѣздѣ гаданье это еще нѣсколько видоизмѣняется. Придя на перекрестокъ, гадающая начинаетъ *аукаться*. Съ которой стороны послышится громовой откликъ „самого“ (нечистаго), туда значить, выдадутъ ее замужъ. Впрочемъ, гаданья эти употребляются рѣдко: не всякая дѣвушка рѣшится выйти одна въ полночь къ церкви или на перекрестокъ.

9) Гораздо чаще слушаютъ, просто-на-просто *припадая къ землѣ*. Съ которой стороны послышится шумъ, оттуда придетъ къ гадающей и женихъ.

10) Чтобы узнать послѣднее, нерѣдко употребляется и такое гаданіе: въ Крещенье передъ обѣдней гадающая идетъ на чердакъ, садится *на боровъ* и *слушаетъ*, въ какой сторонѣ прежде всего заблаговѣстятъ: въ ту сторону дѣвушка и выйдетъ замужъ.

11) Чтобы узнать, богато или бѣдно придется жить гадающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ *слушать къ житницѣ*: если въ житницѣ послышится шумъ, какъ при пересыпкѣ хлѣба, то гадающая будетъ жить богато; если же, напротивъ, въ житницѣ будетъ тихо—гадающая будетъ жить бѣдно.

12) По своему характеру однородно съ перечисленными нами гаданьями существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *слушанье на подворотнѣ*. Гаданье это производится исключительно во время крещенской обѣдни. Гадающая, непремѣнно одна, выйдя на дворъ и растворивъ переднія и заднія ворота, накрывается „столешникомъ“ (скатертью), садится на подворотню переднихъ воротъ и

ждеть: если ей суждено выйти замужъ въ текущемъ году, то черезъ дворъ проѣдутъ съ бубенцами и колокольчиками, если же нѣтъ, то гадающая ничего не услышитъ. Гаданіе это употребляется сравнительно рѣдко, такъ какъ сопряжено со многими неудобствами для гадающей; такъ, напр., требуется, чтобы въ домъ никого не было, и т. д.

Нѣкоторыя гаданья употребляются спеціально для того, чтобы узнать, за „вдовца“ или „молодца“ выйдетъ замужъ гадающая дѣвушка.

13) Для этой цѣли гадающая идетъ въ огородъ и начинаетъ *вымѣривать прясло* маховыми саженьми, т. е. во всю ширину вытянутыми руками, произнося при каждой перемѣнѣ рукъ слова: „вдовець“, „молодецъ“. Если послѣдній разъ руки уложатся при словѣ „молодецъ“, то и гадающая выйдетъ замужъ за молодца, въ противномъ случаѣ—за вдовца.

14) Подобнаго же рода гаданіе употребляется и для того, чтобы узнать, богата или бѣдна будетъ жизнь гадающей въ замужествѣ; для этого обыкновенно *мѣряютъ житницу*. Гадающая подходитъ къ житницѣ и начинаетъ вымѣривать стѣну ея, сложивъ на груди крестообразно свои руки и произнося при каждой перемѣнѣ рукъ слова: „сусѣкъ“, „мѣшокъ“. Если послѣдній разъ сложенные крестообразно руки уложатся при словѣ „сусѣкъ“, то гадающая будетъ жить богато; если же уложатся при словѣ „мѣшокъ“, то придется жить бѣдно.

15) Вмѣсто вымѣриванія житницы или огорода иногда *считаютъ колья* въ огородъ, *ступени* на лѣстницѣ или *бревна* въ строеніи, произнося поочередно слова „вдовець“—„молодецъ“, или „сусѣкъ“—„мѣшокъ“.

16) Для того, чтобы узнать, какой будетъ женихъ, старый или молодой, гадающая дѣвушка идетъ ночью къ полѣнницѣ дровъ и беретъ на удачу первое попавшееся *полѣно*. Если выбранное полѣно окажется ровнымъ, прямымъ, то и женихъ будетъ красивый, молодой; если, напротивъ, полѣно попадется кривое, сучковатое, то и женихъ будетъ некрасивый, старый.—Если полѣно при гаданіи трещить, то мужъ будетъ брюзга и драчливый (Деруновъ).

17) Одинаковаго значенія съ только что приведеннымъ гаданьемъ и другое, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда и извѣстное подъ именемъ *хоронить золото*. Дѣвушки, собравшись вмѣстѣ, берутъ четыре блюда; одна изъ нихъ, не участвующая въ гаданіи, кладетъ въ одно блюдо уголь, въ другое—печанку, т. е. кусокъ глины отъ печи, въ третье—щетку и, наконецъ, въ четвертое—кольцо, и закрываетъ блюдо платками. Послѣ этого заговѣвается извѣстная пѣсня: „Ужъ я золото хороню“, а также другія ¹⁾.

¹⁾ Пѣсни приводятся по записи С. Я. Дерунова. Ред.

- 1) Ужь я золото хороню, хороню, Да не отгадали.
 Чисто серебро прихорониваю, Добры молодцы, 2)
 Я у батюшки въ терему, въ терему, Отгадайте сами.
 Я у матушки въ высококъ, въ
 Паль-упалъ перстень [высокомъ. 2) Гадай, гадай, дѣвица,
 Въ калину, малину, Въ коей рукѣ былица, —
 Въ черную смородину, Былица достанется,
 Въ алую земляночку... Жизньъ пойдетъ, покатится,
 Очутился перстень По пригожей срядится,
 У дородна молодца 1) Молодцу достанешься,
 На правой на рученькѣ, Выживешь, состаришься...
 На правомъ мизинчикѣ... *Притѣзъ:* Черезъ поле идучи,
 Гадай, гадай, дѣвица, Русу косу плетучи,
 Въ коей рукѣ былица. Шелкомъ приплетаючи,
 Дѣвушка гадала, Златомъ первиваючи.
 Да не отгадала,
 Доброва молодчика...
 Вы подруженьки,
 Вы голубушки,
 Вы скажика-те,
 Не утайте-ка,
 Мое золото
 Миѣ отдайте-ка.
 Меня матушка
 Журить будетъ, бить
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 По четыре прутика
 Жемчужные.
 Дѣвицы гадали,
- 2) Гадай, гадай, дѣвица,
 Въ коей рукѣ былица, —
 Не ладная выскользнетъ,
 Негадано выплыветъ,
 Жизньъ пойдетъ, покатится
 Не по жемчугъ — золоту.
Притѣзъ: Черезъ поле идучи, и пр.
 Гадай, гадай, дѣвица,
 Въ коей рукѣ былица, —
 Былица на золотѣ,
 На жемчугѣ, серебрѣ...
 Съ молодцомъ повянешься, —
 Поживешь, извѣдаешь —
 Съ горя не заплачешься...
Притѣзъ: Черезъ поле идучи, и пр.

Четыре изъ гадающихъ дѣвушекъ подъ звуки этой пѣсни вынимаютъ поочередно изъ закрытыхъ блюдеъ, что кому достанется. Если дѣвушка вынетъ уголь, то у нея мужъ будетъ негодяй и пьяница, если печинку — то она сама вскорѣ умретъ, если щетку — значитъ у нея мужъ будетъ некрасивый, старый и житье нескладное, если же вынетъ, наконецъ, кольцо — то значитъ мужъ у нея будетъ молодой и житье счастливое. То же и для мужчинъ.

18) Чтобы узнать цвѣтъ волосъ жениха, дѣвушка выходитъ на дворъ и беруть изъ подворотни по *юрсти снѣгу*. Затѣмъ, когда снѣгъ растаетъ, *ищутъ волосъ*, который, въ большинствѣ случаевъ попадая въ снѣгъ, остается въ рукѣ: какого цвѣта волосъ, такого цвѣта будутъ и волосы у жениха.

1) Вар. „дворянина“.

2) Вар. „господа дворяне“.

Имя жениха узнается обыкновенно *подслушиваніемъ* подъ окнами или *слушаніемъ подъ матицей* и *спрашиваніемъ встрѣчнаго*.

19) Въ крещенскій сочельникъ, по возвращеніи отъ вечерни съ освященной водой, гадающая дѣвушка беретъ въ ротъ кусокъ хлѣба (предпочитается прѣсный) и немного освященной воды и становится затѣмъ *слушать подъ матицу* (балку): первое произнесенное присутствующими имя и будетъ имя ея жениха.— Становятся также подъ кресты воронца или подъ полицу у печки для подслушиванія (Деруновъ).

20) Для той же цѣли выходятъ поутру *слушать подъ окна* сосѣдей: первое произнесенное у сосѣдей имя и будетъ имя жениха гадающей. Подслушивать должно, держа въ рукахъ огарокъ первой зажженной утромъ, при затопкѣ печи, лучины или спички.

21) Чтобы узнать имя жениха, выходятъ съ теплымъ блиномъ *спрашивать встрѣчнаго*. Какъ только испекутъ утромъ о святкахъ первый блинъ, гадающая дѣвушка беретъ его, кладетъ себѣ на голову и, выйдя на улицу, поджидаетъ какого-нибудь мужчину, котораго и спрашиваетъ объ его имени. Имя встрѣчнаго и будетъ носить женихъ гадающей дѣвушки. Иногда спрашиваютъ также имя перваго славильщика, а иногда просто-на-просто имя перваго вошедшаго поутру въ избу мужчины. Такое же опрашивание дѣлается и парнями (Деруновъ).

22) Для того, чтобы узнать, которая изъ дѣвицъ выйдетъ раньше замужъ, гадаютъ иногда посредствомъ *лучинокъ*. Совершается это гаданье такимъ образомъ: каждая гадающая дѣвушка беретъ огарокъ первой зажженной утромъ лучины, и съ этими огарками всѣ *идутъ на прорубь*, въ которую и опускаютъ зажженные лучинки. Придя затѣмъ снова въ избу, гадающія стараются вторично зажечь лучинки. Чья лучинка скорѣе загорится, та дѣвушка скорѣе всѣхъ выйдетъ и замужъ.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, выйдетъ ли дѣвушка въ данномъ году замужъ, употребляется нѣсколько различныхъ гаданій. Въ Ростовскомъ уѣздѣ употребляется гаданіе при помощи соломѣ или квашни. Опишемъ вкратцѣ то и другое.

23) Гадающія дѣвушки идутъ на дворъ, и каждая беретъ по горсти соломѣ изъ находящихся на дворѣ пучковъ, выбирая соломѣ какъ можно прямѣе. Затѣмъ, возвратившись въ избу, стараются *воткнуть пучки соломѣ въ потолокъ* избы: если соломѣ воткнется у гадающей дѣвушки попарно, то значить въ будущемъ году дѣвушка непременно выйдетъ замужъ; въ противномъ случаѣ ей придется, какъ говорятъ, еще годокъ посидѣть въ дѣвкахъ.

24) При *гаданіи съ квашней* гадающія дѣвушки берутъ квашню и идутъ въ огородъ. Здѣсь одной изъ нихъ завязываютъ глаза платкомъ, даютъ въ руки мутовку и заставляютъ отыскать кваш-

ню, предварительно спрятанную въ снѣгъ. Дѣвушка шепчетъ ее, бродя по сугробамъ и размахивая во всѣ стороны мутовкой. Если она найдетъ квашню и ударить по ней мутовкой, значить—быть ей замужемъ скоро, въ противномъ случаѣ придется сидѣть въ дѣвицахъ.

25) Во многихъ мѣстахъ распространено *гаданье съ кольцомъ посредствомъ пѣтуха*. Дѣвушки стараются скрасть у славильщиковъ нѣсколько горстей овса. Вечеромъ, собравшись на „посидки“ или, какъ говорятъ въ иныхъ мѣстахъ, на „бесѣду“¹⁾, гадающія дѣвушки кладутъ свои кольца на полъ и обсыпаютъ овсомъ. Впустивъ затѣмъ пѣтуха, наблюдаютъ: чье кольцо пѣтухъ, клюя зерна, выкинетъ прежде, та дѣвушка прежде всѣхъ выйдетъ и замужъ. Въ какую сторону будетъ выброшено кольцо, оттуда прѣдетъ и женихъ.

26) Въ другихъ мѣстахъ пекутъ *лепешки* и даютъ ихъ такимъ же образомъ ѣсть *собакъ*. Чью лепешку первую схватитъ собака, та дѣвушка прежде выйдетъ замужъ.

27) Нѣсколько похоже на это и другое гаданье, известное во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. У славильщиковъ изъ дуги нарѣзываютъ тихонько стружекъ; затѣмъ, эти *стружки зажигають* и замѣчаютъ: въ какую сторону пойдетъ отъ нихъ дымъ—въ ту сторону и выйдетъ дѣвушка замужъ.

28) Последнее узнается точно такъ же съ помощью наблюденія надъ коровой или бросанія башмака. Въ Рождественскій сочельникъ гадающая дѣвица замѣчаетъ: *въ какую сторону лежитъ корова* въ этотъ день рогами—въ ту сторону гадающая и выйдетъ замужъ. Бросаніе башмака, довольно распространенное гаданіе, совершается по большей части наканунѣ Нового года. Гадающія дѣвушки поочередно *кидають башмакъ черезъ колодезь*, замѣчал затѣмъ, въ какую сторону онъ ляжетъ носкомъ: въ ту сторону гадающая и выйдетъ замужъ.

29) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ *гаданье съ водою*. Гадающія дѣвушки отправляются на рѣку или на колодезь. Набравъ тамъ полный ротъ холодной воды, бѣгутъ во всю мочь, не оглядываясь, къ своимъ домамъ. Если дѣвушка добѣжитъ до дому не проглотивши и не выплюнувъ своей воды, то, значить, выдадутъ ее замужъ въ будущемъ году; въ противномъ случаѣ ей придется весь будущій годъ сидѣть въ дѣвицахъ.

30) С. Я. Деруновъ сообщаетъ изъ Пошехонскаго уѣзда слѣдующее *гаданье у проруби*: гадающая или гадающій идетъ подь Новый годъ къ проруби на рѣкѣ, зажигаетъ свѣчку или лучину и смотритъ внимательно въ освѣщенную воду, гдѣ показывается суженый. Это гаданье считается для дѣвушекъ страшнымъ, подоб-

¹⁾ Этииъ обычаемъ былъ посвященъ нашъ 2-й очеркъ въ XXXV кн. „Этногр. Обзорѣнія“. А. Б.

но нижеслѣдующему (32) гаданью съ двумя зеркалами, потому что суженый можетъ утащить гадающую въ воду; поэтому дѣвушка, увидѣвъ образъ суженаго въ водѣ, должна „чураться“, т. е. говорить: „чурь меня!“

31) Желая видѣть своего „суженаго-ряженаго“ въ лицо, поступаютъ иногда такимъ образомъ: на столѣ постилагается чистое бѣлое *полотенце*, на полотенце кладутъ *зеркальце*, а на зеркальце ставятъ *рюмку съ водой*, въ которую опускается *кольцо*. Гадающая долго и пристально смотритъ въ кольцо, пока не увидитъ въ лицо жениха. Впрочемъ, существуетъ повѣрье, что гадающая только въ томъ случаѣ увидитъ лицо своего суженаго, если онъ будетъ незнакомый молодець; если же онъ знакомый, то гадающая увидитъ только его затылокъ.

32) Гаданье съ *зеркаломъ* обыкновенно варьируется на нѣсколько ладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Ставятъ два зеркала такъ, чтобы одно отражалось въ другомъ. Передъ однимъ изъ нихъ ставится столъ и двѣ свѣчки. Гадающая садится передъ столомъ и смотритъ въ зеркало пристально и долго, по возможности, не мигая, до тѣхъ поръ, пока не увидитъ свою „судьбу“. Однимъ кажется въ данномъ случаѣ гробъ, такихъ ожидаетъ скорѣй смерть; другимъ является женихъ и т. д. Необходимо, чтобы гаданье это совершалось непременно въ ночь на Новый годъ, въ 12 часовъ ночи. Гадающая должна быть въ комнатѣ непременно одна: при несоблюденіи этого условія, самое гаданье не будетъ имѣть никакого значенія. Гаданье съ *зеркаломъ* совершается еще и инымъ образомъ въ крещенскую обѣдню. Гадающая, положивъ одно зеркало на шестокъ, просовываетъ затымъ голову въ трубу, въ отверстіе, гдѣ вкладываются „вьюшки“ (устройство крестьянскихъ печей дѣлаютъ это возможнымъ), а также просовываетъ туда и одну руку, въ которой держитъ зеркало надъ головой, и затымъ начинаетъ смотрѣть въ зеркало, положенное на шесткѣ, не мигая. Приступая къ этому гаданью, приговариваютъ иногда: „не властенъ Богъ, не благослови Христосъ“, или: „тъма разступись, а ты, суженый, покажись“. Въ зеркалѣ, положенномъ на шесткѣ, гадающая обязательно увидитъ лицо или затылокъ своего суженаго.

33) Посредствомъ зеркала угадываютъ, наконецъ, составъ семи жениха. Съ этою цѣлью дѣвушка, выйдя на улицу, *наводитъ зеркало на мѣсяцъ*. Если въ зеркалѣ будетъ одно отраженіе мѣсяца, то, значить, у жениха нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ. Если же въ зеркалѣ будетъ нѣсколько отраженій, то соответственно числу отраженій и будетъ у гадающей число деверей или зюловокъ

34) *Глядѣть подъ овинъ*, гаданье, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, есть не что иное, какъ то же

гаданье при помощи зеркала, только видоизмѣненное. Гадающая дѣвушка идетъ днемъ, но непремѣнно одна, въ подь-овинѣ. Ставши въ подь-овинѣ, она смотритъ пристально и долго вверхъ сквозь колосники ¹⁾. Черезъ нѣсколько времени она увидитъ лицо своего жениха, какъ сквозь дымъ или паутину.—По наблюденіямъ Дерунова, гадающая влѣзаетъ въ овинѣ на полицу, открываетъ „садило“—окно, въ которое сажаютъ снопы на овинѣ, и глядитъ въ тьму овина, гдѣ ей показывается лицо суженаго.

35) Существуетъ, наконецъ, гаданье, дающее возможность увидѣть своего „суженаго-ряженаго“ вблизи, такъ сказать; во всѣхъ его подробностяхъ. Гадающая дѣвушка запирается на ночь одна въ *нежилой комнатѣ* или *банѣ*. Въ комнатѣ накрывается столъ и ставятся *два прибора*; ножей, впрочемъ, не кладется, потому что „самъ“ ²⁾ зарѣжетъ въ такомъ случаѣ гадающую. Незадолго до полуночи, до пѣнія пѣтуховъ, котораго нечистые боятся и послѣ котораго уже не выходятъ, гадающая садится за столъ и, смотря въ окно черезъ лѣвое плечо, приглашаетъ къ себѣ своего жениха словами: „суженый-ряженный, приходи ко мнѣ ужинать“, или: „приходи со мной трапезу трапезовать, а не горе горевать“ (Деруновъ). Очень нерѣдко случалось, какъ говорить въ народѣ, что женихъ являлся на подобное приглашеніе, или же, по крайней мѣрѣ, показывался въ окно.

Кромѣ перечисленныхъ нами гаданій, существуетъ пѣлый рядъ святочныхъ гаданій, посредствомъ которыхъ гадающей или гадающая можетъ увидѣть свою „судьбу“ во снѣ, т. е. рядъ гаданій, основанныхъ на вѣрѣ въ сновидѣнія.

Чтобы увидать суженаго во снѣ, употребляются различные приемы. Перечисляемъ ихъ здѣсь:

36) Гадающая дѣвушка должна ночью тихонько отколотъ отъ угла сосѣдскаго дома щепку и въ ночь на Новый годъ положить *щепку въ изголовье* своей постели съ словами: „суженый-ряженный, явись ко мнѣ“. Въ эту ночь ей непремѣнно приснится суженый. Вмѣсто щепки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладется въ изголовье *зеркало*, или *шолка*, или, наконецъ, *игральная карта* (король—для дѣвушки, краля—для парня).

37) Гадающая дѣвушка съѣдаетъ, ложась спать, наперстокъ *соми*, произнося тѣ же слова: „суженый-ряженный, явись ко мнѣ“.

38) Гадающая втыкаетъ конецъ *веретена* въ косу.

39) Въ изголовье постели кладется *колотезъ*, т. е. четыре-

¹⁾ Толстыя жерди, на которыя ставятся снопы хлѣба для просушки. Жерди эти кладутся не дальше, какъ на полтора или на два вершка другъ отъ друга.

²⁾ Крестьяне рѣдко называютъ чорта чортомъ или дьяволомъ изъ боязни его; обыкновенно же называютъ его: онъ, самъ, черный, нечистый. Особенно избѣгаютъ говорить объ немъ вечеромъ; въ послѣднемъ случаѣ всегда оговариваются: „не къ ночи будь сказано“.

угольникъ, сдѣланный изъ *лучинокъ*. Суженый-ряженный придетъ къ этому колодцу поить коня.

40) Въ изголовье постели кладется *стѣликъ*, или голикъ: суженый придетъ въ данномъ случаѣ учить свою будущую жену мести полъ. Кладется также *кнутъ*, символъ власти мужа. Если придетъ злой суженый, то беретъ положенное подъ подушку, а добрый начинаетъ цѣловать (Деруновъ).

41) Запирають дужку *ведра* замкомъ и *ключъ* кладутъ себѣ подъ голову или надъбавютъ на большой палецъ, а чаще всего на мизинецъ лѣвой ноги: суженый придетъ просить ключа.

42) Сыплютъ *овесъ*, по преимуществу украденный у славильщиковъ, къ порогу и подъ кровать: суженый въ данномъ случаѣ придетъ со своею семьею подбирать хлѣбъ.

43) Въ изголовье постели кладется *гребень*, *полотенце* и *мыло*. Гадающая дѣвушка, ложась спать, произноситъ: „суженый-ряженный, умой меня, оботри меня, причеши меня“. Если будущій мужъ не будетъ любить свою жену, т. е. гадающую дѣвушку, то голова послѣдней окажется поутру распаранною до крови; въ противномъ случаѣ она бываетъ гладко причесана. Въмѣсто гребня кладутъ иногда *ножъ*, приговаривая въ такомъ случаѣ: „суженый-ряженный, умой меня, утри меня, опояшь меня“.

Всѣ означенныя гаданья (34—43) могутъ быть дѣйствительны въ томъ только случаѣ, если они совершаются въ ночь на Новый годъ.

Перечисливъ наиболѣе распространенныя въ Ярославской губерніи святочные гаданія, перейдемъ затѣмъ къ остальнымъ видамъ мѣстныхъ гаданій, совершающихся не въ святочное время; большая часть изъ нихъ представляютъ изъ себя варианты тѣхъ же святочныхъ гаданій. Одни изъ нихъ приурочиваются, подобно святочнымъ гаданьямъ, къ опредѣленнымъ временамъ года, другія, напротивъ, совершаются безразлично въ теченіе цѣлаго года, въ какое угодно время. Начнемъ съ первыхъ. Число ихъ, впрочемъ, весьма ограничено.

44) Обычай *завивать вѣнки* въ Семикъ, передъ Троицынымъ днемъ, существуетъ и въ Ярославской губерніи. Въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ гадающія дѣвушки находятъ березку и изъ вѣтвей ея выютъ вѣнки, при чемъ вѣтви эти отнюдь не срываются съ березки; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ избѣгаютъ даже ихъ и надламывать. Каждая дѣвушка завиваетъ на свое имя вѣнокъ, пересивая его ленточкой или цвѣтнымъ лоскуткомъ. Завитые такимъ образомъ вѣнки остаются на березкѣ до Троицына дня.

Послѣ обѣдни въ Троицынъ день дѣвушки идутъ къ березкѣ и разсматриваютъ завитые ими вѣнки. Если вѣнокъ не завялъ, то дѣвушка, которой онъ принадлежитъ, проживетъ годъ (въ другихъ мѣстахъ—выйдетъ замужъ); если же, напротивъ, вѣнокъ

завялъ и засохъ, то владѣлица его въ теченіе будущаго года непремѣнно умретъ. Сорвавъ затѣмъ вѣнки, дѣвушки отправляются съ ними на рѣку или на прудъ, гдѣ и пускаютъ ихъ осторожно на воду. Чей вѣнокъ потонетъ всѣхъ скорѣе, та дѣвушка скорѣе всѣхъ и умретъ (по другимъ—умретъ въ текущемъ году); чей вѣнокъ проплыветъ дольше, та дѣвушка дольше и проживетъ¹⁾; въ которую сторону поплыветъ вѣнокъ, въ ту сторону дѣвушка выйдетъ и замужъ.

45) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи въ ереду на крестопоклонной недѣлѣ Великаго поста существуетъ обычай *печь кресты*. Съ печеніемъ этихъ крестовъ соединяется иногда довольно своеобразное гаданье. На каждаго члена семейства печется изъ тѣста по кресту, по возможности одинаковаго вида. Въ одинъ изъ крестовъ *запекается серебряная монета*. Когда кресты испечены, каждый изъ членовъ семейства выбираетъ себѣ по кресту. Тотъ, кому достанется запеченная въ крестѣ серебряная монета, будетъ въ теченіе года жить счастливо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гаданье это варьируется такимъ образомъ: въ одинъ изъ крестовъ запекается монета, въ другой *уголь*, въ третій *печинка*; тотъ, кому достанется запеченная въ крестѣ печинка, въ будущемъ году непремѣнно умретъ, кому достанется уголь—будетъ жить несчастливо, кому монета—будетъ въ теченіе дѣлаго года жить счастливо.

46) Иногда гадаютъ, наконецъ, по *вербѣ* или *попосхальной сѣчѣ*. Тотъ, кто въ Вербное воскресенье получить изъ рукъ священника вербу вѣтвистую, съ пушистыми барашками, будетъ жить въ теченіе дѣлаго года богато, въ противномъ случаѣ его ожидаетъ бѣдность.—Выйдя послѣ заутрени изъ церкви, стараются донести зажженную свѣчу до дому: кому удастся это сдѣлать, того ожидаетъ счастливая будущность. Впрочемъ, оба послѣднія гаданья распространены не во многихъ мѣстахъ и относятся скорѣе къ примѣтамъ, нежели гаданьямъ.

Довольно не велико и число гаданій, не ограниченныхъ извѣстными опредѣленными временемъ, а совершающихся въ теченіе дѣлаго года. Къ такимъ гаданьямъ относится гаданье по звуку въ ушахъ, сожиганіе охлопковъ и др.

47) Если у меня *звенить въ ухѣ* и я желаю узнать, исполнится ли что-нибудь задуманное мною, я спрашиваю другое лицо: „въ которомъ ухѣ звенить?“⁴ Если спрошенный отгадаетъ, то задуманное ною исполнится.

¹⁾ Весьма сходна съ этимъ гаданьемъ примѣта о долговѣчности ребенка. Если волосы ребенка, закатанные въ воскъ и брошенные въ купель, поплывутъ, то ребенокъ будетъ живъ долго, а если потонутъ—ребенокъ умретъ.

48) Когда дѣвушка допрядетъ „кужель“, то беретъ оставшійся *охлопокъ льна, зажимаетъ* его и бросаетъ вверхъ: если охлопокъ горитъ ярко и сгораетъ весь, то значить гадающую ожидаетъ впереди счастье, въ противномъ случаѣ жизнь ея будетъ несчастлива. Если пепель при догораніи подыметъ самъ собою кверху—жизнь будетъ хорошее, не подыметъ—жизнь не будетъ, разлетится въ разныя стороны—и жизнь разное.—То же гаданіе употребляется дѣвушками на бесѣдахъ, чтобы узнать, скоро ли придутъ парни-женихи (Деруновъ).

49) Если приходится *спать на новой постели*, то, ложась спать, гадающій мужчина долженъ проговорить: „ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись жениху невѣста“; въ эту ночь онъ непременно увидитъ во снѣ свою невѣсту. Если гадаетъ дѣвушка, то она произноситъ: „ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись женихъ невѣстѣ“.

50) Чтобы узнать, кто изъ двоихъ дольше проживетъ, берутъ *куримую дужку* за концы и тянуть каждый къ себѣ, стараясь ее разломить. Когда дужка будетъ переломлена, смотрятъ: чей конецъ длиннѣе, тотъ дольше и проживетъ.

51) Весьма обычно гаданье *любитъ—нѣтъ* посредствомъ обрыванія лепестковъ какого-нибудь *цвѣтка*. Чаще всего для этого употребляютъ цвѣтки сирени и дикой ромашки.

Въ заключеніе упомянемъ о двухъ видахъ дѣтскаго гаданія, какія привелось намъ встрѣтить въ Ярославской губерніи.

52) Чтобы узнать, что будетъ на другой день, *вѣдро или ненастье*, дѣти берутъ на руку *божью коровку* (*coccinella*) и напѣваютъ: „божья коровка, завтра будетъ вѣдро или ненастье?“ Если божья коровка полетитъ, то будетъ вѣдро, если же, напротивъ, поползетъ по рукѣ, то будетъ ненастье.

53) Идя за *грибами*, дѣти *кидаютъ корзинки* по землѣ: если корзинка упадетъ вверхъ дномъ, значить гадающій ничего не наберетъ; если же, напротивъ, станетъ дномъ на землю, значить гадающій наберетъ полную корзинку грибовъ.

54) Гаданіе *по Соломону* дѣтъ 10—15 тому назадъ было распространено повсемѣстно; теперь оно встрѣчается сравнительно рѣдко, точно такъ же какъ и гаданье *по Брюсу*.

55) Гаданье *на картахъ* извѣстно повсюду, но описывать его, какъ и гаданье по Соломону, мы не будемъ, такъ какъ гаданья эти общеизвѣстны. Дѣвушки гадаютъ о суженыхъ, о житьѣ-бытьѣ въ замужествѣ и пр.

Кромѣ того, въ каждомъ почти селеніи есть *знахари и знахарки*, которые гадаютъ о кражахъ, о здоровьи отсутствующихъ, о разныхъ несчастьяхъ.

Кромѣ описанныхъ нами гаданій съ цѣлью узнать будущее, употребляется цѣлый рядъ примѣтъ, но онѣ представляютъ собою уже отдѣльный видъ народнаго суевѣрія, хотя тѣ и другія имѣютъ между собою и много общаго.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ относится къ гаданьямъ современная крестьянская молодежь. Хотя гаданія для послѣдней и не представляютъ такого серьезнаго и важнаго дѣла, какимъ они были прежде, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души молодежь продолжаетъ вѣрить въ дѣйствительность, если не всѣхъ, то большей части гаданій, несмотря на наружное скептическое отношеніе къ гаданьямъ. Что же касается до того, что въ большей части гаданій дѣйствуетъ, нечистая сила, то взгляды этотъ держится въ народѣ и теперь очень крѣпко, какъ это мы видѣли уже и выше изъ нѣкоторыхъ святочныхъ гаданій.

А. Баловъ.

4. *Обрядность быденной жизни.*

Каждый домохозяинъ, а также и прочіе члены семьи, утромъ, какъ только встанутъ съ постели, подходятъ къ рукомынику, умываются, утираются, становятся предъ иконами, помолятся и тогда уже принимаются за дѣло. Не умывшись и не помолясь предъ иконами, считается грѣхомъ выходить изъ дома и приниматься за дѣло.

Когда начинаютъ какое-нибудь важное дѣло, то вся семья въ избѣ садится на скамьи и лавки, потомъ всѣ встаютъ и молятся предъ иконами, а затѣмъ и идутъ на дѣло. Предъ проводами кого-нибудь изъ семьи на чужую сторону, точно также всѣ садятся, встаютъ и молятся.

Пахарь, выѣхавъ въ поле пахать, остававливается за селеніемъ или у полосы своей и молятся на востокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда много находится крестовъ „полевыхъ“, предъ которыми пахари, жницы, косцы и прочіе рабочіе молятся. Прежде чѣмъ молиться въ полѣ, каждый обтираетъ руки о землю, а затѣмъ молятся. Вообще предъ сложеніемъ крестнаго знаменія надо руку помыть, а если въ полѣ воды нѣтъ, то обтираніе о землю замѣняетъ обмываніе водой.

Женщина, начиная жать хлѣбъ, молится и крестится при началѣ жатвы каждое утро, а когда уходитъ съ полосы, тоже крестится. Святель, начиная сѣять хлѣбъ, также крестится при бросаніи первой горсти зерна и говоритъ: „уроди, Боже!“

Женщина не должна ходить и сидѣть съ непокрытой головой— „простоволоса“. Она не должна постороннимъ лицамъ показывать свои волосы.

При встрѣчѣ одного человѣка съ другимъ, принято кланяться другъ другу—даже незнакомымъ между собой. Когда на дорогѣ одинъ человѣкъ нагоняетъ другого, то нагонившій говоритъ: „миръ дорогой!“ Въ отвѣтъ должно сказать: „милости просимъ, или прошу“, а также говорятъ: „добро пожаловать“.

Когда, кто-нибудь работаетъ, а къ работающему подходитъ человѣкъ, или проходитъ мимо, то онъ говоритъ работающему: „Богъ помощь, или Божья помощь“,—а въ отвѣтъ работающій долженъ сказать: „спасибо“.

Когда входятъ въ бесѣду, то говорятъ: „миръ честной компаніи!“ а въ отвѣтъ: „просимъ милости“.

Во время обѣда или ужина, кто входитъ въ домъ, помолившись, долженъ сказать: „Хлѣбъ да соль—добрая пора!“ а хозяйка въ отвѣтъ: „милости просимъ хлѣба-соли откусывать, садитесь!“

Когда входятъ въ домъ въ гости, то говорятъ: „хозяйину въ дому съ хозяйшкой—съ праздничкомъ!“ Хозяинъ на привѣтъ гостя отвѣчаетъ: „прошу садиться—гости будете!“

При освященіи храма, при поднятіи колокола на колокольню, при малыхъ освященіяхъ иконостасовъ и прочихъ подѣлокъ въ церквахъ, старосты и духовенство посылаютъ приглашенія въ окрестныя селенія, чтобы жители пожаловали на освященіе или поднятіе колокола. На освященіи и поднятіи колоколовъ народа всегда собирается много изъ окрестныхъ селеній, даже за 10—15 и болѣе верстъ. По случаю такого собранія приготавливаются для народа пироги, хлѣбъ, квасъ, прежде варилось и пиво для угощенія пришедшихъ, но теперь пивовареніе стало появляться рѣже. Только въ недавнее время, 2—3 года назадъ, въ одномъ изъ приходо-въ сѣвернаго края уѣзда, при освященіи было наварено пива около 100 ведеръ, которое и продавалось пришедшимъ богомольцамъ по 20 к. за четверть ведра. О такомъ незаконномъ вареніи пива и продажѣ составленъ былъ протоколъ, и староста былъ подвергнутъ 10-рублевому штрафу.

Строго придерживаясь внѣшней обрядности при самыхъ значительныхъ явленіяхъ обыденной жизни, народъ иногда, наоборотъ, поражаетъ поверхностнымъ отношеніемъ къ церковнымъ обрядамъ, напр., къ вѣнчанію, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ старообрядцевъ, живущихъ невѣнчанными. Одинъ нашъ знакомый родственникъ, въ дни моей юности говорилъ:—„Я, дитко, съ бабой вѣкъ изжилъ невѣнчанный; попь-то записать записалъ, а повѣнчать время оттянулось, а тутъ за его душенькой Богъ послалъ—умеръ. Другой-то батько и не сталъ вѣнчать—прожили

и такъ хорошо". Намъ припоминаются два куплета изъ пѣсни слышанной въ юности:

Вокругъ кустика
Повѣнчался,
Свѣтлу мѣсяцу
Поклонялися...

Съ неба мѣсякъ насъ
Приголублявалъ,
Зеленъ кустичекъ
Убаюкивалъ.

Невольно припоминается рассказъ и другого старика, Черепанина, который вспоминалъ: „Давно то было время; я былъ мальчуганомъ, а мнѣ теперь давно на восьмой десятокъ. Въ то время родители мой судовщикаль, суда стояли на зимовкѣ у Козьмодемьянска. Была весна, прошла Пасха, а ледъ на Шекснѣ стоялъ, я и пріѣхалъ съ рабочими суда окалывать, да сберегать ото льда. Жили мы въ вашемъ селѣ; а тѣмъ временемъ вода въ Шекснѣ поднялась, да и ледъ пошелъ. Мы это стоимъ, да любуемся на ледоходъ; а въ это время на тотъ берегъ подѣхала свадьба, которая должна была вѣнчаться въ этотъ день въ вашей церкви. Поѣздъ остановился, а переѣхать было невозможно. Въ это время вашъ попъ стоялъ на берегу и держалъ въ рукахъ метлу, которою подметалъ у дома. Увидавъ подѣхавшую свадьбу, услыхавъ охи да ахи и соболѣзнуя о неудачѣ свадебниковъ, которыхъ пригласилъ на этотъ день, да и деньги за вѣнчаніе дня за два получилъ впередъ, онъ энергично и находчиво закричалъ, махая метлой поѣзжанамъ и жениху: „Поѣзжайте обратно — вѣнчаны, вѣнчаны! Богъ благословить, а я запишу въ книгу: вѣнчаны“. Поѣзжане поблагодарили и поѣхали пировать. Да такъ невѣнчанными и прожили вѣкъ“.

Во время засухъ а также излишняго обилія дождей жители просятъ священника устроить крестный ходъ на поляхъ, гдѣ служатъ молебны. Нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ вѣрующіе молятся и просятъ Создателя о вѣдрѣ или дождѣ. Вообще крестные ходы изъ церкви очень распространены въ уѣздѣ, а въ особенности въ такіе дни, какъ въ день Георгія (23 апрѣля), во время выгона скота со дворовъ на поле. Въ этотъ день послѣ утрени крестный ходъ идетъ вокругъ села, а затѣмъ останавливается на концѣ селенія, у того поля, въ которое назначенъ выгонъ скота. Мужчины ведутъ на поводахъ коней, а женщины гонятъ скотъ съ дворовъ мимо крестнаго хода; священникъ окропляетъ скотъ святой водой. Народъ крѣпко вѣритъ, что св. Георгій хранитель и покровитель скота, а потому день этотъ и считается „скотнымъ праздникомъ“. Осенью еще день св. „Фрола и Лавра“ тоже считается „скотнымъ праздникомъ“. Крестные ходы въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совершаются также въ день Казанской Божіей Матери (8-го іюля). День этотъ читается потому, что съ этого дня начинаются повсемѣстно покосы (страдная пора).

И рядомъ съ этимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ церковнымъ ходамъ вспоминается слѣдующій случай, бывший въ одно изъ ближайшихъ селеній Череповецкаго уѣзда года два назадъ. Во время святокъ, деревенскіе парни, увидавъ на улицѣ выброшеннаго дохлаго теленка, пожелали нарядиться ряжеными и устроили слѣдующую процессію: одинъ изъ парней изобразилъ изъ себя священника въ ризѣ изъ рогожь, другой дьякона, также въ рогожь, а остальные дьячка и пѣвчихъ. Изъ рогожь и соломенныхъ покрывшекъ устроили хоругви и подобіе образовъ, а дохлаго теленка уложили въ гробъ и съ такой процессіей стали ходить по селенію, распѣвая разныя пѣсни. Затѣмъ процессія отправилась въ другое селеніе къ приходской церкви, чтобы тамъ похоронить раба „телегтія“. Тамъ процессію, наконецъ, остановили, и былъ „наряжень“ протоколъ, послѣ чего участники судились въ окружномъ судѣ за кошунство. Но вообще, кошунство въ народѣ замѣчается рѣдко, а если оно и прорывается, то какъ исключеніе. Правда, что нерѣдко религіозныя вѣрованія смѣшиваются съ суевѣріями, и народъ плохо отличаетъ обычаи старины отъ религіознаго обряда. Народъ, напримѣръ, твердо вѣруеть, что крестные ходы на поле и освященіе скота предохраняютъ ихъ отъ вражьей силы, которая всегда старается вредить человѣку, каковой вредъ можетъ сказаться въ неурожаѣ, въ болѣзняхъ скота.

С. Я. Деруновъ.

Въ хозяйственной жизни нашего крестьянина домашній скотъ составляетъ важнѣйшую цѣнность. Неудивительно поэтому, что на уходъ за скотомъ обращается особое вниманіе, а вмѣстѣ съ этимъ связано также не мало суевѣрій. Особенно распространены повѣрья относительно „шутокъ двороваго“ съ домашнимъ скотомъ, причѣмъ интересны суевѣрные способы, употребляемые при лѣченіи скота.

Дворовый, иваче домовый, хозяинъ, по народному повѣрью, доброе существо, которое живетъ на каждомъ дворѣ, хранитъ домашній скотъ, поить и кормитъ его и даритъ имъ хозяевъ. Другого рода отношенія двороваго къ домашнему скоту, случаи не любви и разныя шутки и продѣлки надъ нимъ являются рѣдкими исключеніями; они бывають, когда скотина „не ко двору“, не той шерсти, которую любятъ дворовый.

Въ послѣднемъ часто бывають виновны и сами хозяева, обязанные знать шерсть своего двора. Понадѣясь на возможность для скотины ужиться съ дворовымъ, хозяева иногда заводятъ скотину такой шерсти, которая совсѣмъ не ко двору имъ. Бывають случаи, что такая скотина дѣйствительно уживается съ

дворовымъ; но часто хозяева вскорѣ же убѣждаются, что домо-
вой не влюбилъ насильно навязанную ему животину.

Скотина, которая придется не ко двору, обыкновенно узнается по слѣдующимъ признакамъ: на первое время такая скотина постоянно кричить какъ голодная, хотя на самомъ дѣлѣ и была бы кругомъ обихожена; съ теченіемъ времени худѣетъ, становится невеселой. Такое состояніе животнаго народъ объясняетъ тѣмъ, что дворовый не даетъ даже дотронуться до корму нелюбимой животинѣ. Чтобы домовой полюбилъ скотину не ко двору и хранилъ ее, соблюдается такой обычай. По четыремъ угламъ хлѣба хозяева кладутъ насоленные ломти хлѣба со словами: „хозяинъ-батюшко, вотъ тебѣ хлѣбъ, да соль, да добрый животъ: пой, да корми, да насъ животомъ дари“. Если, спустя нѣкоторое время послѣ этого, хлѣба не окажется, то для хозяевъ это несомнѣнный знакъ, что домовой полюбилъ животину, въ противномъ случаѣ имъ должно опасаться новыхъ шутокъ домоваго. Изъ такихъ шутокъ самыми частыми и самыми опасными для здоровья скотины считаются „переходъ“ и „отмахиванье“.

Отмахиваніе, какъ и преслѣдованіе скотины не ко двору, часто случается по винѣ самихъ хозяевъ. Такъ, если хозяева въ сердцахъ обругаютъ скотину подъ „неровень часть“ нечестнымъ, то дворовый, какъ бы въ наказаніе хозяевъ (хотя и не всегда непременно) отмахиваетъ скотину, т. е. отгоняетъ ее отъ двора. Скотина какъ будто забываетъ свой хлѣвъ, отбивается отъ стада и забирается въ чащу. Напрасно сами хозяева стали бы искать отмахнутую: домовой не показываетъ ее своимъ; впрочемъ, если бы отмахнутой животинѣ почему-либо и пришлось заночевать въ лѣсу, она совершенно безопасна, будучи оберегаема домовымъ отъ всякаго хищнаго звѣря. На поиски пропавшей такимъ образомъ животны приглашаются люди посторонніе. Будучи найдена, отмахнутая всегда кажется не совсѣмъ здоровой. Лѣченіе ея предоставляется особымъ „знающимъ“ людямъ и состоитъ въ наговорахъ, произносимыхъ при глаженіи животны, а также надъ хлѣбомъ и водою, даваемыми больной животинѣ.

Шутка домоваго, называемая „переходомъ“, бываетъ въ томъ случаѣ, когда скотина попадетъ на ходы, постоянные пути домоваго. Домовой, спихивая скотину со своего хода, ударяетъ ее. Поэтому переходъ узнаютъ часто по крови, подтекѣ или ссадинѣ кожи. Въ случаѣ отсутствія этихъ видимыхъ признаковъ, переходъ отличаютъ отъ всякой болѣзни по особому свойству кожи животнаго, попавшаго на переходъ: при глаженіи кожа такого животнаго шуршитъ, какъ отсталая. Обычай, соблюдаемый въ такомъ случаѣ, какъ лѣченіе животнаго, называется прощаніемъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Хозяева, въ продолженіе 9 или 12 сутокъ зарей, становятся на повѣти, лицомъ къ востоку и

трижды произносят заговоръ: „Хозяинъ-батюшко, прости живота, чѣмъ онъ тебѣ досадилъ!“ По каждомъ заговорѣ дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо. Цѣль прощанія—умилостивить двороваго и предотвратить тѣмъ повтореніе этой неладной для скотины и не желательной для хозяевъ ея шутки „нечистаго“.

Я. Мльинскій.

5. Болѣзни и ихъ лѣченіе; смерть, похороны и поминки; заробная жизнь.

Во многихъ мѣстахъ существуетъ обычай подкидывать или передавать болѣзни другимъ лицамъ. О возможности передачи насморка и чесотки—повѣріе общераспространенное, имѣющее и свои резонныя основанія. По народному мнѣнію всякую болѣзнь возможно передать кошкѣ или собакѣ: для этого слѣдуетъ взять кусокъ теплаго, только что испеченнаго хлѣба, обтереть имъ тѣло больного и дать проглотить кошкѣ или собакѣ—болѣзнь тотчасъ же оставитъ человѣка и перейдетъ на этихъ животныхъ. Чтобы передать болѣзнь человѣку, употребляется другой способъ: берутъ какую-нибудь тряпицу съ его кровью и гноемъ и подбрасываютъ ее на дворъ или вѣшаютъ на огородъ на видное мѣсто. Кто возьметъ въ руки эту тряпицу, на того перейдетъ и болѣзнь. Тряпица выбирается поэтому цвѣтная, привлекающая вниманіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при заболѣваніяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ чтенію надъ больнымъ „страшныхъ“, т. е. заклинательныхъ молитвъ св. Василія Великаго, считая, что всѣ болѣзни происходятъ отъ дѣйствія вражьяго, и что онѣ напускаются на людей по вѣтру,—откуда по вѣрованію народа и бываетъ „притка“ и „родимецъ“, и „усови“, и „утюмъ“¹⁾ Отчитывать больного приглашается обыкновенно священникъ.

Наступленіе смертнаго часа предузнается у крестьянъ по цѣлому ряду примѣтъ, болѣе или менѣе распространенныхъ. За нѣсколько дней до наступленія смерти отъ тѣла больного слышнѣтъ запахъ, напоминающій запахъ земли: „землей пахнетъ“, какъ гово- рятъ; на тѣлѣ больного появляются черныя пятна—„земля выступаетъ“; мухи, садящіяся на больного, дѣлаются вялыми и иногда околѣваютъ и т. д.

¹⁾ Притка и родимецъ—истерическія болѣзни; „усови“—колики, „утюмъ“—боль въ поясницѣ; „волось“, „вырокъ“—костозда, „комоха“—лихорадка, „кила“—опухоль на тѣлѣ; „грыжа“—болѣзнь желудка, „цыпки“—болѣзнь рукъ у дѣтей, состоящая въ томъ, что кожа на нихъ растрескивается, „щекотонунъ“—дѣтская болѣзнь (см. выше) „нестонха“—половое безміе, „уровъ“—то же что и притка, „шелуди“—захотка, „вередъ“—чирей, „переломъ“—болѣзнь въ поясницѣ.

Иногда прибѣгаютъ въ данномъ случаѣ и къ другимъ средствамъ: такъ, напр., въ г. Пошехоньѣ въ одномъ домѣ былъ металлическій крестъ; крестъ этотъ обливали водой и воду давали пить больному. Если больному суждено было умереть, то крестъ дѣлался свѣтлымъ, если же больному долженъ былъ выздороветь, то крестъ темнѣлъ...

Видя опасное состояніе больного, родные его приглашаютъ священника исповѣдать его и приобщить его св. таинъ. Къ таинству св. елеосвященія прибѣгаютъ сравнительно рѣже: по мнѣнію народа, принявшій таинство елеосвященія или, какъ говорится, „особоровавшійся масломъ“, если онъ выздоровѣетъ, долженъ вести полумонашескую жизнь: ходить въ черномъ, не долженъ ѣсть мяса, не долженъ вступать въ бракъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай въ минуту предсмертной агоніи умирающаго ставить въ головахъ его сосудъ съ чистой водой, въ которой душа умершаго могла бы омыться отъ грѣховъ; можно замѣтить, по народному повѣрью, какъ вода въ сосудѣ во время этого омовенія колыхается.

Тихая кончина—удѣлъ праведника, напротивъ, грѣшниковъ смерть люта.

„Внимали его душеньку крючьями, шпилами,
Посадили его душеньку на остро копіе,
Понесли его душеньку ко самой сатавъ“

Такъ описываетъ народный стихъ кончину грѣшника. Агонія умирающихъ дѣтей бываетъ весьма тяжела—они мучатся въ данномъ случаѣ за грѣхи своихъ родителей. Еще тяжелѣе бываетъ агонія колдуновъ и ворожей. По народному вѣрованію колдунъ не можетъ умереть до тѣхъ поръ, пока онъ не передастъ своихъ знавій другому лицу; въ предсмертныя минуты его мучитъ нечистая сила. Чтобы видѣть мученія колдуна, слѣдуетъ вынуть въ потолокъ комнаты, гдѣ онъ лежитъ, одну потолочину: такимъ образомъ возможно увидѣть, какъ нечистая сила мучитъ несчастнаго колдуна. Къ слову замѣтимъ, что вѣра въ колдуновъ до сихъ поръ весьма крѣпко держится среди простого народа. У мѣстнаго населенія еще недавно особенно извѣстностью пользовался одинъ колдунъ, жившій въ селѣ Никольскомъ, что на Тропѣ, Рыбинскаго уѣзда, другой такой же колдунъ былъ въ д. Лебедевѣ, Трушковской волости, Пошехонскаго уѣзда. Особенно сильно распространена вѣра въ колдуновъ и порчу, ими производимую, въ сѣверной части уѣзда. Замѣчательенъ тотъ фактъ, что кликуши, которыхъ было такъ много въ шестидесятыхъ годахъ, въ настоящее время встрѣчаются весьма рѣдко среди мѣстнаго крестьянскаго населенія. Впрочемъ, молодое поколѣніе, особенно пожившее въ столицахъ, относится уже весьма скептически во многихъ мѣстахъ и къ колдунамъ.

Нечаянная или скоропостижная смерть есть, по народному вѣрованію, наказаніе за грѣхи; напротивъ, смерть въ дни св. Пасхи — награда за благочестивую жизнь умершихъ. Кто умретъ въ Пасху, тотъ прямо попадетъ въ рай. Какъ только больной умретъ, такъ изъ окна на улицу вывѣшивается полотенце или просто чистая тряпка, которая и остается тутъ шесть недѣль, а потомъ отдается нищимъ. Во все это время въ рукомойникѣ должна быть вода, чтобы душа умершаго имѣла возможность омыться свои руки.

Обрядивъ умершаго, т. е. омывъ его, надѣваютъ на него чистое бѣлье и саванъ и кладутъ въ гробъ. Этимъ дѣломъ по большей части занимаются старыя дѣвицы, отличающіяся набожностью и давнѣе обѣтъ безбрачія. Про старую дѣвицу, за которую уже перестаютъ свататься женихи, обыкновенно говорятъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, что она „сбирается обмывать покойниковъ“. Дѣвицы эти носятъ по большей части смиренную, т. е. темную одежду, живутъ отдѣльнымъ отъ своихъ домашнихъ хозяйствомъ, кромѣ обычныхъ работъ, занимаются обученіемъ дѣтей грамотѣ, собираніемъ умершихъ, чтеніемъ надъ ними псалтыри и т. д. Женщины эти въ различныхъ мѣстахъ носятъ различныя названія: чаще всего онѣ называются „келейницами“, „вѣкоушами“, „волкушами“.

Старообрядцы въ большинствѣ случаевъ употребляютъ гробы, въ которыхъ нѣтъ ни одного металлическаго гвоздя, чаще всего колоду. Во многихъ мѣстахъ существуетъ обыкновеніе класть въ руку покойника мелкую мѣдную монету для того, чтобы умершій могъ заплатить на томъ свѣтѣ за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай; по другому объясненію монета кладется въ руку покойнику для того, чтобы онъ могъ купить у другихъ покойниковъ мѣсто на кладбищѣ. Иногда кладутъ съ покойникомъ обрѣзанные его ногти, чтобы ему легче было взбираться на высокую гору, на которой находится рай. Съ умершей женщиной кладется иногда пряжа.

Лишь только кто-нибудь въ деревнѣ умретъ и вѣсть о томъ разнесется по всѣмъ дворамъ, всѣ, и родные и чужіе, спѣшатъ въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и каждый изъ усердія несетъ ему въ даръ восковую свѣчку: этими-то приносимыми свѣчами и поддерживается постоянно огонь въ головахъ умершаго. Вдова, мать или другія самыя близкія къ покойнику женщины начинаютъ „голосить“, т. е. съ воплемъ и слезами причитать о своей потерѣ, о своей горькой участи, о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ умершаго. Поголосить по умершемъ — значитъ отдать ему послѣдній долгъ, и потому, кто умираетъ сиротою, не оставляя послѣ себя ни матери, ни жены, ни близкихъ родныхъ, надъ тѣмъ поголосить считается своимъ долгомъ даже и совершенно посторонняя для умершаго старуха. Нѣкоторыя женщины приобрѣтаютъ

особый навыкъ, можно сказать, искусство въ умѣннѣ голосить: онѣ такъ умѣютъ притвориться плачущими, что неопытный приметъ ихъ причеты за изліяніе дѣйствительной горести.

Конечно, въ этихъ причетахъ часто встрѣчаются выраженія условныя, но должно замѣтить, что многіе изъ нихъ не подготовляются, а выливаются прямо изъ груди, подъ вліяніемъ скорби. Всѣ похоронныя причеты отличаются своимъ однообразіемъ; въ нихъ нѣтъ такого разнообразія въ содержаніи, какое встрѣчаемъ мы въ причетахъ свадебныхъ. Это вполне объясняется чувствомъ одной лишь скорби, волнующимъ душу участниковъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на однообразіе въ содержаніи, и похороннымъ причетамъ нельзя отказать въ глубинѣ чувства и въ силѣ и образности языка. Съ этой стороны похоронныя причеты нисколько не уступаютъ свадебнымъ.

Во все время, пока покойникъ лежитъ подъ образами, по немъ голосать по нѣскольку разъ въ день и читаютъ такъ называемый „канунъ“, т. е. заупокойный канонъ съ псалмами. Чтеніе кануна продолжается и послѣ похоронъ, иногда до сорокового дня. Читаютъ канунъ преимущественно дѣвушки „вѣкоуши“, о которыхъ мы говорили выше. При чтеніи кануна употребляютъся иногда „лѣстовка“ (кожаная четки) и „подрушникъ“, т. е. платъ съ вышитымъ посрединѣ его крестомъ; на этотъ платъ и владутся обыкновенно поклонны.

Погребеніе совершается чаще всего до истеченія трехъ дней, положенныхъ закономъ, такъ какъ выполненіе этого закона, при тѣснотѣ крестьянскихъ помѣщеній, лѣтнихъ жарахъ и при отсутствіи при церквахъ усыпальницъ, является въ иныхъ случаяхъ не только дѣломъ затруднительнымъ, но даже и прямо невозможнымъ. Въ день выноса, въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, собираются всѣ родные и знакомые для прощанья и проводовъ.

Гробъ выносится изъ избы ногами впередъ: при несоблюденіи этого условія, въ домъ въ скоромъ времени опять будетъ покойникъ. Несется гробъ до погоста на оглобляхъ, связанныхъ въ двухъ мѣстахъ, и ни разу не становится на землю; если процессія съ гробомъ остановится передъ чьимъ-нибудь домомъ, то въ этомъ домѣ будетъ покойникъ. Несутъ на плечахъ и, смѣняясь, передаютъ другъ другу на ходу съ плеча на плечо. Почти повсемѣстно въ Пошехонскомъ уѣздѣ существуетъ обычай первому встрѣтившемуся съ похоронной процессіей дарить кусокъ полотна или полотенце.

Лишь только тѣло покойника вынесутъ изъ избы, хозяйка дома садится на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ. Посидѣвъ на немъ нѣсколько минутъ, она принимается затѣмъ мести полъ, вымываетъ столъ, лавки, и употребленные для этого дѣла тряпицы, вѣнья, солону, на которой лежалъ покойникъ, посуду, въ которой была

вода для его обмыванія, гребень, которымъ расчесывали ему волосы—все это выносить за околицу и бросаетъ на первомъ перекресткѣ, а въ избѣ все принимаетъ. Послѣ этого накрывается столъ, и готовится поминальный обѣдъ.

Пока такимъ образомъ прибирается изба, тѣло умершаго приносится къ погосту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гробъ вносится въ церковную ограду въ одну калитку, а всѣ сопровождающіе его входятъ въ другую. Гробъ опускается въ могилу чаще всего на холстѣ, который достается затѣмъ рывшимъ могилу.

По окончаніи похоронъ всѣ родные и знакомые отправляются въ домъ умершаго на поминки. Болѣе состоятельные крестьяне ставятъ „столы“ (обѣдъ) не только для своихъ родныхъ и знакомыхъ, но и для нищихъ.

С. Я. Деруновъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о поминовѣніи умершихъ.

„Поминки, т. е. угощеніе кушаньями, совершается послѣ каждаго покойника; но по богатымъ поминки устраиваются для всѣхъ знакомыхъ, которыхъ сходится много изъ окрестныхъ селеній, а нищие приходятъ издалека на поминки по богатымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда на поминки по богатымъ собираются по 200 и до 1000 человекъ и болѣе, которыхъ и кормятъ на улицѣ за столами или въ избахъ. Поминки по умершемъ совершаются: въ день погребенія, въ 3-й 9, 20 и 40 дни, но преимущественно въ день погребенія, а въ „полусорочины“, и въ „сорочины“, т. е. въ 20 и 40 день, менѣе, въ остальные дни еще менѣе, а также и въ годовщину. Вообще поминки по умершемъ стараются сдѣлать сытыми и обильными кушаньями. На поминкахъ всегда присутствуетъ на первомъ мѣстѣ священникъ, причтъ съ супругами, а послѣ стола духовенство снабжается пирогами.

Послѣ похоронъ умершаго и послѣ поминокъ, поминовѣніе продолжается не только въ тѣ дни, которые перечислены выше, но каждодневно. Дѣтей по отцѣ или матери старшіе учатъ, чтобы они утромъ, когда молятся, а также и вечеромъ поминали умершаго такъ: „упокой Господи раба Божія или рабу Божию (имя рекъ). Дай Господи царство небесное (имя рекъ)“. При этомъ полагается положить кромѣ поясныхъ—земной поклонъ. Вообще говорятъ, что дѣти паче всего должны молиться за умершихъ потому, что дѣтская молитва до „седьмого неба“ доходить—прямо къ Богу, и молитва пожившихъ людей только до „перваго неба“—до ангеловъ, а они уже просятъ Бога за душу умершаго.

Послѣ каждой обѣдни, въ храмовые праздники и на Пасхѣ въ особенности, родные должны притти къ умершимъ, т. е. къ могилѣ покойника, посидѣть или, припадая головой, попричитать

по умершемъ, а также помолиться и помянуть умершаго, какъ новопреставленнаго, такъ и прежде умершихъ сродниковъ. Въ святой день Пасхи родные послѣ утрени и обѣдни на могилахъ родныхъ „христосуются“, а нѣкоторые лица, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кладутъ красное яичко на могилу, а потомъ его съ собой же и уносятъ и говорятъ: „это яичко у родителей было“. Въ праздникъ Пасхи, по народному убѣжденію, разверзаются небеса, и во всю Свѣтлую недѣлю души умершихъ находятя между родными.

Вообще поминовеніе по родителямъ очень соблюдается. Почти у каждаго домохозяйина есть книжечка—„поминальничекъ“, гдѣ записаны имена умершихъ, которые и поминаются священникомъ во время литургіи, какъ въ храмовые праздники, такъ и „въ родительскія субботы“. За поминовеніе родителей платять отъ 2 до 5 р. въ годъ“.

Къ этимъ свѣдѣніямъ мы съ своей стороны можемъ прибавить еще нѣкоторыя подробности. Поминальные обѣды стараются обыкновенно приготовить какъ можно обильнѣе и лучше, чтобы всякій присутствующій, кушая всласть, искреннѣе помянулъ покойника и тѣмъ доставилъ бы ему на томъ свѣтѣ покой и отраду. Въ сороковой день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ особый обрядъ, такъ называемое „отпиваніе чаши“. Обрядъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: берутъ пиво и вино и смѣшиваютъ его съ медомъ. Послѣ поминальнаго обѣда, при дѣвнн погребальнаго канона, священникъ, присутствующій на обѣдѣ, разливаетъ эту смѣсь по стаканамъ и раздаетъ присутствующимъ. Всякій беретъ изъ рукъ священника стаканъ, крестится и выпиваетъ за упокой души усопшаго.

Въ заключеніе слегка коснемся взглядовъ пошехонскаго населенія на жизнь души за гробомъ.

Продолжительный плачь по умершемъ тревожитъ покой посвѣднаго. По народному вѣрованію душа, разставшись съ тѣломъ, нѣкоторое время еще пребываетъ на землѣ; по одному повѣрью она ходитъ на землѣ до третьяго, по другому—до сорокового дня, и, наконецъ, нѣкоторые утверждаютъ, что душа странствуетъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ ея тѣло.

Если тѣло долго не гніетъ въ землѣ, то это, по народному возрѣнію, вѣрный признакъ того, что умершій былъ человекъ грѣшный, и его останки не принимаетъ мать-земля.

Пробывши нѣкоторое время на землѣ, душа усопшаго, по народному вѣрованію, отправляется въ адъ или въ рай, смотря по ея заслугамъ.

„А мнѣ душѣ впередъ итти
Къ тремъ мукамъ грести“,—

говоритъ грѣшная душа въ духовномъ стихѣ.

Ясно, что всѣ желанія родственниковъ и друзей умершаго направлены къ тому, чтобы душа его избѣгла адскихъ мученій. Средствами, облегчающими участь грѣшной души, считаются чтеніе по усопшимъ кануна, чтеніе „Сна Пресвятыя Богородицы“, заупокойныя обѣдни и раздача милостыни, которая и считается самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ. Обычная формула прошенія милостыни у нищихъ это: „Подайте Христа ради, помняючи родителей вашихъ во царствіи небесномъ“.

Помяни васъ, Господи,
Во царствіи небесномъ,
Защиши васъ, Господи,

Въ записки церковныя,
Во кануны свѣтлыя.

Такъ поется прошеніе милостыни въ одномъ нищенскомъ, калычьемъ стихѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ вѣритъ, что для спасенія души умершаго, весьма полезно дѣлать пожертвованія на новый колоколь: колоколь вызвонить погибшую душу изъ ада.

А. Баловъ.

МАЛУРУССКОЕ «ВЕСИЛЬЕ»¹⁾.

3. Обряды и пѣсни Полтавской губ.

(Записано въ с. Ольхахъ, Золотоношскаго уѣзда).

Въ лѣтніе и зимніе вечера, по праздникамъ, собираются на улицу гулять паробки и дивчата; на этихъ гуляньяхъ они поютъ пѣсни, рассказываютъ сказки и т. п. Зимомъ по ночамъ дивчата собираются въ одну на каждомъ „кутѣ“ хату на „досвѣтки“; здѣсь они занимаются работою: прядутъ, шьютъ, вышиваютъ; сюда же приходятъ къ нимъ и паробки.

На этихъ-то улицахъ и досвѣткахъ и происходитъ знакомство и сближеніе парней и дѣвушекъ.

Выбравъ себѣ по вкусу дѣвушку и заручившись ея согласіемъ, паробокъ объявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться на такой-то дѣвушкѣ. Если родители ничего не имѣютъ противъ этого брака, то отецъ паробка, взявши ржаной хлѣбъ и бутылку водки, отправляется къ родителямъ дѣвушки просить ихъ согласія на этотъ бракъ. Если согласіе послѣдуетъ, то запиваютъ могорычъ—пьютъ сперва водку, принесенную отцомъ парня, а затѣмъ хозяева подаютъ свою; при уходѣ „свата“ домой, ему хозяева даютъ свой хлѣбъ, а его хлѣбъ оставляютъ у себя. Если же почему-либо родители дѣвушки не согласны выдать ее за этого парня, то отцу послѣдняго возвращается принесенный имъ хлѣбъ и водка и могорыча не пьютъ.

Запивъ могорычъ, родители сообща выбираютъ день, въ который женихъ со старостами долженъ прійти къ невестѣ за рушниками, вмѣсто которыхъ въ послѣднее время даются платки.

Отецъ и мать паробка выбираютъ изъ своей родни или изъ сосѣдей двухъ женатыхъ, уважаемыхъ въ селѣ и отличающихся своимъ умѣніемъ „заговаривать зубы“ мужчигъ, знающихъ притомъ точно весь свадебный ритуалъ; къ нимъ отправляется женихъ просить «въ старосты».

Старосты идутъ къ жениху; ихъ угощаютъ водкой, закуской. Женихъ отвѣщаяетъ сперва отцу, потомъ матери по три поясныхъ поклона со словами: «Благословить вѣтъ по рушники (платки)». Родители на это отвѣчаютъ: «Богъ тебе благословить и я благословляю». Послѣ этого старосты, взявъ ржаной хлѣбъ и бутылку водки, идутъ къ невестѣ

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXVII.

«сватать такого-то парня». — Въ хату къ ней входятъ одни только старосты, женихъ же остается во дворѣ. Свою рѣчь старосты начинаютъ издалека: они — подорожные люди, просятъ переночевать, рассказываютъ разныя свои приключенія въ дорогѣ и, наконецъ, обращаются къ хозяйкамъ съ вопросомъ: нѣтъ ли у нихъ продажной телки и рады ли они гостямъ? Родители отвѣчаютъ на это, что у нихъ есть телка, они согласны ее продать и гостямъ рады, просятъ ихъ садиться за столъ; старосты ставятъ водку и хлѣбъ на столъ, говоря: «А у насъ есть бычокъ; отъ ны купимо телыцу да ѿ спаруемъ ѿ нихъ, щобъ охотнѣе було удвохъ работать». — Но если родители дѣвушки раздумали отдавать ее замужъ, то отвѣчаютъ старостамъ, что продажной телки у нихъ нѣтъ, гостямъ они не рады, и возвращаютъ имъ ихъ хлѣбъ и водку; старосты возвращаются съ женихомъ домой.

Получивъ утвердительный отвѣтъ относительно продажной телки, старосты зовутъ въ хату жениха, а невеста своимъ подругъ, которыхъ она раньше еще пригласила къ себѣ на этотъ вечеръ.

Женихъ и невеста становятся рядомъ посреди хаты, лицомъ къ образамъ, кладутъ по три поклона и вполголоса говорятъ: «Господы, благословы насъ и поможи намъ бракъ получыгъ»; отецъ снимаетъ со стѣны образъ; къ нему подходятъ молодые, кланяются ему со словами: «Благословы насъ, отець!», крестятся, кладутъ по три поклона и цѣлуютъ икону и руку отца, который ихъ благословляетъ: «Богъ благословыть, и я благословляю»; затѣмъ молодые точно такъ же берутъ благословеніе у матери, затѣмъ кланяются каждому отдѣльно — старостамъ, родственникамъ и вообще всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого невеста вынимаетъ два платка и на тарелкѣ подноситъ ихъ старостамъ, тарелку отдаетъ матери или ставитъ на столъ и перевязываетъ платкомъ старостамъ правыя руки выше локтей, а жениху подаетъ руку. Родители просятъ старостъ за столъ; садятся и родственники, а прочіе гости уходятъ. Оставшихся гостей потчуетъ вода ѿ женихъ, затѣмъ отецъ и мать невесты, подается ужинъ, послѣ котораго гости расходятся по домамъ, а женихъ остается ночевать въ домѣ невесты. — При уходѣ старосты получаютъ отъ хозяйки другой хлѣбъ взаимнѣ принесеннаго ими. Съ этимъ хлѣбомъ они идутъ къ родителямъ жениха и объявляютъ имъ объ успѣшномъ исходѣ сватовства.

Послѣ этого женихъ каждый вечеръ ходитъ къ невестѣ, ужинаетъ и ночуетъ у нея.

Дня черезъ два, черезъ три отецъ невесты приглашаетъ черезъ жениха къ себѣ его отца и уговариваются о двѣ «сватовства», т. е. формальнаго извѣщенія родственниковъ о предстоящей свадьбѣ.

Къ этому дню готовится водка, закуска, приглашаются, тѣ же старосты и близкіе родственники. Всѣ собираются сперва въ домъ невесты. Здѣсь отецъ жениха объявляетъ, какіе близкіе родные есть у жениха, и назначаетъ, какой подарокъ и въ какую цѣну должна дать невеста каждому изъ нихъ (бываетъ, напр., что для крестныхъ жениха

выговариваются платки рублей по 6—7); въ свою очередь, и отецъ невѣсты назначаетъ подарки, которые долженъ поднести женихъ родственникамъ невѣсты (крестной матери сапоги въ 5—6 р., крестному отцу платокъ въ 6—7 р.); стороны не сразу сходятся въ количествѣ и цѣнѣ подарковъ, спорять, торгуются; но разъ онѣ пришли ко взаимному соглашенію, то договоръ выполняется въ точности.

Тутъ же условливаются, давать ли другимъ, болѣе далекимъ родственникамъ однѣ только шишки (хлѣбцы) или же съ платками; женихъ родственникамъ невѣсты обыкновенно даетъ шишку и какую-либо жѣдную монету (1—5 коп.); заодно же рѣшается вопросъ, какую цѣну дать женихъ за выкупъ своего коня отъ брата невѣсты (если женихъ не имѣетъ коня, то выкупается его палка); сколько будетъ стоить выкупъ, за такую же сумму должна невѣста купить платокъ свитылкѣ жениха, а сколько заплатитъ женихъ за пришиваніе китки къ его шапкѣ, столько же невѣста платитъ за платокъ для старшей свашки жениха. Дальше уговариваются, сколько бояръ долженъ имѣть женихъ; обыкновенно ихъ число опредѣляется количествомъ шишекъ съ монетами, которые раздастъ женихъ роднѣ невѣсты; каждый бояринъ получаетъ въ подарокъ отъ невѣсты платокъ; если же почему-либо женихъ пригласитъ больше бояръ, чѣмъ было условлено, то остальнымъ уже не невѣста, а самъ женихъ даетъ по платку.— По окончаніи договора назначаютъ, въ какое воскресенье быть свадьбѣ. Затѣмъ, послѣ угощенія, гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ послѣ закуски осматриваютъ его усадьбу, постройки, — что называется «выглядывашью».

Послѣ этого сватанья дѣвчата на улицѣ, на досвѣткахъ и т. п. поютъ засватаннымъ слѣдующія пѣсни:

1. Снигомъ, Явдошко ¹⁾ , снигомъ
Мы за тобою слядомъ
Зеленою дибровою
И хорошою молодою;
И хороша и вродлыва,
Чырвона, якъ калына.	А зеленого та ни одного?
Колыбъ мнѣ хоть одинъ зеленый,
Була бъ моя вся дибровонька.
Молодая та Явдошко,
Чого въ тебѣ такъ батькивъ много,
А ридного та ни одного?
2. Ой гоже, ненько,
Вже й ныраненько;
Чомъ мене не вчышъ, ненько?
Чомъ мене не вчышъ, ни навча-
ешъ,	Тильки все ти, що напытыся,
А нікому зажурытыся.
Якъ свекорку годыты?
Та годы, доненько,
Та годы свекорку,
Якъ ридному батеньку:
Устань раненько,
Вмийся биленько,
Поклонься низенько
Старому, й малому,
И Иванку молодому.	4. Сыне море грає,
Явдошка потопає.
Иванку, твоя воля:
Вырятуя йя зъ моря,
Буде Явдошка твоя.
3. Зеленоя та дибровонька,
Чого въ тоби такъ пынькивъ много,	5. Та плавала утинка пидъ ледкомъ;
Та давала Явдошка ручку двомъ:
На тоби, Иванку, самому;
Ты, Грыцьку, ны подылуй,
Иды соби зъ иншою пошлюбуй.
	6. Було лито, було лито
Та й стала зыма;
Насіяла чорнобрыццивъ
Насередъ двора.

¹⁾ Имя невѣсты; Иванъ — имя жениха.

- Колы мои чернобрывцы зацвигуть,
Тоди мою русу косу расплыгуть,
Уже жь мои чернобрывцы зацви-
лы,
Уже жь мою русу косу расплылы.
7. Та спасыби тоби, моя ненько,
Що ты мене будыла раненько,
А я раненько вставала,
Та соби рушнычки напяла,
Та по гори ходыла, бидыла,
Своимъ старостамъ дарыла.
8. Ой йихалы бузаре гороу,
Та клыккалы Явдошко зъ собою;
Иды, иды, Явдошко, зъ нами,
Дамо хусточку зъ перамы.
- Я тин хусточки ны зносы,
Полюбыла Иванка, якъ душу.
9. Та заручена та Явдошка, заруче-
пая,
Дала свою билу руку на заруку.
Ручка жь моя биленька у батень-
ка,
А чы будышь така била у све-
корка?
А якъ будышь ты, Явдошко, по-
кирпенька,
Буде твоя ручка все биленька;
А якъ будышь ты, Явдошко, така
впряма,
Буде твоя головочка що-дваяпяна

Невѣста во время этой пѣсни плачетъ.

Въ пятницу, за два дня до вѣнчанія, въ домѣ жениха и невѣсты собираются женщины сосѣдки печь „шишки“ — небольшие, круглые пшеничные хлѣбы, украшенные разными фигурками изъ тѣста; они назначаются для подарковъ роднымъ.

Въ субботу тѣ же женщины собираются туда же лѣпить «коровгай»; это пшеничный большой, овальной формы хлѣбъ, украшенный шишечками, зубчиками и поясками изъ тѣста. Когда мѣсать коровгай, то поютъ:

10. Та Иванкова ненька
По улыци ходыть,
Сусидочокъ просыть:
- Сусидочки мои, голубочки,
Прошу я васъ до хаты
Коровгаю бгаты.

Когда лѣпать его, то поютъ:

11. Трійца по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла.
Та ходы, Спаса, до насъ,
- Ой у насъ все гараздъ:
Хорошіи коровгайныци
Коровгай бгають.

Когда коровгай слѣпленъ, то посреди хаты ставятъ скамейку, вокругъ которой бабы обносятъ три раза дѣжу; обойдя кругомъ, каждый разъ подбрасываютъ дѣжу вверхъ такъ, чтобы она ударилась о сволокъ, и сами цѣлуются, при чемъ поютъ:

12. Ой пичь стойнтъ на сохахъ,
А дичу носятъ на рукахъ.
Пѣче наша, пѣче,
- Хорошая коровгайныця!
Цилуюця та мылюця
Хорошіи коровгайныци.

Послѣ этого одинъ изъ мужчинъ привязывается къ палкѣ пукъ кулевой соломы, становится возлѣ порога и говоритъ: «Староста, нани лиде-староста!» — «А мы рады слухать», отвѣчаютъ присутствующіе. «Благословить цю чесну пичь выместы». — «Богъ благословить!» — «Разъ, другой и третій разъ!» — «Богъ благословить вси три разы». — Онъ выметаетъ своимъ помеломъ печь, а бабы поютъ:

13. Кучыравыи пичь вымитас,
А натлати въ пичь заглядають,
Чы хороше пичь вымитас.

Тотъ же мужчина беретъ коровгай, положенный на крышкѣ дѣж, и обращается къ присутствующимъ: «Староста, пани пидстароста!» — «А мы ради слушать». — «Благословить цей чесный хлѣбъ въ пичь посадить!» — «Господь благословить». — «Разъ, другой и третій разъ!» — «Богъ благословить вси три разы». Послѣ этого садитъ коровгай на крышкѣ въ печь, вынимаетъ крышку обратно, а бабы поютъ:

14. Наша пичь гыгоче,
Коровгаю хоче,

А прыпичокъ осмихаеца,
Коровгаю сподиваеца.

Съ утра въ субботу женихъ со старшимъ бояриномъ идетъ по селу къ родственикамъ приглашать ихъ на свадьбу. Войдя въ хату, онъ кланяется въ поясъ присутствующимъ, каждому по три раза, говоря: «Просыть отецъ и мать и я просю на хлѣбъ, на соль и на свадьбу», затѣмъ съ молодыми цѣлуется въ губы, а стариковъ цѣлуетъ въ руку.

Въ то же время и невѣста, взявъ старшую дружину и 10 друзей, приглашаетъ на свадьбу своихъ родствениковъ. Дорогой дружки поютъ МѠ 1—9 и слѣд.:

15. Та тисни улыченъкы, тисни,—
Идутъ дружечкы пышныи,
Нысутъ коровгу чырвоу,
А на ти корован лыстонъкы.
Краца Явдошка отъ свистонъкы.

16. Та до бору, дружечкы, до бору,
Рубайте сосонку до долу,
Тя понысимо додому
Та поставымо на столи
На гилчasti пырыбирчasti ска-

17. Росты, сосна, вгору; [терти.
Ныдалеко додому.

Росты, сосна, выще,—
Намъ додому блызче;
Росты, сосна, нызенько,
Намъ додому блызенько.

18. Ой то ны гримъ гримыть,
То Явдошка бижыть
Тиснымы улычкамы,
Съ своими дружычкамы,
Калыновымъ островомъ,
Невылыка ростомъ.

19. Ой гаю мѠ, гаю,
Я тебе кохаю:
И травуцю повыкопую
И на берегъ повыношую;
Теперь погуляю
Въ зеленому гаю.

20. Ой ны спы, матинко, въ ночи
Тя пычы, матинко, калачи,
Та пычы на меду,—

Я до тебе дружычокъ наведу.
21. Лытивъ чорнозадъ черезъ садъ,
Погубывъ пиръячко на весь садъ;
Збирайте, дружечкы, пиръячко,
Збыйте Явдошци гилечко.

22. По той бикъ ставу
Клыче павычъ паву:
Иды, иды, моя павочко,
Дамъ тоби одно яблучко;
Черезъ тее одно яблучко
Потыряла дивуванячко,
Черезъ тее вирнисенько
Потыряла молодисенько.

23. Ой булы мы въ лужку,
Загубылы старшу дружку;
Де йи шукаты, де йи пытаты?
Чы въ рути, чы въ мяти,
Чы въ батынька въ хати?
Ни въ рути, ни въ мяти,
Та въ батынька въ хати.

24. Яворе, явирочку!
На жовтимъ писочку
Шука-рыба грае,
Золотее пыро мае;
Сама соби адыувалася,
Що съ хоршымъ нагулялася (2),
Съ кращымъ звичалася.

25. Ой ны гуды, ром,
Та по-за горою;
Та загуды, ром,
За нашою молодюу.

жениха, нѣсколько „свашекъ“ и „свтылка“—молодая дѣвушка, сестра или другая близкая родственница жениха. Свтылкѣ дается „свтыльникъ“—деревянный вѣстѣ, воткнутый въ пучокъ васильковъ или другихъ цвѣтовъ и обвитый восковой свѣчей домашняго приготовления; длина этой свѣчи равняется разстоянію отъ пояса до верха головы у жениха.

Послѣ закуски гости жениха идутъ вмѣстѣ съ нимъ и боярами (молодые парни, числомъ отъ 6—15) съ музыкой къ невестѣ; музыку начинаютъ женихъ.

Эта вечерника называется „дывыть-вечиръ“. Бояре дорогою поютъ обыкновенныя свои уличныя пѣсни, а свашки—слѣдующія:

35. Славный вечеръ дывыть-вечиръ,	36. А въ городѣ макивочка,
Не такъ славный, якъ изрядный.	А на макивочци ластивочка
Шлеца зоря до мисяца:	Звела гниздечко съ чорного шов-
Ты мисяцю, товарищу,	ку,
Ны сходь рано, раньше мене;	Съ чорного шолку, зъ билого лѣну,
Зійдемо рано обое разомъ,	Вывела диткы однолиткы:
Просвѣтимо небо й землю,	Перве дятятко—молодой Иванко.
Звиря въ поли, рыбу въ мори,	А друге дятятко—молода Явдош-
Звеселымо отця й неньку	ка.
И всю родынюнку.	

Женихъ со свитомъ останавливаются передъ порогомъ хаты; въ хату входятъ дружка и подружій, здороваются, кладутъ на столъ принесенный съ собою хлѣбъ и спрашиваютъ хозяевъ, рады ли они гостямъ. Отецъ невесты отвѣчаетъ, что рады, и проситъ всѣхъ въ хату. Женихъ садится за столъ, возлѣ него съ одной стороны на лавкѣ усаживаются бояре, а съ другой—„на поутѣ“ садятся свтылка съ замѣненнымъ свтыльникомъ и свашки; невеста съ дружками стоитъ. Когда всѣ усядутся, невеста на тарелкѣ подаетъ черезъ столъ жениху въ подарокъ большой платокъ; дружки поютъ пѣсни № 9 и 28; женихъ, взявъ платокъ, кладетъ на тарелку нѣсколько денегъ; затѣмъ невеста даритъ по малому платку старшему боярину и свтылкѣ; послѣдней вмѣсто платка даетъ иногда рублики; дальше она подаетъ на тарелкѣ старшей свашкѣ два платка въ подарокъ свекру и свекрови. Попотчевавши гостей водкой, невеста съ дружками выходитъ во дворъ танцевать; гости, поужинавъ, идутъ домой; остаются только женихъ и старшій бояринъ, для нихъ двухъ, для невесты и старшей дружки подается отдѣльный ужинъ въ другой хатѣ, а въ свободной хатѣ ужинаютъ музыканты и домашніе. Этимъ и заканчивается дывыть-вечиръ.

Въ воскресенье утромъ невеста со старшей дружкой идетъ съ приглашеніемъ къ сосѣдямъ, затѣмъ въ церковь, куда собираются и дружки. Послѣ вѣнчанія всѣ отправляются въ домъ къ жениху; дорогою дружки поютъ:

37. Ой попе, попе, гордію,	Ныхай ны шють, ны прядуть,
Ны девоны рано въ выдилью,	Та до Явдошкы въ дружки идутъ.
Задвоны рано въ суботу,	38. Ой булы мы въ церкви,
Потыряя дружычкамъ роботу,	Молымыся Богу.

- Старому я малому
И Негови святому.
39. Сиченая кадыновька, сиченая,
Вже жъ наша Явдошка звичаная; 41. Звичана Явдошка съ панычемъ;
Чырвони чобитки на нози,
Що купувъ Иванко на торен,
Червона стежычка на вивку,
Що купувъ Иванко въ ярмарку.
40. Та стояла Явдошка пидъ винцемъ,
Та чысала кисоньку грибинцемъ;
Упавъ грибинецъ пидъ стилецъ:
- Подай, Иванку, грибинецъ!
Я тобі, Явдошко, ны вдявещъ,
Щобъ я подававъ грибинецъ.
Хоть съ панычемъ, ны съ паны-
чемъ—зъ мужыкомъ,
Зважала ручынку рушыномъ,
Хоть рушыномъ, ны рушыномъ,
хустыною,
Зважала рученьку зъ дружиною.

У воротъ дома жениха дружки поють пѣсню № 29, передъ порогомъ № 30 и 31. Родители встрѣчаютъ новобрачныхъ въ сѣняхъ съ хлѣбомъ солью; молодые кланяются имъ и входятъ въ хату; дружки поють пѣсню № 32. Молодая съ дружками садится за обѣдъ, во время котораго поются № 33 и 34. Послѣ обѣда онѣ уходятъ домой, дорогой дружки поють № 38—41; затѣмъ, подходя къ дому новобрачной, № 29; передъ порогомъ 30 и 31; родители встрѣчаютъ дочь съ хлѣбомъ, она кланяется имъ и входятъ въ хату. Братъ новобрачной, или ея дядя женатый беретъ въ руку платокъ, конецъ котораго въ ея рукахъ, и трижды обводитъ ее вокругъ стола; молодая садится за столкомъ на „посади“—на лавкѣ, застланной коужомъ, рядомъ съ нею садится обводящій ее мужчина и сидитъ, пока дадутъ ему рюмку водки; въ это время дружки поють:

42. Ишла Явдошка на посадь,
Зестричае ян Господь самъ
Долею счастливою, доброю годы-
ною.
- Ой хто той посадь пысавъ?
- Пысавы его пысарци
Темной ночи при свичи,
Ясного сонця виконця;
А сей посадь пысаръ пысавъ
Ажъ отъ Господа Бога.

Возлѣ молодой садятся дружки, закусываютъ и поють тѣ же пѣсни, что и у молодого. Послѣ обѣда въ сѣняхъ на скамьѣ садятся родители и пожилые близкіе родственники молодой, которымъ она кланяется подъ пѣніе дружекъ.

43. Та похылчасте те дерево та алы-
на,
Покирлеве та дытатко та Явдош-
ка,
Та пристуны ты, Явдошко, та блы-
венько,
- Поклонься отцю я неньци вызавъ-
ко;
Прыступы, Явдошко, блыжче,
Поклонься отцю я неньци выжче.

Полонившись всѣмъ, невѣста садится на посадь съ дружками. Старшая дружка, послѣ обычнаго обращенія къ старостѣ и подстаростѣ, проситъ: „Благословить молоди на индюмы зобратъ“. Получивъ благословеніе „вси три разы“, дружки въ подарокъ невѣстѣ бросаютъ малѣи деньги на тарелку, наполненную рожью или овсомъ, при чемъ поють:

44. А вгадайте, дружычки, вгадайте,
По золотому складайте,
Во теперъ годына ны тая
- И дороженька смышляя,
Треба Явдосди чобитокъ,
Золотенькихъ индывокъ.

Собранныя деньги съ зерномъ высыпають молодой въ платокъ, и она причесть ихъ въ сундукъ.

Затѣмъ дружки убирають „гилце“. Сосновое деревцо, поставленное на столъ, украшаютъ лентами, конфетками, калиною, колосками ржи, овса, барвинкомъ, цвѣтами, и въ это время поють пѣсню № 21 и слѣдующ.:

45. Гилце вьють
И горилочку пьють;
Стойть горилочка
Коло барылочка,
А намъ ны дарть.	Тилькы пидуть по сусидахъ та
будуть судить;
Сонлывее, дремлывее чужее дыть,
Що ны хоче рано вставаты, хаты
замисты,
46. Що то, маты, та за сонъ снывся,
Що батькивъ двирь шовкомъ спо-
вився, 48. Ой стояла та Явдошка сырыдъ
моря,
Та дыржала шуку-рыбу пидъ по-
лю:	До зиронькы свитовойи воды пры-
нысты.
Калыною та обсадывся,
А горохомъ та обыспався?
Тожъ ны шовкъ—то твои кисонька,
Дрибный горохъ—то твои слизонь-
кы,	Плывы,плывы, шуко-рыбо, по во-
ди,
Прыбуди, прыбуди, мій батынько,
тепера къ мыни,
Ой дай мыни порадоныку, бидни
сыроти.
А калына—дывуваниячко,
Суботнее заплитаниячко,
Ныдильшие прыбыранячко.	Ой радъ бы я, дочко моя, до тебе
прыбути,
Насыпано сырой земли на руки
мой!
Скльпылыся кари очи до пивночы,
Ой Богъ тоби, моя дочко, до по-
мочи,
47. Дашь мене, ненько, молодую;
Та дай мии зозуленьку садовую;
Зазуленька садовая все буде ку-
вать.
А я буду молоденька раненько
вставать;
Чужый батько й маты ны будутъ
будуть,	

Убравши гилце, ожидаютъ прихода молодого.

Послѣ ухода новобрачной съ дружками, къ молодому собираются бояре, дружка, поддружій, свашки, свитылава; всѣ садятся за столъ. Старшая свашка обращается къ дружку: „Староста, пани подстароста!“—А мы ради слухатъ, — отвѣчаетъ ей дружка. „Благословить буярамъ по красу дать“. —Богъ благословыть! „Разъ, другой и третій разъ.“—Богъ благословыть вси три разы!

Свашка беретъ у каждаго боярина шапку и пришиваетъ къ ней красную ленту, за что бояре бросаютъ ей на тарелку деньги. Пришивая ленту, свашка поетъ каждому боярину:

49. Я свашка зъ Вильхова,
Прыйхала вчора | Квитокъ прышываты,
Грошей заробляты. |
|---|---|

По окончаніи „покрысы“, старшій бояринъ обращается къ дружку за благоволеніемъ „гилце окрасыть“. Послѣ троекратнаго благословенія свашки и бояре привизываютъ къ стоящему на столѣ гилцу ленты, калину, колосья ржи и овса, барвинокъ, конфеты, рожки, при чемъ свашки поють пѣсни № 21 и 45. Затѣмъ закусываютъ и собираются итти къ молодой.

Молодой бланяется родителямъ; мать даетъ ему хлѣбъ; дружка выводитъ его за платокъ во дворъ, гдѣ передъ порогомъ на скамейкѣ поставлена дѣжа, и обводитъ новобрачнаго вокругъ нея три раза; мать въ это время обсыпаетъ ихъ овсомъ и конфетками; бояре и свашки стоятъ во дворѣ, старшій бояринъ держитъ гилце, а свитылка свитыльничекъ; свашки поютъ:

50. Ой сыпъ, матинко, ны жалуй, Щобъ бувъ Иванко хозяинъ.

Затѣмъ мать выводитъ за платокъ сына за ворота, тамъ онъ дѣлуетъ ей руку и идетъ въ молодой вмѣстѣ съ боярами, старостами, музыкою, свитылкою и свашками, которые дорогою поютъ:

51. Ой по-пидъ лисомъ бытая дориченька, Насередь лиса рублына крыныченька.	Посажена, якъ та сыротына, Зряжена, якъ паньске дытятко, Посажена якъ те сыротятко.
Ой туды йхавъ Иванко зъ буарамы, Ёму калына дорогу заступыла; Выйнявъ шабельку, ставъ калыну рубаты.	52. Ой по-пидъ лисомъ бытая дориченька, Посередь лиса рублына крыныченька, Тамъ староста конька напувае, Молода сваночка водыцю пидлывае.
Стала калына до ёго промовляты: Не за-для тебе ця калына сажына, А за-для тебе ця Явдошка зражена,	53. Кучыравый, возныче, Поганай кони швыдче; Якъ ны будышь поганяты, То будымо тутъ ночуваты.
Зряжена, якъ паньска дытына,	

Передъ воротами молодой собираются паробки-сосѣди, затворяютъ ворота и не пропускаютъ во дворъ молодого съ его свитой. Пришедшіе угощаютъ ихъ водкой; тогда они выпускаютъ во дворъ дружка и подружяго. Войдя въ хату, послѣдніе здороваются съ хозяевами и говорятъ: „Бланяца свать сватови, сваха сваси, молодой молоди, буары дружкамъ, свашки свашкамъ, а музыка кочергамъ; чы рады гостямъ?“ Хозяйка благодаритъ ихъ за поклонъ; старшая дружка льетъ воду на руки дружку и подружюму, даетъ имъ по рушнику, которыми они вытираютъ себѣ руки и затѣмъ персвязываются черезъ плечо, а дружки въ это время поютъ:

54. Мые дружокъ ручки, Чы ныма рушнычка,
Та погляда на килочки, Потерты ручки.

Дружокъ набираетъ въ кружку воды, покрываетъ ее шишкой, выходитъ съ подружнимъ за ворота и говоритъ: „Бланяца молода молодому, дружки буарамъ, а кочергы музыкамъ“; затѣмъ даетъ паробкамъ кружку съ водой и шишкой, увѣряя что это водка—могорычь за пропускъ во дворъ; паробки, отвѣдавъ изъ кружки, не пускаютъ ихъ, требуя воды; дружокъ идетъ вторично въ хату, передаетъ, какъ и раньше, поклонны и выноситъ паробкамъ бутылку водки и шишку. Тогда растворяютъ ворота, поѣздъ входитъ во дворъ, становится передъ порогомъ, свашки поютъ:

55. Оя докы мы та стоятымимъ,
Сыру землю та топтатымимъ
Чырвонымы та чобяткамы,
Золотымы та пидкивкамы?

56. Выяды, Явдошко, выяды,

Ны буде тоби крывды;
Стань соби на помости,
Почастуй свои госты,
Стань соби на травыци,
Почастуй свои зовыци.

Изъ хаты выходить съ водкой тесть; наливая зятю водку, онъ рюмку держитъ въ платкѣ; молодой принимаетъ рюмку, тоже обернутую платкомъ. Остальнымъ присутствующимъ хозяинъ подносить водку просто, безъ платка.

Послѣ этого начинается раздача подарковъ. Дружко подноситъ тестю на тарелкѣ, сдѣланную изъ тѣста борону и деньги со словами: „Десь у нашего молодого е батько; шлетъ вамъ молодой и ёго батько цей подарокъ“. Хозяинъ благодаритъ и владеть на ту же тарелку въ подарокъ „молодому и ёго батькови“ большой платокъ; старшій бояринъ беретъ этотъ платокъ, обводитъ имъ трижды вокругъ шеи молодого и затѣмъ подвязываетъ имъ его. Затѣмъ тещѣ подносятъ сапоги, шишку и деньги она въ свою очередь даетъ старшему боярину малый платокъ. Дружко подноситъ подарки крестнымъ родителямъ молодой и получаетъ платки для свашекъ и свитылаи. Затѣмъ дружко даетъ сестрамъ и теткамъ молодой очки, головныя повязки, а теща даритъ братьямъ—боярамъ и дядькамъ молодого платки. Наконецъ, дружко раздастъ другимъ родственникамъ молодой шишки и деньги, а теща боярамъ даетъ платки, а дружку, поддружму и музыкантамъ ружники. При раздачѣ подарковъ дружко громко вызываетъ, кому назначенъ подарокъ: „Десь у нашего молодого (молодой) бувъ братъ (сестра—имя); шлетъ ему (ей) молода (молодой) цей подарокъ“.

Послѣ раздачи подарковъ хозяинъ приглашаетъ молодого со свитой въ хату. На порогѣ у молодого братъ молодой отбираетъ его палку, замѣняющую собою коня, котораго молодому нужно выкупить. Между тѣмъ, старшій бояринъ незаметно пробирается къ столу, схватываетъ со стола гилце, дружки срываютъ съ него украшенія, бояринъ выбрасываетъ это гилце на чердакъ, а на столъ ставитъ другое, принесенное отъ молодого. Затѣмъ дружко подходитъ къ дверямъ и говорить: „Староста, пани пидстароста!“—А мы ради слушать,—отвѣчаетъ ему староста молодой. „Благословить молодого въ домъ увести“.—Богъ благословить! „Разъ, другой и третій разъ!“—Богъ благословить вси три разы.

Дружко вводитъ молодого. На лавкѣ возлѣ молодой становится два мальчика, братья ея, и показываютъ видъ, будто колютъ палками молодого, не допуская его къ своей сестрѣ; имъ даютъ по рюмкѣ водки, по шишкѣ и нѣсколько монетъ, и они уходятъ, уступая свое мѣсто молодому. Дружки становятся на лавкѣ, а дружко трижды обводитъ молодого вокругъ стола, усаживаетъ его возлѣ молодой съ правой стороны и самъ помѣщается рядомъ съ нимъ. Тесть подноситъ рюмку водки дружку, послѣ чего послѣдній удаляется; на его мѣсто садятся свитылаи и свашки; по лѣвую сторону молодой размѣщаются дружки,

а напротивъ—боярс. Когда молодого обводятъ вокругъ стола, те дружки поютъ:

57. Дружечки панянки, Пускайте дорогу
Ставайте на лавки, Князеви молодому.

Когда молодой сидеть возлѣ молодой:

58. Сердынько мыленьке, Якъ у свити жыты,
Прысунься близенько, Та будымо розмовляты,
Та будымо говорыты, Якъ у свити горываты.

Дружко, уступивъ свитылькѣ мѣсто, выходитъ во дворъ, гдѣ выкупаютъ у брата молодой палку—коня молодого за условленную на сватаньѣ плату.

Подается на столъ закуска, сидящіе вокругъ стола закусываютъ; хозяинъ угощаетъ водкой. Затѣмъ сестра молодой становится на лавку противъ молодого, беретъ его шапку и обычнымъ образомъ проситъ благословенія „молодому покрашу дать“; получивъ трехкратное благословеніе она беретъ у сестры ленту съ цвѣткомъ и, пришивая ее къ шапкѣ, поетъ:

59. Я свашка съ Вилькова, Теперь моя воля,
Прыйнхала вчера Зятю, надъ тобою;
Бвѣтки прышываты, Ны дывысь, вятю, скрыва,
Грошей заробляты. Я жъ ны твоя мыла;
60. Я въ батькови хатци Ото твоя милисинька
Та на батькови лавци; Коло тебе близисинько.

Затѣмъ она надѣваетъ шапку себѣ на голову и поетъ:

61. Просите, не просите, Положите золотого
Шага не кладите; За князя молодого.

Дружко даетъ ей рюмку водки, шишку, деньги и ленты; принявши все, она поетъ:

62. Я зятя пиддурыла, Винь думавъ, що въ барвинку,
Съ кропывы квитку прышыла; Та кладе гроши на тарилку.

Затѣмъ она отдаетъ молодому шапку и уходитъ. Въ сѣняхъ дружко получаетъ отъ тещи коровгай, проситъ благословенія—„цей честный хлѣбъ въ домъ унести“, вноситъ его и кладетъ на столъ передъ молодымъ. Она кладетъ голову на коровгай. Возлѣ нея на лавку становится ей братъ и беретъ благословеніе—„молоди косу росплетати“; расплетаетъ сестрѣ косу и беретъ ленты себѣ. Дружки въ это время поютъ:

63. Братъ сыстрыци косу росплита; Чы меньши сестри поодава?
Де жъ ти росплитки подива; Ни въ пичь, ни въ огонь повкыда,
Чы въ пичь, въ огонь повкыда, А меньши сестри поодава.

Дружко беретъ коровгай и говоритъ: „Староста, пани пидстароста“! — А мы ради слухать.—„Благословить цей честный хлѣбъ на миръ родзати.“ По-

слѣ троекратнаго благословенія онъ вырѣзываетъ изъ середини шинку, разрѣзываетъ ее на четыре части для родителей новобрачныхъ; остальной коровгай онъ рѣжетъ на кусочки и раздаетъ ихъ другимъ родственникамъ, вызывая ихъ словами: „Десь у нашего молодого (молодон) бувъ братъ (сестра, дядько, титка—такіе-то), посылае ему молодой и молода коровгай“; получающіе благодарятъ молодыхъ. Нижняя корка коровгай отдается дружкой музыкантамъ со словами: „Десь у нашего молодого и молодон булы весели музыки; шлють имъ подошву“. Во время дѣла коровгай дружки поють:

64. Дружка коровгай крае,
Семеро дитей мае
Да вси съ кешенямы,
Весь коровгай забрамы.

65. Погляда дружка скоса,
Чы ныма на пичи проса;
Колы бь якъ утицты,
Щобъ проса натовты.

Послѣ раздачи коровгай подается обѣдъ, во время котораго дружки поють:

66. У лебиды нижкы тоненьки,
У Явдошкы ложки билоньки;
Иванкова челядь
Сидеа вечерять.

67. Що жъ то за стежычка
Отъ столу до прыщичка?
Матуса топтала,
Вечерять давала.

68. Иилы дивонькы, йилы,
Пивъ голузонька зъяилы.

По столу качаюче,
Въ маслычко вмочаюче.
Йилы буяре, йилы.
Пидого вола зъяилы,
На столы ни кысточкы,
Пидъ столонь—ни дрызочкы.

69. Йилы буяре ышкы
Та вкрады галушкы
То въ михъ, то въ кешеню
Ватькови на вечерю.

Старшій бояринъ налиываетъ и подноситъ рюмку водки старшей дружкѣ; та отплачиваетъ ему тѣмъ же; потомъ старшій бояринъ угощаетъ водкой всѣхъ дружекъ, а старшая дружка всѣхъ бояръ; въ это время дружки поють:

70. Дружка на шовку стояла,
Съ буярыномъ частувала:
Ты, буярыну—билозпрочу,

Почастую тебе высоколычку;
И рада-бъ тебе частуваты,
Та ны знаю, якъ тебе аваты.

Послѣ обѣда дружки цѣлуются—прощаются съ молодой и выходятъ во дворъ. На дворѣ приготовленъ столъ съ закуской и выпивкой отъ старшей дружки; возлѣ стола сидятъ родители ея. Старшій бояринъ выводитъ изъ хаты подъ руку старшую дружку, она притворяется хромою; родители ея заявляютъ претензію, что на свадьбѣ искалѣчили имъ дочь.

Начинаетъ играть музыка, старшая дружка пускается въ плясъ съ старшимъ бояриномъ. Послѣ танца отецъ ея угощаетъ присутствующихъ водкой и закуской. Затѣмъ снова устраивается пляска, послѣ которой дружки и другія дивчата расходятся по домамъ.

За столомъ въ хатѣ сидятъ молодые; свашки поють имъ:

71. Пишла Явдошка въ вышин—садъ, — Кто мене найде въ цимъ вино-
Та сховалася въ виноградъ. гради,

То съ тымъ саду на посади.
Пишовъ батевко, вы найшовъ,
Вырвавъ квиточку та й пишовъ.
— Кто мене найде въ цимъ выно-
гради,

То съ тымъ саду на посади.
Пишла матинка, ны найшла,
Заплакала та й пишла,
— Кто мене найде въ цимъ выно-
гради,

То съ тымъ и саду на посади.

Пишовъ братичокъ, ны найшовъ,
Вырвавъ квиточку, та й пишовъ.
— Кто мене... и т. д.
Пишла сьстрыця, ны найшла,
Заплакала та й пишла.

— Кто мене... и т. д.
Пишовъ Иванко та й найшовъ,
Взявъ за рученку та й пишовъ.
Хто мене найшовъ въ выногради,
То съ тымъ сила на посади.

Дружко просить благословенія—„вывести молодыхъ изъ-за столу“; беретъ одинъ конецъ платка, котораго другой конецъ въ правой рукѣ молодого; лѣвой рукой молодой держится за рушникъ, которымъ подпоясана молодая; дружко выводитъ ихъ такимъ образомъ въ сѣни, гдѣ находятся родители молодой и другіе ея родственники. Здѣсь дружко говорить: „Староста, пани пидстароста!“—А мы ради слухать.—„Благословить молодыхъ отцю й нещци вемоньца“.—Богъ благословить.—„Разъ, другой и третій разъ!“—Богъ благословить все три разы.—

Молодые кланяются родителямъ; эти благословляютъ ихъ образами; потомъ кланяются родственникамъ, которые благословляютъ ихъ хлѣбомъ, передавая его одинъ другому. Кланяясь, молодые говорятъ: „Благословить насъ!“—Богъ насъ благословить, и я благословляю, —отвѣчаютъ имъ. Получивъ благословеніе, молодые цѣлуютъ благословляющаго сперва въ руку, а потомъ въ губы. Отецъ даетъ молодымъ каждому по хлѣбу; дружко выводитъ ихъ во дворъ и обводитъ вокругъ дѣжи, поставленной на скамьѣ—два раза въ одну сторону, а въ третій разъ въ обратную. Затѣмъ молодая садится на приготовленную подводку, а молодого обводятъ вокругъ подводки три раза; обходя въ послѣдній разъ, молодой ударяетъ воловъ (или лошадей), и подводка выѣзжаетъ со двора.

Когда молодые берутъ въ сѣняхъ благословеніе, то бояре выносятъ и ставятъ на возу сундуки съ приданнымъ молодой, ея одежду, постель; для молодой оставляется мѣсто въ передней части воза. Садясь въ телѣгу, молодая крестится на четыре стороны и прощается съ родными; при этомъ, если молодая не потеряла до свадьбы дѣвства, то приглашаетъ родныхъ притти къ ней на слѣдующій день; въ противномъ же случаѣ приглашенія не бываетъ; случается, что разсерженные этимъ родители молодой догоняютъ ее дорогой и бьютъ.

Когда новобрачные получаютъ благословеніе, свахи поютъ пѣсню № 43; когда же дружко обводитъ молодыхъ вокругъ дѣжи, то свахи поютъ во дворѣ:

72. Старый оселедку
Ны стойитъ за репку;
Ны вспивъ ожиньца,
Стала жинка быты;

Во время выѣзда со двора:

73. Загрыбай, маты, жаръ-жаръ,
Буде тоби дочки жаль-жаль;

А хочъ буде быты,
То буду тырпиты:
Прийде ничка теменькая,
Йе съ кымъ говорыты.

Кыдай у пичъ дрова,
Оставайся адорова.

74. Оце тоби, маты,
Праныкъ въ загатя;
Якъ итymesъ сорочокъ праты,
Будышь дочку спомынаты.
75. Выкотылы, выманылы
Смоляную бочку;

Дорогой сващки поють:

76. Ой кони, кони—выдмыди!
Чы чуетеса объ соби,
Чы вывезете княгыни
На ту гирочку крутую,
У ту свитлоньку новую?
77. Рыстю, коныкы, рыстю:
Вызымо соби корыстю,
Вызымо соби корысточку,
Молодую невисточку.
78. Туну, коныкы, туну!
Вызымо соби ступу,
Вызымо соби ступочку
Молодую невисточку.
79. Куды мене вызете?
Пидъ лотоки.
Що мыни постелете?
Куль осокы.

Во дворѣ молодого овѣ поють:

82. Выйды, маты, оглады,
Що тоби бузры привыалы:
Чы вивцю, чы ярку,

Выдурылы въ пана свата дочку.
Ой мы йи ны манылы
И мы йи ны дурылы;
Вона сама захотыла
Чырвонбо бурячка
До билого тила.

- А пидъ пяткы—мяткы,
Щобъ було мягко спаткы.
80. Топы, маты грубу (2):
Веземо тоби невисточку любу,
Хоть любу, нылюбу,
Топы, маты, грубу.
81. Тоби, маты, ны журытыся,
Тоби, маты, высылтыся,
Тоби, маты, ны топыты, ны варыты,
Тоби, маты, ни джы ны мисыты,
Тоби, маты, хаты ны мысты,
Тилко порядокъ высты.
Якъ топыла, маты, такъ и топы,
Якъ мисыла джы, такъ и мисы.
Тилкы твоя слава,
Що нывисткы джыдала.

Чы нывистку коханку;
Ны вивцю, ны ярку,
Нывистку коханку.

Новобрачные слѣзаютъ съ телѣги; у порога въ сѣняхъ встрѣчаетъ ихъ мать молодого и спрашиваетъ невѣстку: „Съ чымъ ты до мене, дочко, прийшла?“ Если невѣстка дѣвственница, то отвѣчаетъ: „Съ хлибомъ силой и съ розумомъ добрымъ“; если же она потеряла дѣвственность до брака, то отвѣчаетъ только: „Съ хлибомъ и силой“.—Мать вводитъ молодыхъ въ домъ, беретъ хлѣбъ—солъ и образа отъ нихъ и ставитъ иконы на божицу; дружно испрашиваетъ молодымъ благословенія:

„Староста, пани пидстароста!“—А мы ради слухать.—„Благословить отцю й веньци вилоньтыца“.—Богъ благословить!—„Разъ, другой и третій разъ!“—Богъ благословить вси тры разы.—

Молодые кланяются родителямъ, которые держатъ въ рукахъ хлѣбъ.

Въ это время бояре сносятъ съ воза сундукъ, постель и одежду молодой въ другую половину хаты, или въ комору, гдѣ старшій бояринъ готовить постель новобрачнымъ. Послѣ этого бояре получаютъ отъ хозяевъ бутылку водки, раскрываютъ ее и уходятъ домой. Дружно просятъ благословенія „молодыхъ на супокой завысты“, ведетъ затѣмъ молодыхъ въ комору, гдѣ приготовлена имъ постель, и самъ уходитъ. Молодую раздѣваетъ ея замужаяя сестра или тетка и сващка; съ нея снимаютъ всѣ украшения—серьги, монисто, всю одежду и сѣлье, и надѣвъ на нее чистую сорочку, уходятъ, оставивъ молодыхъ однихъ.—Гости заходятъ еще въ хату и послѣ выпивки и закуски расходятся по домамъ.

4. Свадебныя тѣсни Киевской губ.

(Зависаны въ с. Дахновкѣ, Черкасского уѣзда).

<p>1. Що шука-рыба ны трещя;
Багатый, ненько, ны шлецця,
А убогий ненько, ны сміе,
Такъ моя кисонька завіе,
Зовила, кисонька, зовила!
Бодая свекрови хата сгорила,
Свекруха пидь тыномъ сыдила.</p> <p>2. Розсунуться павы,
Хай сядуть бояры:
Налынулы соколуныкы
Зъ чужой стороныкы.</p> <p>3. Ой на хати зялля (З),
А въ хати зылля;
На двори бояре,
Якъ макъ процвітае.</p> <p>4. Поглянь Ганочко, въ виконце,
Стойить Иванко, якъ сонце,
Кинь ёго прыцавъ до росы,
Винь самъ молодой—до красы</p> <p>5. Старшая дружечко,</p> | <p>Поглянь у виконечко:
Якъ ище рано,
То ще погуляймо,
А якъ уже пізно,
Розідемоь ризно.</p> <p>6. До бору, дружечкы, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Несить ейи додому,
Поставте ейи на столы,
На бяленькій скатерти.</p> <p>7. Ой попе, попе, гордію,
Не звоны рано въ ныдилью,
Зазвоны рано въ субботу,
Потирай дружечкамъ роботу.</p> <p>8. Ны сама я, матинко, иду:
Симсотъ дружокъ веду,
Симсотъ шей чотыри
Та вси я чорнобрыви,
Симсотъ шей п'ятнадцать
Та вси у саг'янцахъ.</p> |
|---|---|

5. Обряды и тѣсни Харьковской губ., Ахтырскаго уѣзда.

Прежде парень, задумавши жениться, обращался помимо дѣвушки прямо къ ея родителямъ; теперь же онъ идетъ ее сватать, заручившись предварительно ея согласіемъ. Родители даютъ свое согласіе только за третьимъ разомъ. Въ послѣдній разъ сваты приносятъ хлѣбъ и кладутъ его на столъ; невѣста выноситъ хлѣбъ, завернутый въ хустку, и отдаетъ его матери, та передаетъ мужу, а тотъ старостамъ.—На сватаньѣ поются слѣдующія пѣсни:

<p>1. Ты душевненько, Катрушененько,
Хто тебе сватавъ,
Хто тебе змовлявъ, Катрушко мо-
лодая?</p> <p>Сватало мене два старостыньки,
А змовляли сосидоньки.</p> <p>2. Чы мы тоби, Катрушко, ны казаны,
Чы мы твого серднынька ны вти-
шала,</p> | <p>Шо ны ходы до броду
Рано по воду,
Та я ны слухай, де голубоньки
гудуть,
Воны тебе молодую изведуть,
Одъ ридного батынька одведуть,
До рязого свекорка прыаведуть.</p> |
|--|--|

Матери молодыхъ въ субботу пекутъ пироги и паляницы, а вечеромъ блины. Невѣста, собравъ дружокъ, уходитъ въ какую-либо избу и сидитъ тамъ, пока не позоветъ староста.

Женихъ съ двумя старостами и съ бояриномъ идетъ къ невѣстѣ въ домъ. Женихъ съ бояриномъ остается въ сѣняхъ, а старосты входятъ въ избу и говорятъ: «Здрове, съ святымъ вечеромъ! Пускайте на кватыру переночувать. Шо мы ходылы, ходылы, та й померзлы; а якъ вы добри

люды, такъ мы й зашли до васъ переночувать». Имъ отвѣчаютъ: «Ни, ни, мы васъ мы пустымъ: вы таки люды, що будыте ворувать». Затѣмъ отецъ невѣсты посылаетъ за нею одного изъ старостъ. Тотъ приводитъ невѣсту съ друзьями домой; дорогой онъ поетъ:

3. Я ходыла, красная дивка, по ли- сочку, Сколочила билую ножку ой на ски- почку. Болють, болють билая ножка Ой та й ны больно. Гулай, гулай, я, красная дивка,	Якъ гуляла; Наймай, наймай тихъ музыкан- тивъ, Ой якъ наймала; Топчи, топчи тѣ чырывычки, Ой якъ топтала.
---	--

Друзья останавливаются у дверей; старосты садятся на лавки, а молодые берутъ у родителей невѣсты благословеніе. Невѣста беретъ тарелку, на которую дружка кладетъ ружьишки; ими невѣста перевязываетъ старость; платками перевязываетъ руки жениха и боярина, за что получаетъ отъ нихъ деньги. Это называется «даванье ружьишковъ»; дружки поютъ:

4. Якъ пиду я та уныцею шырокою, Два дворы та мынаючы, До третьяго прыступаючы. Стану я та послухаю, Шо люды говорятъ: Мого батенька хвалить, А свекорка гудать: Ой тамъ сымнѣ та велькая,	Та й свыкруха ны радная, Треба ей покорытиса, И старому, я малому И Василю молодому. Всімъ старостамъ тай по ружны- чку, Васылькови хусточку.
---	---

Гостямъ подносятъ водку; дружки уходятъ къ одной изъ подругъ, гдѣ поютъ, танцуютъ, угощаются.

Въ *среду* передъ свадьбой варятъ пиво; замѣшивають его женихъ, а приготавлиють бабы.

Въ *четвергъ* пекутъ калачи, въ *пятницу*—лежень, при чемъ поютъ ту же пѣсню (№ 4).

Въ *субботу* дѣпятъ шишки, калачи и коровай и поютъ:

5. Свѣты, Боже, въ раю Нашому короваю, Шобъ було ясенько Складаты ясенько. Нашы коровайныци пѣяны Короваю ны зобганы.	Въ синичкахъ да на дверечкахъ, У свѣтлицы да на скамьницы, Да на золотому кубку Катрушку голубку.
6. Збырайся, мій родоньку, До мене въ суботоньку Да до мене на порадоньку, Поражаты мого батеньку; Шо вынъ мене первую отдае, До стила ны прыбывае, Порядка ны знае, И пышмацьницъ ны прывытае.	8. Продай мыши, батыньку, цей садъ, виноградъ, Да й справъ мыши павський на- рядъ, Зеленую суконьку по земельку, Поволочаный поясочокъ на стано- чокъ, Чыровни чырымьчки на ганцлыч- кахъ. На що тоби, дытньо моя, цей павъ- ський нарядъ? Якъ буде у тебе муже ревынытъ,
7. Задумалы мене замнѣжъ отдаты, Звылыты мене та намалюваты	

- То я зеленая суковья наляжетца,
А золотый поясочок изломыца,
А чырвони чырывычки пыломъ
Тылько мене пры старости въ ут-
рату введуть.
9. Дашь мене, батыньку, на вѣкъ
служыть;
Чы будешь, мій батеньку, по мы-
ни тужыть?
Не буду, дыта мое, по тоби ту-
жыть, не буду,
За годъ, за два, за чотыри та я
забуду.
- Ны забудешь, мій батыньку, ны
забудешь:
Шо по высни цвѣточки цвѣтуты-
мутъ (sic),
А дивчатка виночки плыстымутъ,
Мымо твои ворыточка выстымутъ,
Та я ны будутъ до хаты прывыр-
таты,
Та я ны будутъ кватырочки отсу-
ваты
И ны будутъ мене молодой вызы-
ваты,
И будутъ тоби, мій батыньку, жа-
лю завдаваты.
- Когда покончатъ работу, то двѣ бабы и двое мужчинъ подымають дѣ-
жу со словами:

10. Коло джы, коло джы,
Коло дубовой и пр.

Дѣжкой ударяють объ сволокъ, цѣлуются и ставятъ ее на лавку. За-
тѣмъ бабы танцуютъ подъ музыку и ужинають. Невѣста же собираетъ
дружекъ и приглашаетъ знакомыхъ на свадьбу, говоря: «Прохавъ батько
й мате и я прошу на хлѣбъ, на соль, на высылячю; мылосты прошу
вась, дядычка, вась, титусю, и вась, дивчатка». Дорогою дружки поють:

11. Оя городъ, городъ Лебедынъ.
Ипхавъ Васылъ самъ молодой,
Пидъ нымъ конычокъ вороный,
А на ему жупанъ голубый,
А на ему шапочка боброва,
Въ боку хусточка шовкова;
Хто йи вышивавъ? Марушка,
Тимнои ночи пры свичи,
Ясного сонця бля выконця,
Дарувала Васылька молодця.
12. Стояла Марушка пры дорози,
Чырвоныи чобитки на нови,
Шо купывъ Васылька на торзи.
Да носы, Катрушко, здорова,
Ны мовлю тоби ны слова;
А якъ зносышь, ще куплю
За твое здорovia, що люблю.
13. Та стояла Катрушка пидъ вин-
цемъ,
Чысала кисоньку грыбинцемъ;
Упавъ грыбинець пилъ стилецъ,
Подай, Васылько, грыбинець.
„Яжъ тоби, Катрушко, не вдивецъ,
Шобъ я тоби подававъ грыбинець“.

Отаць встрѣчаетъ дочь на порогѣ сѣней; она кланяется ему, входитъ
съ дружками въ хату и садится за столъ; тѣ поють:

14. А де була, забарылась,
Шо на посадъ опизнылась?
Шо ты — горы котыла,
Чы выноградъ садыла?
— А я горъ ны котыла,
Вынограду ны садыла;
Котылыся мои слизоныки
По билому лычку
Катрусци въ ложычку.

Въ воскресенье утромъ женихъ собираетъ къ себѣ своихъ товарищей;
послѣ закуски отправляются къ одному изъ товарищей, гдѣ и обѣдаютъ;
потомъ идутъ кататься.

Невѣста съ дружками обѣдаетъ у одной изъ подругъ, затѣмъ онѣ ло-
жатся спать. Катаясь, женихъ засылаетъ къ нимъ боярина, который бу-

дуть ихъ, онѣ уходятъ къ невѣстѣ, тамъ уже поджидаетъ на повозкѣ женихъ. На крыльцѣ, еще до прихода невѣсты, ставятъ пиво, хлѣбъ, передъ крыльцомъ на рядѣ ставится скамейка, на которую садятся родители невѣсты съ хлѣбомъ-солью и близкіе родственники. Невѣста, подойдя къ нимъ, кланяется каждому по три раза, дружки поютъ:

15. Кому жъ ты, Катрушко, отклоня- ишь?	Шо нызенько отцю-ненци откло- няишь,
Та ридной матыньки нимаешъ;	А ридной матыньки та й ны ма- ишь;
Та прыступы ты, Катрушко, бли- зенько,	Ая прыступы, Катрушко, та й ще близче,
Прыклонься отцю-ненци та й ны- зенько,	Прыклонься отцю-ненци йще ныз- че.

Молодую вводятъ въ избу. Братъ обводитъ ее трижды вокругъ стола, потомъ садится съ нею и дружками, которые поютъ:

16. Забарыня (?) дружки	На двори коня вьзато.
Забарылися въ хату;	За Дунай замчато.

Женихъ вѣзжаетъ во дворъ, всходитъ на крыльцо, гдѣ стоятъ пиво, водка и хлѣбъ-соль. Дружко вносятъ въ избу кувшинъ жениховскаго пива и кладетъ на него «перепыцю» (булочку). Родители невѣсты берутъ ее, отвѣдываютъ пива, а на кувшинъ кладутъ свою «перепыцю». Этотъ обмѣнъ «перепыцями» совершается три раза. Затѣмъ вводятъ въ хату мальчиковъ съ кійками. Мать невѣсты выходитъ въ сѣни съ рѣшетомъ, въ которомъ находятся подарки, и раздаетъ старостамъ по полотенцу, бояринамъ по хусткѣ, свашкѣ и свитылкѣ по платку. Дружки поютъ:

17. А въ поли межи чырвони рожи, Тамъ Васылько съ поиздомъ стоитъ,	На мое нове подвирья, До дочки на висилья. Я для тебе, зятыньку, Дочку нарядыла, На посадъ посадыла, А для твоихъ красныхъ бояръ Дивокъ насадыла.
А до ёго тещынька выходе, Ёго хорошенько просе: Ой ядъ, зятыньку, йндь Та на мій новий двиръ,	

Дружко вводитъ жениха въ хату, проговоривъ трижды: „Господи Іисусе Хрысте, Сыне Боже нашъ! Староста, пане подстароста, а благословите молодого за стилъ ввысты; разъ, другій разъ, трычы заразомъ“. Въ хатѣ ему отвѣчаютъ: «Богъ благословить». Дружко, молодой и бояре входятъ въ хату; мальчики бьютъ кійками дружка, онъ проситъ не бить его, подноситъ имъ по рюмкѣ водки, даетъ нѣсколько копеекъ и удаляетъ ихъ изъ-за стола. На ихъ мѣсто садятся женихъ, свашка, бояре.

Свояченица становится передъ молодымъ на скамѣ, прикалываетъ къ его шапкѣ вѣнокъ, надѣваетъ ее на себя, кланяется и вмѣстѣ съ дружками поетъ:

18. Ой глянь, зятыньку, на мене: Що я краща отъ тебе; На мини шпычокъ-копчачокъ,	Даруй, зятыньку, шостачокъ, А якъ ны дасы отъ шести, Велю отъ сестры отвести.
--	---

Пѣско эту поютъ трижды; женихъ даетъ свояченицѣ деньги, и она уходитъ въ избы. Гостины подають ужинъ; дружки поютъ:

<p>19. Вечеряй, Катрушко, вечеряй,
Шо тоби матылька наварыла.
Варыла мины перыпилочки
Вля (sic) своей ридной дочки.
Вечеряй, зятиньку, вечеряй,
Шо тоби тещынька наварыла
(Поется трижды).</p> <p>20. Ны сыды, Васылько, бокомъ,
Це тоби ны нарокомъ;
Присунься близзенько,
Це твое серденько.
Не сыды, Катрушко, бокомъ...
и т. д. (трижды).</p> <p>21. Въ саду соловейке ны щыбытавъ,</p> | <p>Васылько Катрушку ны цлювавъ.
Въ саду соловейке защыбытавъ,
Васылько Катрушку поцлювавъ.
Оце жъ тоби, Катрушко, за твій
щырыбырь,
Найхавъ Васылько на твій новыи
двиръ;
Ударывся кинь объ новыи поригъ.
Оя помалу, Васылько, своимъ ко-
немъ грай,
Мойихъ новыхъ порогивъ ны об-
бывай,
Да на мій двиръ ны найхажай,
И дружычокъ ны рогавай.</p> |
|---|---|

При дѣлешъ коровай поютъ:

<p>22. Дружко коровай край,
Семеро дѣтей май,</p> | <p>Да вси съ кошелюмы,
Весь коровай забрали.</p> |
|---|--|

Послѣ ужина старостамъ перевязываютъ руки рушниками; дружки поютъ:

<p>23. Мылы дружки ручки,
Глазулы на килочки,</p> | <p>Чы ны высятъ рушнычки,
Шобъ потерты ручки.</p> |
|---|---|

Дружки (мужчины) выгоняють къ-за стола дружекъ, на мѣста которыхъ садятся ужинать бабы. Дружки уходятъ домой съ пѣснями:

<p>24. Теперь мины ны ходыты,
Куды я ходыла,
Теперь мины ны любыты,
Кого я любыла.</p> | <p>Теперь мины туды нты,
Куды люди скажутъ;
Теперь мины того любыть,
Съ кимъ ручыньки звязуть.</p> |
|--|--|

А. Малинина.

ОЧЕРКИ БЫТА ЮЖНОРУССКИХЪ БОЛГАРЪ ¹⁾.

II. Повѣрья.

(Записано со словъ).

I.

1. Буга гарми, тѣва узначѣва, чи свѣти Илія са катѣй на колесницата на небѣ ту и гони діавола, да гу убѣва; также води облака. Буга грѣмни, той удѣра въ діавола. Затѣва діавола бяга и са крѣй. Буга вали джшъ, той повичи ту олиза въ кучиту. Затѣва бягай далечъ утъ кучиту и гу пади утъ вжштата, куга вали джшъ ²⁾.

2. Буга вали джшъ и са свѣтла небѣту, глѣдай та изрѣчи твойту желаніе за едно свѣтканіе. Аку успѣбешъ, жда ти даде Богъ, каквѣту искашъ.

3. Коиту чите „Сонъ Пресвятой Богородицы“ и държи тая книжка въ кѣштата си, жда има добрд и прустѣни грѣуви въ сѣчкія си живѣтъ. Аку исполнява сѣчкити требованія, куйту предписува тая книжка, то куга умре лѣку жда мѣни призь четѣресѣту мѣтарствѣ.

— Когда гремитъ громъ, то это означаетъ, что св. Ілья развѣзжаетъ на колесницѣ по небу и преслѣдуетъ діавола, чтобы убить его; онъ же приводитъ въ движеніе и облака. Всякій разъ, какъ раздается раскатъ грома—это св. Ілья ударяетъ въ діавола. Поэтому діаволъ убѣгаетъ и прячется. Когда идетъ дождь, онъ даже входитъ въ собаку. Поэтому во время дождя держись подалѣе отъ собаки и гони ее вонъ изъ комнаты.

— Когда идетъ дождь и сверкаетъ молнія, постарайся высказать свое желаніе въ моментъ, когда сверкнетъ молнія. Если ты успѣешь это сдѣлать, то Богъ исполнитъ то, что ты желаешь.

— Кто читаетъ „Сонъ Пресвятой Богородицы“ и держитъ эту книжку у себя въ комнатѣ, тотъ на всю жизнь будетъ имѣть счастье и прощеніе грѣховъ. Если онъ исполняетъ всѣ тѣ требованія, которыя предписываетъ эта книжка, то послѣ своей смерти легко пройдетъ четыреста мѣтарствѣ.

¹⁾ См. „Этн. Обзор.“ XXXVIII.

²⁾ Въ правописаніи сохранены отгѣнки мѣстнаго говора.

4. Има хора, дѣтуса „прена-
сятъ“ (на онія святѣ). Тѣи лежатъ
умрѣли трѣдни. За тва время ду-
шій ти имъ ѡдѣть на онія святѣ и
виждатъ тамъ сичку, каквѣ-ту има
въ рай, али въ ада. Пудирь трѣ-
дни тѣи пакъ оживяватъ, та чи ѣ
на насъ приказувать, каквѣ видѣли
на онія святѣ.

5. Буѣту хора замирать, тяхъ ги
водѣ на онія святѣ ангела и имъ
казува мѣстата на грѣшницити и
на правдницити; тѣи виждатъ ада,
дѣту гурать и са мжчатъ грѣшни-
цити; виждатъ тамъ и някуй си отъ
своити знакоми умрѣли, виждатъ
наци съсъ катранъ набѣтвани и за
живити имъ кумшин; узнаватъ тамъ,
кой ште ѡшти скоро умре, кой жа
булѣи, дунасятъ утѣ тамъ „млогу
здрѣви“ утѣ някуй си сюрмахъ утѣ
ада али утѣ райа на негуви ти рудни-
ни и пр. Но тѣя выходцы съ того
свѣта тугѣва садѣ намъ убѣждатъ
сичку, куга имъ пузѣлятъ тамъ,
а ку имъ зарѣчатъ, да не убѣждатъ
ништу на земѣта, тугѣва ни ги
и пѣтай. И койту утѣ тяхъ убѣжда
той пудирь сѣниа си себѣру умѣра,
а други ти живеять ѡшти ну млогу.

6. Чаѣутити пѣтъ на христѣ-
нити крѣтѣ на мѣсту кѣмѣ. Вар-
дѣса утѣ чаѣутѣнѣ.

7. Држшь си вѣнчѣнѣти дрѣм
за смржть. Куга мѣдувашъ на
онія святѣ призъ ѡгана, няма да
та пѣри.

8. Пакъ, тѣжи си држшь за
грѣбъ унѣя дрѣхи, съ куѣту си са
кѣпалъ въ Иорданъ, акѣ ли си одѣлъ
въ Иерусалимъ.

9. Има иднѣ пѣкнѣтина въ Иеру-
салима ду Госпудювѣ храмъ. Сички-

— Есть люди, которые подвер-
жены летаргѣи. Они лежатъ мерт-
выми въ продолженіе трехъ дней.
Въ это время души ихъ уходятъ
на тотъ свѣтъ и видятъ тамъ все,
что есть въ райѣ или въ адѣ. По-
слѣ трехъ дней они опять ожи-
ваютъ и передаютъ намъ, что они
видѣли на томъ свѣтѣ.

— Тѣхъ людей, которые замираютъ
ангелъ ведетъ на тотъ свѣтъ и по-
казываетъ имъ мѣста грѣшниковъ
и праведниковъ; они видятъ адъ,
гдѣ горятъ и мучатся грѣшники;
видятъ тамъ они и нѣкоторыхъ изъ
своихъ умершихъ знакомыхъ; ви-
дятъ заготовленные съ дѣтѣмъ боч-
ки для живыхъ еще своихъ сосѣ-
дей; узнаютъ тамъ, кто еще скоро
умретъ, кто будетъ болѣть, прино-
сятъ оттуда „много лѣтъ здравѣя“
отъ нѣкоторыхъ ѡбдѣнаковъ изъ ада или
рая ихъ родственникамъ. Но эти
выходцы съ того свѣта тогда лишь
сообщаютъ намъ все, когда позво-
лять это дѣлать имъ тамъ, а если
тамъ запретятъ имъ говорить намъ,
то тогда хотя и не спрашивай ихъ.
И кто изъ нихъ сообщаетъ, тотъ
послѣ обморока скоро умираетъ, а
другіе живутъ иногда даже еще
дольше.

— Евреи пьютъ христѣанскую
кровь вмѣсто причастія. Берегись
еврея.

— Храни свое свадебное платье
на случай смерти. Когда придется
на томъ свѣтѣ переходить черезъ
огонь, то онъ не обожжетъ тебя.

— Держи также на случай смерти
и тѣ одежды, въ которыхъ ты ку-
пался въ Иорданѣ, если ходилъ въ
Иерусалимъ.

— Въ Иерусалимѣ около храма
Господня есть трещина. Всѣ „аджѣи“

ти аджии си фьбряють въ нея нигтѣти уть рацети и врата. Сига е таи пукнатина пѣлна съ нигтѣ. Тва гу прѣвять за здрави и ошти не знамъ за каквѣ.

10. Буга си изрѣзувашъ нигтѣти, сбирай ги и ги ври я въ пазувата, я дуй на тяхъ и ги фьбрай пу единъ зать гжрба си. Замъ куга та сждать на онія святъ и та пупятъ, дѣ ти са нигтѣти, жада рѣчешъ: „эгу ги фь пазувата-ми“, али: „ей-ги зать гжрба ми“, и няма да одишь да ги собирашь единъ пу единъ, агу си ги прѣскалъ.

11. Бѣлгарити турять на смѣртняка въ джѣба по двадесять копѣйки замъ агу и устаналъ покойниа должень, някуму, та да му са расплати на онія святъ.

12. Да утарвешъ жабата уть змяята Господь жада ти прустити мѣогу гряуви. Убий змяя, жада ти прустити Господь четириси си грна.

13. Не прѣскай пу земѣта солжчи жада я собирашь на онія святъ съсь влснѣчати си.

14. Буга умрешъ, да ти запалятъ вѣнчаната свѣшь, чи на онія святъ съсь нея ти свѣтять, куга та водятъ тѣвнинити на твой ту мясту:

15. Каквѣ ту си арижишь, жада си гу имашъ на онія святъ. Мѣогу хѣбаву да си арижишь прасенци, зашто то на онія святъ жада ти рови патѣчка фаѣ раи. Коити си арижи бикъ за курбанъ, хѣбаву жада има: тоя бикъ жада стуй вѣрзанъ на онія святъ, ду де умре чурбаджията-му. А пудиря жада гу пасе урбаджията-му фаѣ райскити ту-

бросаютъ въ нее ногти отъ своихъ рукъ и ногъ. Въ настоящее время эта трещина полна ногтей. Это люди дѣлають для здоровья и еще, не знаю, для чего-то.

— Когда обрѣзываетъ ногти, то собирай ихъ и прячь себя за пазуху, или же поду на нихъ и бросай по одному себя за спину. Это необходимо для того, чтобы на томъ свѣтѣ, когда спросать тебя, гдѣ твои ногти, ты сказалъ бы: „вотъ они у меня въ пазухѣ“, или же: „вонъ они за моей спиной“, и не пришлось бы тебе ходить и собирать ихъ по одному въ томъ случаѣ, если ты ихъ разбросалъ.

— Болгары кладутъ умершему въ карманъ по двугривенному съ тою цѣлью, чтобы покойникъ, если остался кому-либо должень, то расплатился бы съ нимъ на томъ свѣтѣ.

— Отними жабу у змяи— Господь простить тебе много грѣховъ. Убий змяю, Господь простить тебе сорокъ грѣховъ.

— Не разбрасывай соли по землѣ, потому что на томъ свѣтѣ придется собирать ее тебе своими рѣсницами.

— Когда ты умрешъ, то пусть зажгутъ свадебную свѣчу, потому что на томъ свѣтѣ ею будутъ свѣтить, когда будутъ вести тебя по темнымъ мѣстамъ на твое мѣсто.

— Что ты подарить, то получишь на томъ свѣтѣ. Очень хорошо подарить поросенка, потому что на томъ свѣтѣ онъ будетъ рыть для тебя дорожку въ рай; кто подарить быка для курбана, тому будетъ очень хорошо: быкъ этотъ на томъ свѣтѣ будетъ стоять привязаннымъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ его хозяинъ, который и

ван.

16. На умрѣлти хѡра души ти са нахождатъ заключени въ една кѡшита въ Іерусалимѣ. Тамъ жда бѣждатъ ти ду страшнѣя сѣждь. Намѣратся стари „аджѣйки“, вунту казывать, чи ги чули бѣля, какъ брамчатъ тея души, кату пчелѣ. Една „аджѣйка“, казывать, нарѣсила въ тая кѡшита упрешъ прага колюву, та чи на другѣя день утишла пакъ да види какво станѣ. Колювуту са загубялу. Душити гу искѣвали.

17. Тоя день, кугату са комбашь, нѣдѣй спа, чи дѣвола жда ти зѣме комбата уть устата.

18. Гулямата вѣтрушка ѣ Госпудюва, маннѣвити са на дѣвола.

19. Призъ, прага ни са здравѣсувай, чи грѣшну. Забѣй еднѣ подкѡва ду прага въ лѣвката си, жда таргѣвашь по хѣбаву.

20. Въ кумѣдѣята да ни влизашь и да ни глѣдашъ разни дѣволштини, чи ѣ млогу грѣшну. Тамъ ти знатъ учити.

21. Да са лѣкувашь у докторъ май грѣшну. По дубрѣ у баби.

22. Кѡйту не враштавалъ малки лица на тоя святъ, той на онѣя святъ жда враштава жѣбити.

23. Кѡя-то жена има умрѣло дѣти пудѡйничѣ, тя уть нова гудѣйна ду Гергѣвѣднѣ мѣяко да не ѣдѣ, чи ште ѣ плачи дѣтѣту на ѡнѣя святъ.

24. Куга пѣснатъ грѡба въ дѣпбата, тугѣва колкуту са надъ грѡба, сѣкуй ѡбрѣя три пѣтя пу еднѣ

будетъ пасти его на райскихъ лугахъ.

— Души умершихъ людей находятъ взаперти въ одной комнатѣ въ Іерусалимѣ; тамъ онѣ будутъ со страшнаго суда. Есть старухи — „аджѣйки“, которыя говорятъ, что онѣ будто бы слышали, какъ эти души жужжать, какъ пчелы. Одна „аджѣйка“, говорятъ, посыпала у порога этого дома колево, а на другой день явилась посмотреть, что вышло изъ этого колева... Колево пропало. Души поклевали его.

— Въ тотъ день, когда ты общаешься, не спи, потому что твое причастіе возьметъ у тебя дѣволъ изъ рта.

— Большою вихрь принадлежитъ Господу, а маленькіе вихри — дѣволу.

— Черезъ порогъ не здоровайся, потому что это грѣшно. Забей подкову въ порогъ своей лавки для того, чтобы торговля твоя шла лучше.

— Не входи въ балаганы и не смотри разныя чертовщины, потому что это очень грѣшно. Тамъ отводятъ тебѣ глаза.

— Лѣчиться у доктора очень грѣшно. Гораздо лучше у бабы.

— Кто на этомъ свѣтѣ не воспринималъ дѣтей, тотъ на томъ свѣтѣ будетъ воспринимать жабъ.

— У какой женщины есть умершій грудной ребенокъ, та пусть отъ Новаго года до Георгѣева дня (23 апрѣля) не пьетъ молока, потому что ребенокъ ея на томъ свѣтѣ будетъ плакать.

— Когда опускаютъ грѡбъ въ яму, то каждый находящійся здѣсь долженъ бросить туда три раза по

кривачъ прѣсь и рѣчѣ: „лека ти прѣсь“.

25. Табака дѣволска трива. Куга чаѣтити распянали на крестѣ Госпудь, сичка-та трива пувѣйнала, салъ единъ табакъ вѣсялу расалъ. Ни е хубаву да викашъ за табакъ „спасибо“.

одной горсти земли и сказать: „пусть тебѣ будетъ легка земля“.

— Табакъ дѣвольская трава. Когда евреи распяли на крестѣ Господа, то всѣ травы завяли, одинъ табакъ только продолжалъ весело расти.

II.

26. Едно время имало вапири, куйту шѣли на чуляка крѣвтъ. Вапири стѣвалъ утъ тоя смѣртнякъ, когуту гу прискочѣ котката, куга той лежи бшти въ сандѣла. Затѣва тряба да са вѣрлятъ не закупанити смѣртници отъ котки. И сегѣ има вапири. Има многу при сказки за тяхъ. Но сегѣ тѣи не правятъ вѣчи тея пакузи.

— Въ одно время существовали вампиры, которые высасывали у челоѣка кровь. Въ вампировъ обра щались тѣ мертвецъ, которыхъ пересканивала кошкѣ, пока они лежали еще дома въ гробу. Поэтому нужно беречь незарытыхъ еще мертвецовъ отъ кошекъ. И теперь есть вампиры; о нихъ существуетъ много сказокъ, но теперь они уже не вредятъ людякъ.

27. Койту чулякъ са рудѣ утъ Болада ду нова гудина, той вижда сички ти злини. Затѣва бабата тряба да вѣши такѣва дитѣ съсь жулязу, куету да турѣ фѣфѣ вудѣта. Утъ тѣва са учистѣва дитѣту и вѣчи не може да вижда злините.

— Кто родится въ промежутокъ времени отъ Рождества до Нового года, тотъ можетъ видѣть всѣхъ нечистыхъ духовъ. Поэтому бабка должна купать такого ребенка въ водѣ, въ которую брошенъ кусокъ желѣза. Этими очищается ребенокъ и уже не можетъ видѣть нечистыхъ силъ.

28. Бугѣ са рудѣ дитѣту ду трѣ дни дувѣдѣтъ уриѣснитѣ, та гу уриѣсуватъ. Тея са уриѣснитѣ три жинѣ, куйту паричатъ на дитѣту касмѣта.

— Когда родится ребенокъ, то въ продолженіе первыхъ трехъ дней приходятъ „уриѣсницы“. Это три женщины, которыя назначаютъ ребенку его судьбу.

29. На свѣтѣ има тѣласѣми, самудивѣ, русали, вапири, карабѣнджули, зѣбовѣ, мурѣ, магѣсницѣ и болясти. Утъ тея лшутѣи са най страшни магѣсницитѣ. Тѣи правятъ лоши магѣи, съ куйту портятъ и умуриватъ брата и дубитѣка. Самудивитѣ и русалитѣ уврадиѣсуватъ ората. Вапиритѣ пѣжтъ крѣвтъ

— На землѣ есть: тѣласѣми, самодивы, русалки, вампиры, карабѣнджулы, зѣби, мурѣ, колдунѣи и болѣзникѣ. Изъ этихъ нечистыхъ силъ самыя страшныя колдунѣи. Онѣ своимъ злымъ колдовствомъ портятъ и морятъ людей и скотъ. Самодивы и русалки нападаютъ по временамъ на людей. Вампиры пѣютъ

на брата. Змѣювѣти залибвувать муміѣти и ги краджѣти. Муржта души ората. Бараконджулѣти, дявулѣти и тѣлѣсмѣити са шлѣятъ ну нушти и пѣкусь ни правятъ, ами садѣ чи плѣшатъ брата. Болѣстити (чума, баба шарка, кукоша болѣсь и проч.) ходятъ уть дворъ на дворъ, кату чулякъ али животно, и трѣшкватъ ората и дубитака.

30. Има на свѣтѣ смокъ съсь умрукъ на упѣшката, койту гони и убива ората.

31. Буга елезѣ мартъ мѣсяцъ, варжи си на рѣбѣта „мартаничка“. Пунусѣ я дудѣ видѣши някуя нѣтърѣялъ, чи я тури нудѣ някуѣ камакъ. Сетни глѣдай, да видишь лѣстувични; кату ги видишь, удлупи камака и глѣдай, аку има тамъ мравки, жда си чорбаджѣ на кунѣ, а куй бѣжи кравични—на кравѣ и вулѣви, аку са черви—на парѣ, а бу няма пишту—сюрмахъ жда си.

32. Буга са рудѣ дѣтѣту нѣка му тури бѣбата пѣпа въ такѣва мѣстѣ, на навѣоту искать башта и майка, да има то ду нявга охѣта и даръ: аку искать дай книжовву, да му турятъ пѣпа въ някуя книга, аку искать чивчѣя—въ яслѣти и т. д.

33. Сѣнѣя казува на чуляка, какво той жда дучѣка, саятъ да мѣошишь, да гу расталкувашъ. Но тукъ има и пѣсти сѣнѣити.

кровь у людей. Змѣи влюбляются въ дѣвушекъ и крадутъ ихъ. „Муря“ душатъ людей. „Бараконджулы“ и „тѣлѣсжи“ шатаются по ночамъ, но зла не дѣлаютъ, а только пугаютъ людей. Болѣзни (чума, оспа, бородавки и проч.), ходятъ изъ дома въ домъ, въ видѣ человѣка или животнаго, и поражаютъ людей и скотину.

— На свѣтѣ есть „смокъ“ (удавъ) съ кулакомъ на хвостѣ, который гонитъ и убиваетъ людей.

— Когда наступитъ мартъ мѣсяцъ, привяжи себѣ на руку „мартаничку“ (красная ниточка). Поноси ее до тѣхъ поръ, пока не увидишь аиста, и затѣмъ положи ее подъ какой-нибудь камень. Потомъ жди, пока увидишь ласточекъ; какъ только ихъ увидишь, приподыми камень и смотри: если подъ камнемъ есть муравьи, ты будешь хозяинъ лошадей, если Божьи коровки—хозяинъ коровъ и воловъ, если черви—будешь хозяиномъ денегъ, а если подъ камнемъ ничего не будетъ, то ты останешься нищимъ.

— Когда родится ребенокъ, то бабка пусть положитъ его пупокъ въ то мѣсто, куда пожелаютъ родители, чтобы онъ имѣлъ къ какому-либо роду занятія охоту и способности: если желаютъ, чтобы онъ былъ книжнымъ человѣкомъ, то пусть положить его пупокъ въ какую-либо книгу, если желаютъ, чтобы онъ былъ землепашцемъ, то пусть положить его пупокъ въ ясли и т. д.

— Сонъ говоритъ человѣку, что тотъ долженъ ожидать, но нужно умѣть растолковать сонъ, хотя нѣкоторые сны бываютъ глупы.

34. На свято четириси сльнцето уграва земѣта съсь четиресѣтъ шипа повичи.

35. Буга градѣжтъ мастурити няква постройка, вадиса, да ти ни снематъ сянката, чи да та заградѣжтъ; чи тугѣва жда умрешъ на сороковѣя день, а душата жда тѣй въ уная постройка. Тамъ жда тропашъ ти ну пуштѣя и жда я вадисъ да са ни сасипи. Замѣтнали старити, чи млогу хора тѣка са виранбсали.

36. Буга си прѣвишь вѣшта, пѣжрамъ обрасѣя мѣстугу съсь прусб кругомъ, да са сключатъ краиштата и си четѣя молебень. Тугѣва никакви лшутѣя ни могатъ та нападна: ни зѣлъ духъ, ни магѣснякъ, ни простъ хайдутѣя.

37. На кунѣти заплѣтатъ гривити самудивити.

38. Има бра съсь лоши учѣя. Утъ тяхъ уручѣсватъ и брата и дубѣтака, разбулѣватъ и даже умирають. Чулякъ съсь лоши учѣя сичку порти и разваля садѣ да гу пуглѣдни и да му са пучуди. Утъ тѣкъвъ са вадисѣ, а у насъ утъ „аджи“ Стуянъ и утъ Панчувъ Иванъ.

39. Нидѣ хубаву, да пруклипаншъ чуляка, али дубѣтака, али даже и на шагъ лошу да рѣчешъ. Заштоту мой да стѣни куѣту рѣчешъ, а ку са случи такъжѣ часъ.

40. Нивгашъ не стѣживай на тѣва мѣсту, дѣту са таркалялъ конь, али магарѣ, чи жда та нападни някуя лшутѣя; не науздавъ аку стѣживишь, заплѣуй мѣстугу три пѣтя.

— Въ день свѣ. сорока мучениковъ солнце огрѣваетъ землю больше, чѣмъ чегырьмястами лучей.

— Когда мастера строятъ какую-либо постройку, берегись, какъ бы они не сняли твоей тѣни, потому что они застроятъ тебя, и тогда ты на сороковый день умрешь, а душа твоя будетъ въ той постройкѣ. Тамъ ты будешь бродить по ночамъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не осыпалась постройка. Старики замѣтили, что такъ пострадало много людей.

— Когда ты строишь себѣ домъ, то прежде всего обсыпь кругомъ мѣсто просомъ для того, чтобы скрѣпились углы, и служи молебень. Тогда никакіе злые духи не въ состояніи будутъ напасть на тебя, ни злой духъ, ни колдунъ, ни простой разбойникъ.

— Лошадямъ гривы заплетаютъ самодивы.

— Есть люди съ опасными глазами. Они могутъ обворожить и людей и скотину; отъ нихъ и люди и скотъ болѣють и даже умирають. Человѣкъ съ такими глазами все портитъ и разрушаетъ, какъ только посмотритъ или подумаетъ. Такого человѣка остерегайся, а въ нашемъ селѣ берегись аджи Стуяна и Панчева Ивана.

— Не хорошо проклинать человѣка или скотину или даже шутя сказать о нихъ что-либо скверное, потому что, если случится такая минута, можетъ исполниться все то, что ты сказалъ.

— Никогда не ступай на то мѣсто, гдѣ началась лошадь или осель, потому что на тебя можетъ напасть какая-либо бѣда; если ступишь какъ-нибудь нечаянно, то плюнь на то мѣсто три раза.

41. Буга седити на хурутѣ и да има при васъ някуй ведро съ съ сладка вуда за пиѣни, то гледайти, агу замѣни пукрай васъ смрътнякъ, излейти уная вуда и ни я пѣйти, чи жада йди някуй и уть васъ слѣдъ смрътняка на оіня святъ. Пу дубрѣ си дунѣсти друга вудѣца.

— Когда сидите вы въ компаніи женщинъ на улицѣ и около васъ имѣется ведро сладкой воды для питья, то смотрите: если мимо васъ пронесутъ мертвого, вылейте ту воду и не пейте ее, потому что въ противномъ случаѣ и изъ васъ кто-либо отправится на тотъ свѣтъ вслѣдъ за этимъ покойникомъ. Лучше принесите себѣ другой водичы.

III.

42. Има такыи баби, куйту хубаву баять за уруки и други бѣлясти. Кату прибай чи гачи ли гу земли съ ржа. А ми на кой му е судяну да умре макаръ, и да му байшь, ни са пумага.

— Есть старухи, которыя хорошо умѣютъ шептать отъ глаза и другихъ болѣзней. Если она пошепчетъ, то какъ будто бы рукой сниметъ. Но кому суждено умереть, то даже если бы и шепталъ, не поможешь.

43. Има млбгу умни баби (и мжжи) куй ту знѣать да „замѣтатъ“. Емъ куту ти замѣтни, и пузнай, каква тѣй булѣстѣ, уть канвой станилѣ, и има ли лѣкъ, али няма.

— Есть много умныхъ бабъ (и мужчинъ), которыя умѣютъ шептать. Какъ только на тебя пошепчетъ, сейчасъ же узнаетъ, какая у тебя болѣзнь и отъ какой причины, и есть ли лѣкарство или нѣтъ.

44. Има баби, куту, замлинювать за дѣца, заштоту кон ту и клинавъ, бесплоданъ е.

— Есть старухи, которыя дѣлаютъ заговоры на дѣтей, вслѣдствіе чего то лицо, которое заговорено, оказывается бездѣтнымъ.

45. Куйту мума ѣска да си узнай нейниа суженія, тя напришь Новия годъ да земи едно угледѣло, да запали двѣ свѣшти уть старни ти и да глѣда сама въ угледѣлуту; той жадай са яви.

— Дѣвушка, которая желаетъ узнать своего сужената, пусть накануне Нового года возьметъ зеркало, зажжетъ по бокамъ его двѣ свѣчи, а сама пусть смотритъ въ зеркало: суженый явится.

46. Вечартѣ на „дай ладата“ на куйту мума каквѣту са наней, такова жа дучака.

— Вечеромъ на „дай ладъ“ (гулянье передъ Новымъ годомъ молодежи) какой дѣвушка что пропоетъ, того она должна и ожидать.

47. Вечаръ напрешь нѣва гуди на брата ѣдѣтъ свинска глава па пѣчѣ и млинъ. Въ млина турятъ клѣчици уть увѣшка и на слѣбая клѣчка наричатъ касметъ. Съ тяхъ

— Вечеромъ накануне Нового года люди ѣдятъ голову свиньи (приготовленную въ холодецъ), и пекутъ пирогъ. Въ этотъ пирогъ вкладываютъ вѣточки отъ плодового де-

са уииче млина. Буга гу расчупать да извѣдѣть, тугивъ сявуи си пузній касиѣта пу елечката, куту ту му са нуадни.

48. Куту вуй на лбу: я жа умре някуи, я зараръ жа стани. Мечи-ли кулумявса на кѣшта-та, жа изнесѣтъ смрѣтнакъ уть тая кѣшта.

49. Нидѣи сарди штѣрвала, чи шта занѣли.

50. Заякъ да та мѣни пѣтъ ни е хубаву.

51. Букѣшкити нѣсѣтъ мѣнчичи пубѣрвани ичица на зло. Чиѣ ту кубѣши снисѣтъ такива ицѣ, на тоя чулякъ ште умре я близка рудина я дубитака. Пубѣрвану кубѣшиту ицѣ разбѣи на крѣстушѣта та няма да стани пѣкусъ.

52. Глѣдай, да та ни пусрѣшни някуи съ празни ведра, чи шта стани пѣкусъ. Жена да ти не мѣни пѣтъ, чи шти направа пѣкусъ.

53. Буга са упѣлшишь, пѣкой си три пѣтъ въ пѣзувата, няма да тѣи пѣшту.

54. Да ни са утривати двама та въ една кѣрна и се въ едно врѣме, чи жа са скѣрати.

55. Ни крастѣну детѣ (кушлю) да не цѣлувашъ, чи то е ошти ча-футчи.

рева и каждой вѣточкѣ назначаютъ судьбу. Пирогъ съ этими вѣточками и печется. Когда его разрѣжутъ, чтобы ѣсть, тогда каждый узнаетъ свой жребій по той вѣточкѣ, какая ему попадется.

— Собака воеетъ на несчастье: или умретъ кто-нибудь, или же случится какая-либо неприятность. Если маукаетъ слыч на домѣ, вынесутъ мертвеца изъ того дома.

— Не сарди анста, а не то онъ подождетъ тебя.

— Не хорошо, если заяцъ перебѣжитъ черезъ дорогу.

— Маленькія взболтанныя яички куры несутъ-обыкновенно къ несчастью. Чѣмъ куры снесутъ такія яйца, у того или умретъ кто-либо изъ близкихъ родственниковъ, или же издохнетъ скотина. Такое взболтанное куриное яйцо разбей на перепутьи, и ты не будешь имѣть никакихъ неприятностей.

— Смотри, чтобы не встрѣтилъ тебя кто-либо съ пустыми ведрами, не то у тебя будетъ какая-либо неприятность. Женщина не должна перейти тебѣ дорогу, потому что тогда она причинитъ какое-либо зло.

— Если испугаешься, то поплѣи себѣ три раза за пазуху, и съ тобой ничего не случится.

— Не утѣряйтесь двое однимъ и тѣмъ же полотенцемъ и въ одно и то же время, а не то поругаетесь.

— Ребенка, который еще не окрещенъ, не цѣлуй, потому что онъ еще еврей.

IV.

55. Едно врѣмя чивчѣте не урѣли въ пѣгакъ есентѣ, да билъ здравъ дубитака, а панъ пробѣлять излизали пѣрво севте да сѣять въ

— Въ прежнее время земледѣльцы не пахали въ пятницу осенью для того, чтобы не болѣлъ скотъ, а весною выѣзжали первый разъ сѣ-

пѣтакъ, замъ да ималу урожай.
И сегдѣ някуй си държи тоя обичай

56. Буга̀ ту изѣзешъ пролѣтъ
найпърва да сѣешь, да учечешъ
една пѣтка. Таркульни я пу нива-
та, та я изѣшь. Чи тугйва начина
да урешъ. Жда са рудѣ ляба ху-
баву.

57. Буга̀ дужнувашъ уставяй
брадѣ на нива та. То е за уружай.

58. Буга̀ утѣдашь ну рабута-
та си, чи да срѣтнешъ попъ, жда
стѣни пѣбусъ, но куга̀ срѣтнешъ
цигананъ, жда бѣди хубаву.

59. Чурбаджийке! тоя день, куга̀
излиза пѣрву на пѣрву мѣжѣ ти
да урѣ, не дѣвай дикясъ не на кум-
шѣ не на просякъ, чи ште забѣд-
нейти.

60. Мунѣ ли си, видѣй оліза
въ празнянь стѣнь, чи жда прѣстѣ-
нишь на пѣкуй момакъ. Буга̀ утрѣ-
жешь станѣ, метви си нѣшка на
главѣта, замъ да та не боли гла-
вѣта.

61. Утѣ Великденъ ду Георгіев-
денъ не са тачѣ. Утѣ свѣто четири-
си, ду Великденъ не са привѣрзува
станѣ. На пресполовинската недѣля
не са круй и не са шѣй, чи га
умрешъ, ште са пресполувѣ ду-
шѣта.

62. Буга̀ утрѣжешь станѣ при-
берѣ гу и пунарасѣ вудѣ, дѣту си
такала, а ку не, жда та нападни
врѣста.

63. На койту стѣнь затачешъ, на
нѣгу и утрижѣ; да не прумѣняшь
станѣ, чи жда умрешъ, али някуй
утѣ вѣшти ште умрѣ.

ятъ въ пятницу, чтобы былъ уро-
жай. Многие и теперь соблюдаютъ
этотъ обичай.

— Когда выѣзжаешь весной
первый разъ сѣять, то испеки одну
лепешку, покати ее по нивѣ, раз-
ломай и съѣшь, и тогда начинай
пахать — будетъ хорошей урожай.

— Когда оканчиваешь косовицу,
то оставяй бороду на нивѣ. Это дѣ-
лается для урожая.

— Когда отправляешься на работу
и встрѣтишь священника, то будешь
имѣть неприятность, а если встрѣ-
тишь цыгана, то — успѣхъ.

— Хозяйка! въ тотъ день, когда
мужъ твой первый разъ выѣзжаетъ
пахать, не оказывай никакого одолже-
нія ни сосѣду, ни нищему, а не то
обѣднѣете.

— Если ты дѣвушка, то не входи
въ пустой станокъ (ткацкѣй), а не
то безъ согласія родителей отдашь
молодому человѣку. Когда отрѣжешь
основу, брось нитку съ основы себѣ
на голову для того, чтобы не болѣ-
ла у тебя голова.

— Отъ Пасхи до Георгіева дня
(23-го апрѣля) не ткуть. Отъ дня
сорока мучениковъ до дня Пасхи не
натягиваютъ основы на станокъ.
Въ недѣлю Преполовенія не вроятъ
и не шьютъ, потому что, когда ты,
не соблюдая этого, умрешъ, прено-
ловится душа твоя.

— Когда отрѣжешь основу, при-
бери ее и побрызгай водою то мѣсто
гдѣ ты ткала, а если этого не сдѣ-
лаешь, то нападетъ на тебя короста.

— Оканчивай работу на томъ
же станкѣ, на которомъ и началъ;
не перемѣняй станка, а не то умрешъ
ты или кто-либо изъ твоихъ родствен-
никовъ.

64. Буга ушієшь ризата, пруври ножицати на ризата прузъ пазувата и рѣчи: „Болгу то са нитките, толкува годанъ да живіишь“. И тоя, чійту и ризата, жада живій млогу.

65. Буга си мієшь главжта, да не ѳбрияшь нуштѣ пуміата, чи ни е хубаву.

66. Бусата си, кујтѣ устава на гребяна, да я криишь и да я не ѳбрияшь пу двора, чи я зимать птицати, та я носятъ въ гнѣзда-та си. Уть тѣва шта боліи глава-та. Пакъ да я ни гуриишь, чи ште гурии глава-та, вату оганъ.

67. Аку са смразятъ жинурята въ кѣшти млогу зле, то е на пу-разія. Една та една неда пліюсни уть тяхъ.

68. Буга мивува прудавачъ съ гарнѣта въ май мѣсяцъ, утградни едно нову гарнѣ и гу разбій, жада ваи джшъ.

69. Буга дбруина датету съсъ бѣрниче, жада ваи дашъ.

70. Буга ти играй укото, ште дучавашъ али млогу хубавуништу али млогу лошу.

71. Пусрѣтъ цѣтъ на прижъ Бо-ляда дубѣтака разгубаря.

72. Едно врѣми мѣшвата яшна-ла отъ свитѣна наѳурка, чи станѣ-ла приляни. Уть тугиѳъ са дува-дѣлъ приляни.

73. Примушиа призь баба зун-га, аку искашъ да стѣишишь уть мумчѣ на мумичи, али уть мумичи на мумче.

— Има муми дѣту залибавать змѣювити; уртувать съсъ тяхъ и ги гуштавать пу долгу время, а уть

— Когда сошьєшь рубаху, про-дѣнь черезъ пазуху ея ножицы и скажи: „Сколько въ этой рубахѣ нитокъ, чтобы столько лѣтъ и жить“. И тотъ кому принадлежитъ эта ру-баха, будетъ жить долго.

— Когда моешь голову, то не хорошо вымывать воду ночью.

— Волосы, которые остаются у тебя на гребнѣ, ты прячь и не разбрасывай ихъ по двору, потому что ихъ собираютъ птицы и уно-сятъ въ свои гнѣзда; отъ этого бу-детъ болѣть у тебя голова; но и не жги ихъ на огнѣ, потому что у тебя голова будетъ горѣть, какъ огонь.

— Если бабы очень смерзнуть въ комнатѣ, то это къ несчастью: одна изъ нихъ обязательно умретъ.

— Когда въ май мѣсяцѣ про-ѣзжаетъ горшечникъ, то стащи у него одинъ новый горшокъ и разбей его: будетъ итти дождь.

— Когда ребенокъ барабанитъ гу-бами—будетъ итти дождь.

— Если у тебя играетъ глазъ, то это значить, что ты дождѣшься чего-то или очень хорошаго или очень плохого.

Домашній скотъ передъ Рожде-ствомъ разговариваетъ среди дороги.

— Однажды мышъ съѣла кусо-чекъ освященной просѣоры и сдѣ-лалась летучею мышью. Съ тѣхъ поръ и завелись летучія мыши.

— Пролѣзь черезъ радугу, если желаешь сдѣлаться изъ мальчика дѣвочкой или изъ дѣвочки мальчи-комъ.

— Есть дѣвушки, которые влю-бляются въ змѣй, разговариваютъ съ ними и угощаютъ ихъ по дол-

стернѣ не можешь видѣти ништу. Такъва мума иргѣнь не люби, уть хурѣ бяга; у дума си се глѣда да устанѣ самѣтка. Такъва мума скоро умира, заштоту я замачува змѣя.

75. Аку паднатъ някакъ труи уть лѣпъ на душея ти, убери ги и видѣй сна на тяхъ, чи жда съпувашъ змѣи и гүштары.

76. Въ земѣта има закупѣни парѣ, куйту излизать надъ земѣта и треперять снѣжъ пѣмакъ ду три пѣти парѣтъ, а ма салтъ на предъгулемити прѣздици и напришь Великенъ, ду де ни са пѣли „Христось воскресѣ“.

77. Влада въ земѣта се заклинанъ. Сякуй не мой да му са падни, а ми койту направи пу заклѣта. Пѣвичи ту парѣти искать крѣвъ я чулѣшка, я уть животну.

78. Бугѣ видѣишь пари чи гурѣтъ, замайнѣ съ някуя дрѣшка, тѣй жда са испиать и жда са лѣснать у иришь тебѣ.

79. Аку знаяшь на някуй мясту парѣ, парасѣ напришь гүлѣмъ прѣздици пѣпѣлъ. Сабайлѣмъ глѣдай, чи какъвѣту стѣпка видѣишь, такова животну куй на курбанъ на уноя день, гату си извадѣл парѣти. Акуй чулѣшка стѣпка, то някуй ште умре уть васъ.

80. Бугѣ кунѣешь парѣ, видѣишь пугалъчава, чи жда са сүрнать на

гу, а со стороны нельзя ничего увидѣть. Такая дѣвушка не любитъ молодыхъ людей, убѣгаетъ съ хороводовъ; дома у себя она старается остаться наединѣ. Такая дѣвушка скоро умираетъ, потому что ее замучиваютъ змѣи.

— Если какъ-нибудь упадутъ крошки хлѣба на подстилку, то ты не спи на нихъ, потому что, если будешь спать на нихъ, то тебѣ будутъ сниться змѣи и ящерицы.

V.

— Въ землѣ есть закопанныя деньги, которыя выходятъ на поверхность земли и три раза подрядъ мерцаютъ свѣтъ огонькомъ, но только наканунѣ большихъ праздниковъ и Пасхи, пока еще не пропѣли „Христось воскресѣ“.

— Влада въ землѣ закопана. Не каждому онъ можетъ попасть въ руки, а только тому, кто сдѣлаетъ такъ, какъ влада былъ заговоренъ. Больше всего деньги любятъ кровь человѣка или животнаго.

— Когда увидишь, что горятъ деньги, махни какою-либо тряпочкой: онѣ высыплются и заблестятъ около тебя.

— Если ты знаешь мѣсто, гдѣ находятся деньги, то наканунѣ большого праздника посыпь то мѣсто пѣпломъ. Рано утромъ посмотри, и если увидишь на томъ мѣстѣ слѣдъ, то заколи на „курбанъ“ въ тотъ день, когда ты досталъ деньги, то животное, слѣдъ котораго ты увидишь. А если на томъ мѣстѣ будетъ человѣческій слѣдъ, то кто-либо умретъ изъ васъ.

— Когда копаетъ деньги, то ты храни молчаніе, не то они уйдутъ

дѣлу. Парити чѣсту ставать на шалжсамъ: ти жда видишь мечка, вѣлякъ, старъ чулякъ и други лупшутин; но ти не са плаши и си купай, дуръ де ги искупашь.

81. Аку имашь смѣлость, ударь съ туйга шалжсама на парити, той жда издржнка, и жда са разсипи на алтѣни. Буга купашь пари, убаву еда читешь псалтѣря. Той жда та вѣрди уть бѣсовити.

82. Чѣсту замѣчавать, чи койту искупалъ пари, той му мрѣтъ дѣцѣта.

внѣвъ. Деньги часто превращаются въ нечистаго духа: ты увидишь медвѣдя, волка, стараго человѣка и другія подобныя гадости, но ты не пугайся и продолжай копать до тѣхъ поръ, пока не выкопаешь деньги.

— Если ты имѣешь смѣлость, то ударь палкой нечистаго духа денегъ: онъ зазвенитъ и разсыплется червонцами. Когда копаешь деньги, то хорошо въ это время читать псалтирь. Онъ охранитъ тебя отъ всѣхъ нечистыхъ силъ.

— Часто замѣчаютъ, что у того, кто выкопалъ деньги, умирають дѣти.

Н. Дермавинъ.

С М Ъ С Ъ.

Изъ преданій и повѣрій Череповецкаго уѣзда.

I. Преданія.

1. „Паны“ и клады.

О прохожденіи въ этомъ краѣ литовцевъ въ смутное время сохранилось немало преданій. Литовцы направлялись въ предѣлы Вѣлозерскіе и разоряли все на пути своемъ; тогда, между прочимъ, былъ разоренъ и Воскресенскій монастырь на рѣкѣ Шексѣ, первоначальное ядро г. Череповца. Приводимъ собранныя нами слѣдующія преданія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ и археологическое значеніе.

1) Въ Колодежскомъ приходѣ сообщаютъ, что крестьяне одного отставшаго „пана“ поймали, приволокли на гумно и давай бить цѣпами, приговаривая: „лежи, пане; лягало-то (у цѣпа) оторвется, такъ убѣжимъ“.

(Отъ Григорія Конкина въ д. Давыдовѣ).

2) Отъ д. *Воротышина* (Колоденскаго прихода) въ одной верстѣ, въ полѣ, есть курганъ, обросшій толстыми березами, теперь уже посохшими; тутъ, по преданію, похоронены „паны“. Старики рассказываютъ, что въ прежнее время рано по утрамъ видывали на бугрѣ свинью съ поросятами, никому не принадлежащую; это видѣніе указываетъ на то, что тутъ якобы есть кладъ, но попытокъ его достать никто не производилъ. Деревья же на курганѣ, хотя посохли и сгнили, но, по всеобщему соглашенію, остаются неприкосновенными. (Отъ к-на д. Воротышина, Степана Старостина).

3) Въ *Старо-Никольскомъ* приходѣ поляки проходили въ лѣтнее время, когда крестьяне были на сѣнокосахъ, а дома оставались одни дѣтя. Теперь лѣтомъ, когда взрослые уходятъ на работы и возвращаются только вечеромъ, маленькіе ребята съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ домой и полѣ вечеръ кричатъ: „тятка да мамка, идите домой: были паны, да повыѣхали“.

4) Въ *Заболотскомъ* приходѣ, около деревень *Сокольниковъ* и *Помьстова*, есть курганъ, въ которомъ похоронено „полтора пана“, т. е. взрослый полякъ и его сынъ. Тутъ же былъ найденъ когда-то кладъ, состоящій изъ польскихъ серебряныхъ монетъ.

5) Въ *Кисовскомъ приходѣ*, близъ д. *Картова*, есть сосновая рощица, состоящая всего изъ 8 старыхъ дуплистыхъ деревьевъ, называемая „могильники“. Тутъ зарытъ кладъ.

6) Близъ д. *Острова* (Заболотск. прихода) на урочищѣ „Осиновикъ“ указываютъ слѣды двухъ разоренныхъ литовцами деревень; и теперь замѣтны остатки колодезя и кузнечныя осорки. Тоже предполагается кладъ.

7) Почти у самаго „Дмитріевскаго болота“ (см. ниже, стр. № 3), на землѣ, принадлежащей д. *Острому*, есть урочище, наз. „Подсосновикъ“; тутъ подъ одною березою зарытъ кладъ, а именно сундукъ съ деньгами; кладъ зарытъ „панами“, которые грабили народъ. Были попытки вырыть кладъ. (Отъ к-на д. *Острова*, Луки Старцева).

8) Около д. *Острова* есть урочище—небольшая сосновая роща, состоящая изъ старыхъ деревьевъ, наз. „могильницы“; тутъ, по преданію, до основанія церкви была часовня. Теперь тутъ устроены угольные ямы для пережиганія углей. Первый человекъ, рѣшившійся устроить тутъ яму, будто бы ослѣпъ. (Отъ него же).

9) Въ *Кондашскомъ приходѣ*, около д. *Гавино*, есть нѣсколько продолговатыхъ кургановъ, называемыхъ „могильницы“. Въ с. *Кондашъ* около часовни вырываютъ человѣческія кости большихъ размѣровъ. Часовня называется „обыденная“, такъ какъ встарину, до основанія церкви, была выстроена въ одинъ день.

10) По рѣчкѣ *Пачейкѣ*, впадающей въ р. *Кондашку*, извѣстно урочище *Пачей* ¹⁾. По преданію, на этомъ мѣстѣ встарину существовало селеніе, разоренное „панами“; слѣды замѣтны и теперь. Впослѣдствіи разоренные жители основали д. *Гавино*.

11) Въ *Николо-Раменскомъ приходѣ*, вблизи *Вочькомина*, протекаетъ *Мучелажскій* ручей. По немъ извѣстны два урочища: *Оселокъ* и *Мучелана*. На этихъ урочищахъ, по преданію, было встарину селеніе, разоренное „панами“; и теперь находятъ въ землѣ кирпичи и кузнечныя осорки. Мѣсто очень живописное.

12) Около д. *Харламовской* (Николо-Раменск. прих.) по р. *Мологѣ* есть урочище, называемое „Оселокъ“. По преданію, здѣсь встарину существовала деревня.

13) *Ольховскій* приходъ. На берегу р. *Шексны*, близъ с. *Ольхова*, жили и разбойничали „паны“. Въ одномъ мѣстѣ р. *Шексна*, измѣняя русло, отмываетъ берегъ; съ отпавшей землей выходятъ громадныя толщины дубовыя деревья, находясь приблизительно около трехъ аршинъ отъ поверхности земли. Это будто бы остатки жилищъ „пановъ“. Изъ этихъ дубовъ, отличающихся твердостью древесины, крестьяне дѣлаютъ лопатки для точенія косъ.

14) Недалеко отъ с. *Ольхова* есть „Маленькое озерко“; около него растеть старая, кривая береза съ вкоченнымъ въ нее „боровымъ зу-

¹⁾ Рѣчка *Пачей* упоминается въ былинахъ, собранныхъ *Рыбниковымъ*, томъ III.

бомъ* (отъ бороны). Здѣсь очень давно найдены были кладъ, состоящій изъ золота и серебра. Находка произошла, по рассказамъ, такимъ образомъ: одинъ крестьянинъ изъ с. Ольхова былъ по дѣламъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на ярмаркѣ. Въ то время тамъ поймали „пана“ и присудили его къ казни (Нижній-Новгородъ и старинные „паны“—очевидно, преданіе перепутано). Передъ казнью „панъ“ сознался во всеслушаніе, что онъ укажетъ зарытый кладъ близъ с. Ольхова у кривой березы съ „бороннымъ зубомъ“. Крестьянинъ этотъ сейчасъ поѣхалъ обратно домой, вырылъ кладъ и разбогатѣлъ. Потомки его въ настоящее время въ третьемъ колѣнѣ живутъ состоятельно.

15) Въ другомъ мѣстѣ, тоже около с. *Ольхова*, нѣсколько человекъ вырыли кладъ; одинъ изъ нихъ съ радостью воскликнулъ: „ну, теперь, ребята, будетъ на кабакъ и на табакъ!“ Кладъ сейчасъ же провалился. Глубокая яма существуетъ и теперь.

(Последнія три преданія записаны отъ в-на с. Ольхова, Ивана Борина).

2. Волненіе крестьянъ во время крѣпостного права.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вся Колоденская волость (9 селеній), 5 селеній Дмитріевской волости и 4 селенія Уломской волости, всего 1240 ревазскихъ душъ, принадлежали помѣщику Собакину. Этотъ же помѣщикъ имѣлъ въ Вятской губерніи желѣзодѣлательные и плавильные заводы. Вотъ однажды онъ и потребовалъ изъ своей Череповецкой вотчины 300 человекъ крестьянъ безъ семей для работы на своихъ Вятскихъ заводахъ. Крестьяне безпрекословно пошли. Но тамъ имъ не посчастливилось: отъ тоски по родинѣ, отъ тяжелой работы, а можетъ быть, отъ какой-нибудь повальной болѣзни, между ними открылась ужасная смертность или, какъ одинъ изъ рассказчиковъ выразился, „почти всѣ они пригорѣли“. Осталось только около 30 человекъ, которые, воспользовавшись какимъ-то случаемъ, убѣжали на свою родину въ Череповецкій уѣздъ. Между убѣжавшими съ Вятки были, между прочимъ, одинъ крестьянинъ, который состоялъ могильщикомъ, погребая своихъ земляковъ. Бѣглецы со всякими лишениями попали, наконецъ, домой и рассказали печальную участь, постигшую ихъ товарищей. Въротно, тутъ и зародилась у всѣхъ мысль о неповиновеніи на будущее время помѣщику. Спустя нѣкоторое время, помѣщикъ опять требуетъ на Вятскіе заводы 300 человекъ, но уже съ семьями. Крестьяне итти отказались и начали волноваться. Для уговора ихъ пріѣзжалъ архимандритъ Моденскаго монастыря, Устюжскаго уѣзда, находящагося въ 16 верстахъ отъ с. Гришкина, Колоденской волости. Но увѣщанія пастыря не увѣщались успѣхомъ. Вслѣдъ затѣмъ разнесся между крестьянами слухъ, что для усмиренія ихъ идетъ отрядъ башкиръ въ 500 человекъ, и достоверно стало извѣстно, что они придутъ въ Троицынъ день 1812 г. (этотъ годъ событія опредѣленно указываютъ рассказчики). Наканунѣ Троицына дня было объявлено по всей вотчинѣ, чтобы всѣ вооружались, чѣмъ попало, и собирались въ с. Гришкино для защиты. Въ назначен-

ный день вооруженныхъ крестьянъ со всей вотчины собралось очень много. По одному разсказу противники встрѣтились около с. Гришкина на трактовой дорогѣ, по одну сторону которой есть болото. Башкиры были на коняхъ и вооружены луками и ружьями. Неизвѣстно, были ли какіе-нибудь переговоры, но башкиры выстрѣлили сначала холостыми зарядами, а въ отвѣтъ со стороны крестьянъ былъ посланъ одинъ выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ башкирскій полковникъ. Тутъ на крестьянъ посыпался цѣлый градъ стрѣлъ и пуль. Падали раненые и убитые. Не выдержавъ натиска, крестьяне бросились бѣжать черезъ огородъ и въ болото. Башкирамъ нельзя было преслѣдовать ихъ на коняхъ по болоту. Отецъ одного изъ разсказчиковъ, бывши тогда подросткомъ, послѣ набралъ цѣлый пукъ стрѣлъ; стрѣлы - были желѣзныя и крашенныя, которыя онъ и зарылъ гдѣ-то въ землю.

По другому разсказу башкиры пришли двумя отрядами: одинъ шель къ с. Гришкину по трактовой дорогѣ, другой отрядъ шель къ селу проселочной дорогой. Раздѣленіе отряда на двѣ части не было извѣстно крестьянамъ. Отрядъ, шедшій по большой дорогѣ, пришелъ первымъ и вступилъ въ схватку съ крестьянами, которая продолжалась будто бы три часа, и башкиры начали отступать; но вдругъ появился второй отрядъ башкиръ, и крестьяне очутились въ срединѣ и сейчасъ же бросились бѣжать за огородъ въ болото, оставивъ много раненыхъ и убитыхъ.

Башкиры начали въ селѣ грабежъ и будто бы убили нѣсколько маленькихъ дѣтей. Нѣкоторые крестьяне долгое время скрывались и жили въ лѣсахъ. Для окончательнаго подавленія волненія среди крестьянъ башкиры были расквартированы по всей вотчинѣ и жили отъ Троицына дня до Нового года. Иногда они отъ скуки ходили по бесѣдамъ, стрѣляли въ цѣль; и теперь около д. Давыдово указываютъ одно дерево, служившее цѣлью, и называютъ его „стрѣляная ольха“. Около той же деревни недавно рыли яму для зимняго храненія картофеля и нашли черепъ и кости, принадлежашіе якобы башкиру, умершему во время стоянки въ деревнѣ, а такъ какъ онъ былъ некрещеный, то и похороненъ гдѣ попало. Въ заключеніе разсказываютъ, что когда это событіе, т. е. волненіе и усмиреніе крестьянъ, дошло до свѣдѣнія высшей власти, то было приказано владѣльцу немедленно продать кому бы то ни было Череповскую вотчину, и дѣйствительно вскорѣ послѣ этого событія крестьяне перешли къ помѣщику Секретареву. Вопросъ же, почему именно были присланы башкиры для водворенія порядка, а не солдаты, остается невыясненнымъ. (Записано со словъ к-зя: д. Панфилова Михаила Коростеля, д. Давыдова Григорія Конкина, д. Тынова Егора Колесникова).

3. Князь Дмитрій.

Въ с. Дмитріевскомъ, или Старо-Никольскомъ (Дмитріевской волости), по преданію, жилъ старину какой-то князь Дмитрій. Въ честь его и село названо именемъ князя. Онъ же подарилъ крестьянамъ покосы по р. Колоденкѣ, именуемые „Дмитріевскимъ болотомъ“. Церков-

ному причту онъ отказалъ въ вѣчное владѣніе лѣсную дачу, называемую „Бурдуково“.

4. Юродивый Тимоша.

Между селеніями Коротовымъ и Клопузовымъ (Уломской волости), въ лѣсу, наз. „Веретье“, въ обрывистомъ косогорѣ, спускающемся въ долину рѣчки Уломки, въ 50 годахъ, настоящаго столѣтія была вырыта въ землѣ тайно большая пещера и въ ней устроена часовня. Единственнымъ труженикомъ сего подвига былъ юродивый Тимоша, уроженецъ д. Боръ, Уломской волости. Память о немъ и сейчасъ живеть въ окрестномъ населеніи, которое считаетъ его великимъ прозорливцемъ. Когда начали сходиться въ пещеру богомольцы, то по приказанію духовнаго начальства пещера была засыпана, но слѣды замѣтны и теперь.

5. Похищеніе часовни.

Въ очень давнее время у двухъ сосѣднихъ деревень: Бора и Клопузова, Уломской волости, была одна общая деревянная часовня во имя св. Николая, которая стояла на Боровской землѣ. Однажды клопузовцы въ одну ночь похитили часовню, т. е. разобрали и перевезли къ себѣ въ деревню. Боровскіе крестьяне поругались и махнули рукой, выстроивъ у себя другую часовню. Но теперь иногда ругаются: „клопузовцы воры, украли часовню Николая“. (Отъ к-на д. Боръ, Василія Матюшина).

II. Повѣрья.

1) *Сусѣдко*—домовой. Кого во снѣ давить домовой, тому слѣдуетъ взять заостренную палку „свинобойную“ и достать верблюжьей шерсти; эти вещи положить на ночь подъ голову. Или же взять кусокъ восковой свѣчки, роснаго ладану и травы чертополоху; все это положить подъ шестокъ въ уголкѣ.

2) *Кикимора*. Если въ домѣ заведется кикимора, то нужно держать верблюжью шерсть у полатей въ воронцѣ. Въ случаѣ если кикимора „дикуеть“ надъ скотиной, то нужно взять свинобойную палку и положить въ ясли.

3) *Лѣшіе* и *лѣшачихи*. Въ д. Анфаловѣ, Уломской вол., была прежде березовая роща, а въ ней жилъ *волхвъ*, т. е. лѣшій, который, шатаясь по окрестностямъ, приговаривалъ: „Изъ Анфаловской рощи шасть на Маленькую дорожку (урочище), а оттуда на Дмитріево болого“. Шаги немаленькіе! Когда рощу вырубилъ, лѣшій переселился куда-то и пересталъ беспокоить людей.

По мнѣнію здѣшняго населенія, у „вольныхъ“ есть жены—„лѣшачихи“. Одна деревенская старуха-повитуха рассказываетъ, что однажды ночью за ней пріѣхали и потребовали на роды; долго везли кривыми путями по лѣсу, наконецъ, подѣхали къ огромному дому въ дремучемъ

лѣсу. Тутъ ей пришлось принимать у жены лѣшаго. Роды прошли благополучно, старуха была щедро награждена и такимъ же образомъ отвезена домой ¹⁾.

4) *Мань*—нечистый духъ, живущій въ заброшенныхъ нежилыхъ постройкахъ. Онъ пугаетъ людей, принимая разные виды, между прочимъ, видъ отсутствующаго знакомаго или давно умершаго человѣка.

5) *Полумошница*—тоже нечистый духъ, живущій въ пустыхъ хоромахъ; онъ, между прочимъ, не даетъ дѣтямъ спать по ночамъ.

6) *Стрѣлиникъ*—нечистый духъ, отъ котораго случаются внезапныя болѣзни.

7) Чтобы *уберечь скотинку отъ зепря*, надо взять львиной шерсти, положить ее въ пастушью трубу и прикрѣпить ее тамъ какъ-нибудь, тогда звѣрь не трогаетъ скота.

8) Чтобы *приручить купленную корову* къ дому, надо, приведя ее домой, взять земли со слѣда коровы и положить ей на крестецъ; затѣмъ, обмывши ей голову и глаза водой, проговорить: „куда вода—туда и тоска, во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь“. Послѣ этого можно смѣло отпускать корову на пастьбу—никуда не уйдетъ. (Отъ кр-на Ив. Тихонова, д. Супроново, Колоденской волости).

9) *Орелъ—птица чудодѣйственная*. Орелъ, по народному убѣжденію, всѣмъ птицамъ царь. Орелъ, пойманный на Ивановъ дѣнь, обладаетъ чудодѣйственной силою. Но для этого необходимо добыть его особенно хитрымъ способомъ: ставъ между дорогами, стараться заколотъ его заостренною тростью. Поймавши, разобрать на части и высушить на солнцѣ безъ вѣтру. Различные органы его обладаютъ извѣстной силой и применяются въ слѣдующихъ случаяхъ: правый глазъ орла носить при себѣ, то нестрашенъ будетъ никакой глѣвъ сильныхъ міра сего; лѣвый глазъ его, смѣшанный съ пѣтуховою кровью, совѣтуютъ носить охотникамъ и рыболовамъ для удачныхъ промысловъ. Мозгъ орла, изсушенный, привязываютъ ко лбу во время головной боли. Внутренности его имѣть при себѣ во время купли и продажи, и всегда сдѣлки будутъ удачныя. Ноги орла положить за голенища: правую ногу—за правое голенище, а лѣвую—за лѣвое, и притомъ, если продаешь что-нибудь, то ударъ о землю лѣвою ногою отъ себя, а если покупаешь, то правую ногою о землю къ себѣ: въ обоихъ случаяхъ будетъ выгода и барышъ счастливому обладателю орлиныхъ ногъ.

10) *Свѣчка для отысканія кладовъ* готовится такимъ образомъ: нужно взять ладану, сѣры горючей, чистаго воску и шафрану, сварить все это вмѣстѣ и приготовить свѣчку, а свѣтильня должна быть изъ льняныхъ нитокъ; съ этою зажженною свѣчкою слѣдуетъ искать кладъ: въ случаѣ удачи она должна предъ найденнымъ сокровищемъ загаснуть.

11) *Отчего опьяняются?* Существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что опьяняются или дѣлаются запойными пьяницами оттого, что прилѣтно въ

¹⁾ Срв. бѣлорусс. разсказъ въ „Этн. Обзор.“ XXVIII, 101. Ред.

каждой бочкѣ вина находится „ядовитая капля“, ввущенная туда „нечистымъ“ на пагубу людей: выпившій съ виномъ эту каплю опивается на смерть, или же всю жизнь страдаетъ запоями съ бѣлой горячкой. Допускаютъ и третій исходъ, именно благополучный. Случается, что компанія только что усядется выпивать, вдругъ бутылка безъ видимой причины лопается, и вино проливается; сначала всѣ въ недоумѣніи, а потомъ и начинаютъ догадки, не въ этой ли бутылкѣ и находилась именно „ядовитая капля“, но Богъ не допустилъ ее употребить, потому что приступили къ выпивкѣ, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Конечно, крушеніе бутылки не отрезвигъ компаніи, требуется другая бутылка—вѣдь въ этой бочкѣ нѣтъ болѣе ядовитой капли, она на глазахъ компаніи пропала—и пьютъ безъ опасенія. Запой можно также получить, когда сидѣлецъ подсуветъ „опивковъ“, сливаемыхъ изъ разныхъ стакавовъ, а кабагтики ради выгоды часто это практиковали.

12) *Какъ определить исходъ болѣзни у человека?* Если больной пилъ что-нибудь и останется, то выпить на собаку: если она встряхнется, то больной живъ будетъ, а не отряхнется—то умереть.

Далѣе надо положить между пальцевъ больного немного ветчиннаго сала, затѣмъ вынуть и бросить собакѣ: если она съѣстъ, то больной живъ будетъ, а не станетъ ѣсть, то умереть. Еще способъ: замѣшать ржаной муки густо и тѣмъ тѣстомъ валять по ногамъ отъ подошвъ до колѣнокъ и кинуть собакѣ: если собака поступитъ какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, то таковъ и исходъ болѣзни будетъ. Еще въ ходу слѣдующіе способы: больному кладутъ на голову освященную вербу и замѣчаютъ: если онъ начнетъ съ этого погѣть, то умереть. Или же просятъ больного не ѣсть и не пить до утра, а утромъ заставляютъ помочиться въ стеклянку и смотреть на мочу противъ солнца: если не видно въ стеклянкѣ отраженіе человѣка, то больной скоро долженъ поправиться. Если отраженіе человѣка видно будетъ вверху, то больной помретъ, если же въ среднѣ (?), то болѣзнь продолжится, и больной живъ не будетъ.

13) На счетъ *будущихъ дѣтей* примѣчаютъ слѣдующее: если молодуха сядетъ за столъ съ одной стороны, а выйдетъ съ другой, т. е. обойдетъ вокругъ стола, то народитъ дѣтей цѣлое застолье. Если не желаютъ имѣть много дѣтей, то избѣгаютъ такого обхода.

14) Въ заключеніе, въ видѣ дополненія къ тому, что сообщено было нами о мѣстныхъ обычаяхъ („Этн. Обоар.“ XXVII), приведемъ обычай, соблюдаемый *въ день св. Космы и Даміана* (1-го ноября). Въ этотъ день дѣвушки покупаютъ въ складчину крупы и масла для каши, напр. коп. на 30. Сваривши кашу, начинаютъ продавать парнямъ на 2—5 к. или на 10 коп., кто на сколько пожелаетъ; для этого имѣются разныхъ размѣровъ чашки. Парни берутъ нарасхватъ, ѣдятъ да похваиваютъ, такъ какъ дѣвичья каша дѣйствительно очень вкусна. Въ выручкѣ у дѣвушекъ остается нѣсколько рублей, которые они дѣлятъ между собою. (д. Верхъ, Дмитріевской волости).

Сообщилъ М. К. Герасимовъ.

Святочные шалости въ Пельшемской волости, Кадниковскаго уѣзда.

Въ Рождественскій постъ устраиваются *посидѣнки*, но безъ плясокъ и пѣсенъ: дѣвицы прядутъ, а парни что-либо рассказываютъ и зубоскалять. Если бы въ набѣ не было никого изъ стариковъ, и то бы они побоялись устроить пляски: неравно кто-либо ненарокомъ проговорится, а узнають—плохо будетъ, отъ стариковъ достанется „на орѣхи“.

Въ первые три дня праздника посидѣнокъ не бываетъ, не позволяютъ старики: по ихъ словамъ, кто веселится въ первые три дня Рождества Христова, тотъ гѣшитъ „нечистаго“. Около полуднѣ на четвертый день парни и дѣвицы собираются въ одну избу. Дѣвицы являютъ въ будничныхъ костюмахъ и съ работой (пряжей, шитьемъ, вышиваньемъ, плетениемъ кружевъ). Плясокъ не бываетъ. Время проводится въ разговорахъ и шуткахъ. Собираются главнымъ образомъ, чтобы условиться, какъ провести вечеръ. Съ этого вечера устраиваются посидѣнки; онѣ бываютъ по очереди въ тѣхъ избахъ, гдѣ есть невѣсты. На посидѣнку приходятъ въ лучшихъ платьяхъ, и тоже не съ иной работой, а исключительно съ пряжей. Нѣкоторыя „славнухи“ (невѣсты, славящіяся богатствомъ, красотой или трудолюбіемъ) украдкой съ собой приносятъ уже готовую пряжу, такъ какъ заботливая матери каждый разъ у возвратившейся съ посидѣнки дочери осматриваютъ, много ли напярла за вечеръ, а въ иной веселый вечеръ, между тѣмъ, не удается и пряслицы-то въ руки взять.

На святочныхъ посидѣнкахъ, пока не придутъ славнухи, плясокъ не бываетъ. Собравшіяся дѣвицы прядутъ, а парни любезничаютъ, шумятъ, поютъ пѣсни и т. п. Но вотъ пришли и славнухи. Начинають устраивать игры, пляски. Прялки кладутся на полавочникъ, а если которая изъ дѣвицъ не захочетъ оставить работы, то и силой заставляютъ прекратить работу и вмѣстѣ съ ними принять участіе въ играхъ и пляскѣ. На этихъ посидѣнкахъ какъ парни, такъ и дѣвицы бываютъ и изъ другихъ деревень, но только съ той разницею, что парни приходятъ каждый разъ изъ своей деревни, между тѣмъ какъ дѣвицы прѣзжаютъ къ своей подругѣ или къ кому изъ родственниковъ на всѣ святки, а не на одинъ вечеръ, и, конечно, не забываютъ прихватить свои наряды.

Если на посидѣнкѣ много дѣвицъ изъ другихъ деревень, то уже это собраніе зовется не посидѣнкой, а *посадою*.

Послѣ плясокъ уговариваются итти ряжеными на посидѣнку въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Рядятся не всѣ: у иныхъ строгіе родители не позволяютъ, а другіе и по своей волѣ не идутъ, если не надѣются, что въ чужой деревнѣ будетъ весело. Желаящіе рядиться обыкновенно уходятъ домой за костюмами. Каждый приноситъ что-нибудь изъ старой, поношенной одежды, все принесенное раскладывается на лавкахъ, и каждый выбираетъ себѣ по вкусу. При этомъ заботятся не о красотѣ костюма, а только чтобъ вышло посмѣшнѣе. Всѣ костюмы (вывороченная шуба шерстью вверхъ—всего чаще) надѣваются свергъ платья, въ которомъ сидѣли на посидѣнкѣ. Ряженныхъ иногда бываетъ человекъ до

двѣдцати въ компаніи. Придя на посидѣнку въ другую деревню, они попляшутъ, какъ говорится, до седьмого пота и, прихвативъ новыхъ ряженыхъ, отправляются въ другую деревню.

Оставшіяся на посидѣнкѣ дѣвицы вновь принимаются за работу. Часто онѣ прячутъ прялки ушедшихъ дѣвицъ, а иногда и портятъ ихъ работу: спутываютъ готовую пряжу или, обливъ ее водою, выносятъ на улицу, чтобы замерзла, а не то распустятъ пряжу и, привязывая ее къ концамъ нарочно воткнутыхъ въ снѣгъ колебель, протягиваютъ нитку, на подобіе телеграфа, отъ дома той дѣвицы, чья прялка, къ дому того парня, который успѣшнѣе другихъ ухаживалъ за нею.

Вотъ возвратились ряженые, развѣхались. Началось разыскиваніе прялокъ, оттаиваніе ихъ въ печи, распутываніе. Тутъ же вспоминаются интересные случаи изъ проведеннаго вечера. Смѣхъ, веселье. Парни садятся рядомъ со своими „любезными“, или, какъ здѣсь говорятъ, „прихихѣянми“, то есть съ тѣми, за которыми ухаживаютъ. Часто бываютъ случаи что „молодцы“ отнимаютъ у дѣвицъ прялки и требуютъ за нихъ выкупа въ видѣ поцѣлуя, который дается большею частью охотно. Съ посидѣнки расходятся около 3 или 4 часовъ утра.

При выходѣ изъ избы иногда кто-нибудь пропоетъ:

Ужь пора намъ всѣмъ дѣвицамъ по домамъ.
 Вы не сказывайте дома матерямъ,
 Что который со которой сидитъ,
 Что который со которой говоритъ.

Дождавшись, когда погаснутъ въ деревнѣ всѣ огни, ребята начинаютъ другую забаву. Вотъ какъ они справляютъ святки:

Подойдя осторожно, безъ всякаго шума, одновременно къ однимъ воротамъ (ворота въ хлѣвъ и ворота на взвѣздъ) избы какой-нибудь очень разборчивой невѣсты или сварливой бабы и ябедника-мужика, они зашпраютъ ихъ и начинаютъ съ пѣснями, шумомъ, смѣхомъ стаскивать къ нимъ почти со всей деревни бревна, бороны, телѣги, дровни и т. п. Въ домъ, конечно, просыпаются отъ шума, но выйти и прогнать шалуновъ нельзя—заперто, да и такъ бываютъ завалены выходы, что на утро мужики всей деревни иногда часа два работаютъ, освобождая заключенныхъ. Если же кто изъ заключенныхъ начнетъ уговаривать ребятъ бросить шалость, то они, напротивъ, еще энергичнѣе продолжаютъ свою работу; а если ихъ будутъ бранить, то они на брань отвѣтятъ бранью, а часто еще всѣ хоромъ споютъ про него или про дочь-невѣсту, если таковая есть, какую-нибудь нецензурную пѣсенку. И чѣмъ болѣе сердится заключенные—тѣмъ веселѣе ребятами.

Нагѣшавшись здѣсь, они отправляются къ избѣ другого неуважаемаго, нелюбимаго крестьянина. Прежде всего зашпраются всегда всѣ входы и выходы, и потомъ начинается ихъ шалость.

Вотъ принесли пожарную лѣстницу и нѣсколько человекъ взлѣзли на крышу. Другіе принесли нѣсколько ведеръ воды, которыя поднимаютъ

на веревкѣ на крышу и затѣмъ выливаютъ воду въ трубу. Надо сказать, что адѣсь большею частью избы „курныя“, у нихъ трубы прямыя, деревянныя, устраиваются надъ печкою или „голубцемъ“ и затыкаются изъ избы отрѣпьями или закрываются деревянной задвижкой. Крестьяне всегда спятъ на печахъ, и вотъ отъ этой святочной шалости затычка выпадаетъ, и спящихъ на печкѣ будитъ холодная ванна.

Или же въ трубы набьютъ побольше (съ кузовъ) сѣна, на сѣно накладываютъ снѣга и обольютъ его водой. Къ утру все это замерзнетъ, и хозяину дома, чтобы затопить печь, надо очистить трубу, что, конечно, не легко.

Эти шутки устраиваются только надъ обитателями курныхъ избъ; у кого же въ избѣ печь „набѣло“, этихъ каверзъ не устраиваютъ, такъ какъ иначе пришлось бы ломать эту узкую, потѣвчатую, кирпичную трубу,—шутка вышла бы ужъ очень злая, да за нее бы и досталось ребятамъ отъ всѣхъ мужиковъ деревни. Но для такихъ хозяевъ есть въ запасѣ цѣлый рядъ другихъ проказъ.

Вотъ одинъ ваяль въ большой горшокъ навозу и налилъ туда теплой воды, другой въ это время на тонкій, легкий шестъ прикрѣпилъ вѣникъ. Вотъ они подошли къ одному дому; одинъ съ горшкомъ и вѣникомъ становится у самой стѣны, такъ чтобы его не было видно изъ оконъ избы, а другой на нѣкоторомъ разстояніи кричитъ измѣненнымъ голосомъ: „эй, хозяинъ!“ Кто-нибудь изъ разбуженныхъ жильцовъ подходитъ къ окну и, увидя одного стоящаго человѣка, отодвигаетъ раму и высматриваетъ голову, чтобы узнать, что надо. Въ это время вѣникъ, пропитанный навозомъ, смазываетъ ему лицо. Конечно, слѣдуетъ брань и ругань. Такъ обходятъ нѣсколько избъ, пока не замерзнетъ навозъ.

Раньше еще была шутка. Всѣ ворота обыкновенно отворяются внутрь, что и давало возможность къ воротамъ прислонить чурку. Если человѣкъ, выходя изъ дома, быстро отворитъ ворота, то чурка валится на него, причиняя довольно сильныя ушибы. Но крестьяне запретили молодежнику эту шутку, и теперь ее никогда не устраиваютъ.

На другой день мужики встрѣчаютъ ребятъ не бранью, а вмѣстѣ съ ними смѣются даже и тѣ, по чьимъ лицамъ прошелся вѣникъ съ навозомъ.

Если эти шалости продѣлываются въ домахъ невѣстъ, онѣ не считаются позоромъ для послѣднихъ. Если же женихи-шалуны хотятъ кого опозорить, то обыкновенно окна и ворота избы густо замазываются оттаяннымъ навозомъ. Обыкновенно деревенскія молодницы, сознавая за собой какой „грѣхъ“, съ вечера ставятъ въ печь воду и, вставши до разсвѣта, пока еще всѣ спятъ, свидѣтельствуютъ вѣншній видъ избы, и если она окажется вымазанною, то поскорѣе все смываютъ, пока никто не видѣлъ.

Пр. Диллаторскій.

Поправка. Въ кн. XXXVIII, стр. 183, въ выноскѣ вм. Волг. у. чит. Кадниковск. у.

Изъ грузинскихъ легендъ.

1. *Мудрость Соломона.*

Легенда эта записана недавно въ Кизикіи (Сигнахскій уѣздъ, Тифлисской губ.) Николаемъ Мачалдадзе и впервые по-грузински напечатана въ „Сборникѣ“ кн. Акакія Церетели (в. VI, 1898 г., Тифлисъ, стр. 21—28). Въ виду того, что легенда эта представляетъ интересъ для изученія апокрифической литературы о судахъ Соломона, мы сочли полезнымъ перевести ее на русскій языкъ, но безъ указанія соотвѣствующихъ параллелей, которыхъ въ наличныхъ матеріалахъ по этому вопросу намъ не удалось найти (о Соломонѣ по грузинскимъ источникамъ см. наши „Очерки по исторіи груз. словесности“, вып. I). Вотъ эта легенда.

Торговые люди, руководимые желаніемъ разбогатѣть, много трудятся: изъ одного города они отправляются въ другой, изъ одного государства въ другое, и такимъ образомъ приобрѣтаютъ богатства.

Во времена Соломона Мудраго одинъ весьма богатый купецъ Пако, проѣзжая черезъ Іерусалимъ, остался тамъ переночевать. На другое утро, собравшись уѣхать, онъ приказалъ своему приказчику: „Поди, купи яицъ, мы закусимъ и отправимся въ путь“. Приказчикъ исполнилъ приказаніе хозяина и купилъ десятокъ яицъ, но чтобы изъ-за нихъ не разводилъ дома огня, попросилъ у торговки тутъ же ихъ сварить. Та любезно отвѣтила: „У меня есть и сваренныя яйца, только что сварила для продажи. Хорошо, что вы пришли; извольте, они еще горячи“. Приказчикъ наскоро положилъ сваренныя яйца въ маленькую корзинку и отправился къ своему хозяину. Они закусили, навьючили муловъ и верблюдовъ своимъ имуществомъ и отправились. Шли цѣлую недѣлю и прошли порядочное разстояніе. Когда же они остановились, приказчикъ вспомнилъ, что онъ забылъ отдать торговкѣ десять коп. за купленные яйца; ему стало досадно, что онъ сдѣлалъ такую оплошность, и онъ сообщилъ объ этомъ хозяину; послѣднему это приключеніе тоже доставило непріятность; однако, воротиться назадъ было немислимо, равно какъ и отослать какъ-нибудь эти 10 коп., такъ какъ они не знали ни имени, ни фамиліи этой торговки, ни улицы и дома, гдѣ она жила. Послѣ долгихъ думъ и размышленій, Пако приказалъ своему приказчику: „Не можешь тому, что случилось, горевать поздно! Эти 10 коп. сохрани отдѣльно: на обратномъ пути мы отдадимъ этой торговкѣ вмѣстѣ съ $\frac{1}{2}$ %, которые въ это время мы на нихъ выручимъ“.

Послѣ такого рѣшенія они двинулись дальше. Послѣ долгихъ странствованій они прибыли въ одинъ богатый городъ и открыли торговлю; $\frac{1}{2}$ съ тѣхъ 10 коп. они копили и пускали въ оборотъ отдѣльно. Такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ 10 коп. обратились въ 1000 рублей. Судите сами, если 10 коп. обратились въ 1000 руб., то въ какой мѣрѣ должно было вырасти состояніе этого купца! Онъ разбогатѣлъ баснословно и пожелалъ воротиться домой. Собралъ все свое имущество и вы-

ѣхалъ изъ города. Черезъ нѣкоторое время онъ прибылъ въ Иерусалимъ. Приказчикъ немедленно отправился разыскивать женщину, у которой купилъ яйца, и скоро нашелъ ее. Та объ этихъ 10 коп. уже совсѣмъ забыла; приказчикъ кое-какъ напомнилъ и передалъ ей 1000 рубл., увѣряя ее именемъ Бога, что за это время они съ 10 коп. больше выручатъ не могли. Торговка съ великою радостью и благодарностью приняла эти деньги.

Когда приказчикъ ушелъ, сосѣди спросили ее: „Кто былъ тотъ человекъ и зачѣмъ приносилъ тебѣ деньги?“ Та отвѣтила: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ купилъ у меня на 10 коп. 10 яицъ, деньги же забылъ отдать. Оказывается, онъ пустилъ ихъ въ оборотъ, выручилъ за это время тысячу рублей и принесъ мнѣ теперь. Да благословить его Богъ!“ Сосѣди воскликнули: „Несчастная, неужели тебѣ болѣе 1000 руб. не слѣдовало? Разсуди: вѣдь изъ тѣхъ 10 яицъ ты бы получила 10 куръ, каждая изъ этихъ куръ вывела бы по 20 цыплятъ, по 15-ти во всякомъ случаѣ; каждая изъ этихъ цыплятъ тоже по 15-ти, и такимъ образомъ составила бы сумма куда больше 1000 рублей!“ Торговка повѣрила словамъ сосѣдей, отправилась къ кушчу и заявила: „Мнѣ отъ васъ слѣдуетъ больше за мои 10 коп.“. Купецъ началъ клясться именемъ всѣхъ святыхъ, что онъ больше не выручилъ съ тѣхъ 10 коп. Торговка отправилась съ жалобою къ деревенскому судѣ; тотъ высчиталъ, что купецъ долженъ заплатить торговкѣ нѣсколько милліоновъ рублей. Купецъ не согласился и перенесъ дѣло къ уѣздному судѣ; тотъ высчиталъ и получилъ цифру больше, нежели деревенскій судья. Купецъ обратился къ министру; тотъ еще больше присудилъ заплатить торговкѣ. Однимъ словомъ, къ кому Пако ни обращался, всѣ противъ него рѣшали. Отобрали у него все имущество и передали торговкѣ; но даже все его имущество было ничтожно въ сравненіи съ предполагаемымъ долгомъ.

Опечалился купецъ, началъ горевать и плакать. Помилуйте, передъ тѣмъ богатый человекъ сразу обѣднѣлъ, даже хлѣба не на что было купить! Что дѣлать? къ кому обратиться? Попросилъ было взаймы у своего приказчика, но тотъ далъ очень мало, такъ какъ не надѣялся получить обратно. Вотъ положеніе: онъ нищій, а у его слугъ все есть! Теперь ему приходилось стать ихъ слугою или помирать съ голоду. Горько плакалъ онъ, припоминая старую поговорку: „Правдой жить—много бѣдъ нажить“. Какой же торговецъ жилъ правдой? Онъ сталъ выскочкой, дѣя такъ высоко справедливость. Но онъ боялся Бога, и вотъ до чего дожилъ! Если торговецъ не будетъ надувать народъ и продавать вдвойнѣ—какъ же ему разбогатѣть?—Я избѣгалъ всего этого, размышлялъ онъ самъ съ собою, и такой правдой не только нажилъ бѣду, но и голову потерялъ. Да, все отъ Бога: если я радовался Богомъ дарованному счастью и милости, то и несчастье долженъ я смиренно переносить. А все-таки не думаю и не хочется вѣрить, чтобы истина когда-нибудь не обнаружилась. Знаю навѣрное и читалъ когда-то: „Отрокъ былъ и состарѣлся, и не видѣлъ праведника покинутого и его потом-

ковъ, просящихъ милостыни“. Читаль я эти слова, но не помню, въ какой книжкѣ.

Такъ разсуждалъ самъ съ собой Пако. Долго онъ старался припомнить, въ какой книгѣ онъ вычиталь эти слова, и, наконецъ, вспомнилъ, что прочелъ ихъ въ книгѣ Давида, отца Соломона Мудраго. Отецъ Соломона, Давидъ, былъ великій царь; не сталъ бы онъ писать неправды,—подумаль Пако. И вдругъ его осѣнила слѣдующая мысль: всѣ судьи рѣшили противъ него, отобрали все имущество и пустили его нищимъ; дай-ка попробую обратиться къ Соломону Мудрому; посмотримъ, какова будетъ воля Бога, знающаго мою правоту.

Объѣдѣвшій купецъ немедленно отправился и явился, наконецъ, къ Соломону и наложилъ предъ нимъ все свое горе. Соломонъ приказаль: „Сегодня вечеромъ сосчитаю, завтра утромъ приходи и узнай мое рѣшеніе“. Вечеромъ Соломонъ сталъ считать. У него получилась цифра, куда больше, нежели у другихъ судей. Утромъ пришелъ несчастный купецъ и ждалъ правосудія. Соломонъ пригласилъ его въ свои покои, усадилъ рядомъ, взялъ бумагу и при немъ началъ считать. Безъ сомнѣнія, и самъ купецъ хорошо умѣлъ вести счетъ, и Соломонъ его заставлялъ провѣрять: приняли во вниманіе, сколько цыплятъ могло умереть, сколько яицъ могло испортиться или потеряться, сколько сами бы съѣли; но все-таки оказалось, что состояніе купца, присужденное торговкѣ судьями, гораздо меньше, чѣмъ ей на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы. Соломонъ послѣ раздумья сказалъ купцу: „Сынъ мой, что же мнѣ дѣлать? Представь себѣ, что ты царь и къ тебѣ обратились за правосудіемъ: ты вѣдь самъ провѣрять счеты,—какое бы ты далъ рѣшеніе?“ Купецъ и слова промолвить не могъ, такъ и замеръ. Соломонъ Мудрый сталъ ходить взадъ и впередъ, усиленно что-то обдумывая. Соломонъ сразу остановился и обратился къ купцу съ вопросомъ: „Янца, которыя ты купилъ, сваренныя были или сырыя?“, — „Сваренныя, царь,—еле проговорилъ купецъ.—“ Въ такомъ случаѣ иди теперь и завтра въ полдень приходи ко мнѣ“,—приказаль Соломонъ. Когда купецъ ушелъ, Соломонъ позваль вельможу и послалъ его ко всѣмъ судьямъ, къ которымъ только Пако обращался, а также ко всѣмъ знатымъ съ приказаніемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня всѣ собрались въ дворцѣ царя.

На другой день утромъ палаты Соломона Мудраго наполнились судьями и знатыми. Всѣ разспрашивали другъ у друга и не знали причины ихъ собранія. Весь городъ поднялся на ноги и окружилъ дворецъ Соломона; словомъ, дома не остался даже ребенокъ, умѣющій говорить. Между прочимъ, на колесницѣ пріѣхала со своими родственниками разбогатѣвшая торговка съ веселымъ лицомъ. Несчастный Пако также явился въ назначенное время и съ печальнымъ лицомъ и со слезами на глазахъ сталъ въ углу. Всякій сжалился бы надъ нимъ, увидѣвши его. Шумъ и говоръ поднялся среди народа, ждавшаго съ нетерпѣніемъ, что объявить царь. Наконецъ, вышелъ Соломонъ Мудрый и за нимъ всѣ судьи и знатные. Воцарилась такая тишина, что можно было слышать

полетъ мухи. Соломонъ окинулъ взоромъ народъ съ веселымъ улыбающимся лицомъ и молвилъ: „Хочу объявить вамъ слѣдующее: часто слышу отъ народа жалобы, что у нихъ плохой урожай: не родится ни пшеницы, ни ячменя, ни проса, ни овощей. Давно думаю, отчего это могло бы зависѣть, но до сихъ поръ причины отыскать не могъ, только въ эти два дня догадался, что причина неурожая въ томъ, что вы всѣ сѣмена сѣяли сырыми. Поэтому приказываю вамъ, чтобы вы непременно варили сѣмена и такъ сѣяли. Кто только не исполнитъ моего приказанія и посѣетъ какое-либо сѣмя, не сваривши его предварительно, подвергнется строгому наказанію“.

Такое объявленіе поразило народъ. Начали разсуждать между собою. Всѣ удивлялись и недоумѣвали, но кто же могъ осмѣлиться и сказать ему: „Ваше приказаніе, царь, и объявленіе неосновательны!“ Послѣ долгихъ колебаній народъ вызвалъ самое знатное и вліятельное при дворѣ лицо и доложилъ ему: „Какъ же, господинъ? Чтobъ сваренное сѣмя дало плоды? Просимъ отъ насъ доложить царю, чтобы онъ отиѣнилъ свое приказаніе и позволилъ намъ сѣять попрежнему сырое сѣмя“.

Знатный воротился къ царю и доложилъ просьбу народа. Соломонъ приказалъ: „Исполню вашу просьбу, но приказываю слѣдующее: какъ сваренныя яйца, проданныя этой женщиной купцу, дали многочисленные плоды, т. е. изъ сваренныхъ яицъ вылупились цыплята, эти цыплята выросли, дали новыхъ цыплятъ, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ отъ проданныхъ куръ составила громадная сумма, точно такъ же, если вы сварите сѣмена и такъ посѣете, то они дадутъ обильные плоды“. Народъ, услышавъ это, въ одинъ голосъ воскликнулъ: „Изъ сваренныхъ яицъ цыплята никогда не вылупятся!“

Соломонъ Мудрый того и хотѣлъ, чтобы самъ народъ разсудилъ торговку и купца. Услышавъ такой отвѣтъ, онъ обратился къ судьямъ и спросилъ: „На основаніи какого закона рѣшили вы въ пользу той женщины, которая продала купцу сваренныя яйца?“ Всѣ задумались и увидѣли свою ошибку. Потомъ Соломонъ приказалъ: „Идите, отберите у торговки все имущество, ввѣное у купца, и возвратите хозяину, а 10 коп. съ $\frac{1}{100}$ возвратите торговкѣ такъ, чтобы основныя 10 коп. черезъ пять лѣтъ обращались въ 20 коп., т. е. считайте такъ, чтобы $\frac{1}{100}$ сдѣлались равными основному капиталу только черезъ каждыя 5 лѣтъ“.

Вышли судьи и поступали по приказанію Соломона. Такъ какъ послѣ продажи торговой яйцъ прошло 23 года, то получалась слѣдующая сумма: черезъ первыя 5 лѣтъ—20 коп., черезъ вторыя пять—40 коп., черезъ третья пятьлѣтіе—80 коп. и черезъ четвертое пятилѣтіе—1 р. 60 к. Эти деньги отдали торговкѣ, а остальныя отобрали и возвратили купцу Пако. Такимъ образомъ, и прежнія 1000 рублей безъ 1 р. 60 коп. Пако получилъ обратно отъ торговки.

Сказано: „Правда изъ рода въ родъ“ („Правда свѣтлѣ солнца“).

2. Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

Сказаній о легендарной царицѣ Тамарѣ, прославившейся своею небесной красотой и демоническимъ коварствомъ, сохранилось такъ много на Кавказѣ, что нынѣ образовалась цѣлая литература по этому вопросу. Народная традиція въ особенности прикрѣпляетъ подобныя сказанія къ развалившемуся замку на отвѣсной скалѣ „въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла, гдѣ роется Терекъ во мглѣ“. Недавно по пути здѣсь мнѣ пришлось слышать отъ ямщика объ этомъ замкѣ и его таинственной обитательницѣ такую версію, которая до настоящаго времени не была извѣстна въ печати. Названный ямщикъ, проработавшій на Военно-грузинской дорогѣ 30 лѣтъ, рассказалъ мнѣ слѣдующее:

Жили-были двѣ сестры, обѣ носившія имя Тамары. Одна изъ нихъ была благочестивая и пріютилась въ башнѣ близъ Анапура, а другая—волшебница—поселилась въ замкѣ на Терекѣ. Последняя сестра зазывала путниковъ къ себѣ на ночь, а утромъ бросала ихъ обезглавленные трупы въ волны бѣшенаго Терека. Какъ волшебницу, ее никакая сила не могла одолѣть, и „даже пуля ея не брала“. По прошествіи многихъ лѣтъ только русскому солдату удалось ее убить ударомъ въ високъ пуговицей отъ своего мундира, которая заговору и чарамъ не поддается. Трупъ волшебницы былъ брошенъ въ Терекъ, а замокъ повелѣніемъ Вождимъ развалился. Имя Тамары-чародѣйки было проклято, и вгдѣ никакихъ слѣдовъ ея не могли найти; только въ последнее время,—прибавилъ ямщикъ,—царицу Тамару стали воспроизводить на обложкахъ конфетъ. Другая же сестра за свое благочестіе удостоилась милости Вождей, и прахъ ея понынѣ покоится еще въ Мцхетскомъ соборѣ, чтимый, какъ святыня.

Въ этой легендѣ, отражающей сходство съ сказаніемъ, послужившимъ сюжетомъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова, заслуживаетъ вниманія раздвоеніе типа Тамары на благочестивую и нечестивую и своеобразная смерть последней. Указанія же на изображеніе Тамары, воспроизводимое въ теперешнее время, свидѣтельствуютъ о смѣшеніи легендарной Тамары съ исторической царицей Тамарой. Это смѣшеніе происходитъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, когда царица Тамара, поэтъ Руставели и другіе знаменитые дѣятели прошлой Грузіи стали появляться на этикетахъ и обложкахъ.

А. Хахановъ.

Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится?

По этому вопросу, чрезвычайно важному для уясненія религіозныхъ воззрѣній народа, мы получили два краткія сообщенія, которыя и печатаемъ съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе нашихъ этнографовъ, которые, надѣемся, не замедлятъ сообщить намъ дополнительныя данныя,

имѣющіяся у нихъ подъ рукою. Первая изъ нижеприводимыхъ замѣтокъ относится специально къ Москвѣ, а вторая получена изъ Купянска, Харьк. губ., и не приурочивается къ опредѣленной мѣстности.

I.

Чтобы исполнилось желаніе, надо пойти помолиться 9 разъ въ часовню Иверской В. М., или 6 разъ въ Архангелъскій соборъ, или поставить 40 свѣчей къ образу Спасителя на Спасскихъ воротахъ, или помолиться въ часовнѣ „Советъ Ангеловъ“ у Спасскихъ воротъ.

Если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, служить молебень Параскевѣ Пятницѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (больничная церковь). Тутъ есть рѣзное изображеніе святой, напоминающее католическія статуи. На ноги святой надѣваютъ дѣтскую обувь, которую потомъ даютъ носить ребенку.

Когда больной долго томится въ агоніи, идутъ въ Страстной монастырь молиться св. Анастасіи Узоръшительницѣ, служить молебень, покупаютъ крестикъ и надѣваютъ на больного.

Туда же ходятъ молиться о благополучномъ окончаніи родовъ. Служатъ молебень и надѣваютъ на голову молящейся женщины вѣнчикъ съ образа святой.

О томъ же молятся у Николы Гостунскаго, на Ивановской колокольнѣ.

О томъ же молятся въ Вознесенскомъ монастырѣ у мощей св. Евфросиньи. Здѣсь же молятся объ исцѣленіи страдающихъ запоемъ: берутъ песокъ изъ раки и тихонько подсыпаютъ его въ питье страдающему.

Въ церковь св. Трифона близъ Марьиной рощи идутъ молиться о скоромъ замужествѣ.

О томъ же молятся въ церкви Прасковіи Пятницы, въ Охотномъ ряду.

Въ Даниловъ монастырь ѣздятъ въ високосный годъ молиться передъ образомъ св. Кассіана Римлянина, чтобы годъ обошелся благополучно.

Сообщ. В. Харузина.

II.

Препод. Нифонтъ (дек. 23), св. Маруфа (февр. 16)—особенные молитвенники о прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣка и скота.

Преп. Мартиніанъ (февр. 13), Іоаннъ Многострадальный (юня 18), Моисей Угринъ (юля 26), муч. Ѡманда (апр. 13)—объ избавленіи отъ блуднаго влеченія и страстей.

Пр. Ипатій (март. 31), Романъ Чудотворецъ (ноябр. 27)—о разрѣшеніи отъ неплодія и безчадія.

Св. Симеонъ Богопріимецъ, Анна Пророчиц
городица Тихвинская—о сохраненіи здравія младенцевъ.

Св. великомуч. Варвара, великомуч. Садофъ (окт. 19), священномуч. Харлампій (февр. 10)—о сохраненіи отъ внезапныхъ болѣзней и нечаянной, безъ покаянія, смерти.

Священномуч. Логгінъ Сотникъ (окт. 16), преп. Онуфрій Великій (іюн. 12)—объ избавленіи отъ глазныхъ болѣзней.

Мучен. Воиѳатій (дек. 19), Моисей Муринъ (авг. 28)—объ избавленіи отъ виннаго запоя.

Муч. Флоръ и Лавръ (авг. 18)—объ избавленіи отъ конскаго падежа.

Муч. Іоаннъ воинъ (іюля 30), Ѳеодоръ Тиронъ (февр. 17)—о томъ же и объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ.

Богородица Казанская, св. Мина Египтянинъ (нояб. 11) Лаврентій архидіаконъ (авг. 10), Логгінъ Сотникъ—о прозрѣніи отъ слѣпоты.

Св. прор. Іоаннъ Предтеча—отъ болѣзней головы.

Муч. Антипа (апр. 11)—отъ болѣзней зубовъ.

Великомуч. Артемій (окт. 20)—объ избавленіи отъ грыжъ и болѣзней живота.

Богородица Ѳеодоровская (авг. 16), великомуч. Екатерина—объ избавленіи отъ трудныхъ родовъ.

Великомуч. Никита—объ избавленіи младенцевъ отъ родимца.

Муч. Кононъ Исаврійскій (март. 5)—объ избавленіи отъ оспы.

Св. безсребренники Косьма и Даміанъ (ноябр. 1)—о просвѣщеніи разума къ ученію.

Богородица Неопалимая Купина (сент. 4), св. Никита Новгородскій (январ. 31)—о сохраненіи отъ пожара и молніи.

Св. Модестъ (дек. 18), священномуч. Власій (февр. 11)—объ избавленіи отъ скотскаго падежа.

Св. мучен. Іустина (окт. 2)—о сохраненіи отъ злого чарованія.

Преп. Василій Новый (мар. 26), мучч. Фотинія Самарянка (марта 20), преп. Маронъ (февр. 14)—объ избавленіи отъ лихорадки.

Св. Николай Чудотворецъ—объ избавленіи отъ потопленія на водѣ, отъ бѣдъ, скорбей и напастей, клеветы и оскорбленій.

Св. великомуч. Георгій—объ избавленіи скота отъ болѣзней и съѣденія звѣрами.

Св. пророкъ Ілія—о дождѣ и благораствореніи воздуха и объ избавленіи отъ молніи.

Св. Паисій и св. Василій Великій—объ избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія.

Сообщ. П. В. Ивановъ.

Материалы для словаря условнаго языка.

II.

Свѣдѣнія о „масовскомъ“ языкѣ одоевскихъ торговцевъ, извлеченныя нами изъ „Очерковъ города Одоева“ (см. „Этн. Обзор.“ XXXIII, 152), считаемъ не лишнимъ дополнить перепечаткою (въ сокращеніи) небольшой замѣтки П. Мартынова: „Одоевскіе прасолы и ихъ особенный разговорный языкъ“ („Тульск. Губ. Вѣд.“ 1870, № 44, стр. 577—578). Авторъ прежде всего объясняетъ краткія тогдашнія экономическія условія мѣстной жизни, создавшія особый классъ мелкихъ торговцевъ, даетъ краткую характеристику послѣднихъ, и затѣмъ приводитъ нѣкоторые образцы прасольскаго условнаго языка.

„Одоевъ, говоритъ авторъ, при своемъ 4-тысячномъ населеніи, между другими уѣздными городами со стороны экономической представляетъ довольно неутѣшительную картину. Не говоря уже о какой-нибудь крупной и заводской промышленности, въ Одоевѣ нѣтъ даже многихъ необходимыхъ ремеселъ и промысловъ, кромѣ процвѣтающаго ремесла портняжнихъ и сапожниковъ. Правда, тутъ существуетъ небольшой кожевенный заводъ, два-три кирпичныя, двѣ воскобойни, маслобойня и только. Еще довольно развито пенькотренальное дѣло (около 100 тыс. пуд. для одного Бѣлева), преимущественно среди крестьянъ с. Плахина, Козельскаго уѣзда. Въ уездѣ устроено нѣсколько винокуренныхъ заводовъ. Зато многіе самые необходимые предметы жизни, производство которыхъ у себя на мѣстѣ не потребовало бы большихъ средствъ и мудрости, приобрѣтаются въ сосѣднихъ мѣстахъ: сальныя и восковыя свѣчи, напримѣръ, въ Бѣлевѣ и Тулѣ, веревки и бичевка въ Бѣлевѣ, патока въ Крапивнѣ, писчая и оберточная бумага въ Лихвинсксмъ уездѣ и проч. Если бы нѣкоторые изъ этихъ предметовъ производились на мѣстѣ, то, во-первыхъ, они обходились бы себѣ дешевле, слѣдовательно, приносили бы пользу производителю, во-вторыхъ, выработка ихъ заняла бы не мало готовыхъ на трудъ рукъ.

Совершенное неимѣніе многихъ ремеселъ и промысловъ и нѣкоторыя мѣстныя условія (существованіе, напримѣръ, многихъ ярмарокъ), при отсутствіи капиталовъ и при существующемъ пролетаріатѣ, по необходимости, породило здѣсь особый мелкій торговый классъ—прасоловъ. Тутъ филологическое значеніе слова „прасоль“ вполне обрисовываетъ и, такъ сказать, исчерпываетъ до дна социальный и семейный бытъ подобнаго горожанина: оно рельефно представляетъ понятіе о личности, какъ говорится, просоленной въ опытахъ житейской мудрости до крайнихъ предѣловъ и испытывавшей нужду во всѣхъ ея родахъ и видахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изумляешься неистощимой оборотливости и смѣтливости, и желѣзному терпѣнію прасола, съ товарною котомкою на плечахъ (у счастливецъ найдется и лошадака съ упряжью) проходящаго въ сотый разъ мѣста своего уѣзда и предлагающаго крестьянскому люду за горсть

пеньки, нѣсколько фунтовъ тряпокъ, десятокъ яицъ и прочія вещи изъ сельской жизни—свои платочки, тесемочки, крючки, пуговики и другой товаръ; укажи надобность, прасоль не откажется продать или промѣнять на подходящій продуктъ свою телѣгу и лошадь, свои сапоги и какую-нибудь другую вещь изъ своего скуднаго гардероба: торговля и мѣна есть его стихія и, въ виду представляющагося интереса, у него вѣтъ ничего завѣтнаго. Зато у оборотливаго торговца, при возвращеніи изъ уѣзда въ Одоевъ, увидишь на телѣгѣ и шкуру съ лошади, и пеньку, и тряпку, и вошпуну, и щетину; всей этой композиціи, купленной иногда на занятыя деньги, прасоль тотчасъ же находитъ мѣсто—и опять на промыселъ. Какъ бы то ни было, но подобнымъ меркантильнымъ промысломъ прокармливаются здѣсь съ семействами около 200 человекъ, довольныхъ своимъ положеніемъ столько же, сколько, можетъ быть, имъ доволенъ обезпеченный во всемъ богачъ.

Сущестующія въ Одоевѣ семь небольшихъ ярмарокъ, конечно, сильно поддерживаютъ матеріальныя средства прасола. Если у него въ эти дни какимъ-нибудь образомъ случится 10—15 цѣлковыхъ въ карманѣ, то онъ, пуская въ оборотъ свою практичность и смѣтливость, заработаетъ себѣ хлѣбъ и на цѣлыя недѣли. Но если бы, положимъ, у прасола въ ярмарочные дни завелось безденежье, то онъ, з. бывая на время свою самостоятельность, дѣлается работникомъ другого за извѣстный гонораръ. Встрѣчаются, подчасъ, и компаніи на акціяхъ.

У прасоловъ, при дѣловомъ разговорѣ между собою,—конечно, съ своими цѣльями,—искови существуетъ свой языкъ—„масавскій“—нашинскій (отъ притяжательнаго мѣстоименія „маса“,—нашъ); понимаемый, впрочемъ, не только всѣмъ мужскимъ народонаселеніемъ города, но и нѣкоторыми женщинами и дѣтьми.

Особенности этого языка, нисколько, кажется, непохожаго на языкъ офеней, заключаются въ томъ, что онъ, большею частью, состоитъ изъ именъ существительныхъ, неизмѣняемыхъ часто въ окончаніяхъ; въ немъ мало глаголовъ, еще меньше нарѣчій и именъ прилагательныхъ; мѣстоименій пять: я, ты, онъ, нашъ, ничто. Къ каждому предложенію прибавляется странное слово „спрушъ!“, которое иногда означаетъ звательный надежъ: братъ! другъ! а иногда имѣетъ значеніе повелительнаго наклоненія: послушай! Счетъ, кажется, до сотни тысячъ и очень трудный, при совокупленіи единицъ съ десятками, сотнями и тысячами.

Далѣе авторъ приводитъ примѣръ разговора двухъ прасоловъ въ штейномъ домѣ:

— Спрушъ! Тарна выкерить в-	Послушай! Вина выпить хочешь?
чишь?	
— Не хило	Не худо.
— Кулико стяхивать?	Сколько братъ?
— На верешникъ.	На гривенникъ.
— Ласо!	Мало.
— Ну, на бакры верешникъ.	Ну, на двугривенный.

— Стягивай! Клево будетъ.	Верн! хорошо будетъ.
(Выпивши) А тарко клевое?	А вино хорошее?
— Да, клевое.	Да, хорошее.
— Спрушь! Клево я обушилъ зле-	Послушай! Хорошо я обманулъ му-
па въ зетки?	жика во ржи?
— Не челдай! наса ухлютъ.	Не говори! зась поймутъ.
— Ни сапа не ухлютъ.	Ничего не поймутъ.
— Маса сары кадятса за патры-	Мои деньги лежатъ за пазухой.
— А маса сары у максы. [хай.	А мои деньги у матери.

Если вышеизложенныя условія быта одоевцевъ уже и успѣли намѣнить-ся втеченіе значительнаго промежутка времени, около 30 лѣтъ, то ихъ „масо(а?)вскій“ языкъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущей замѣтки, продолжаетъ жить среди нихъ и въ настоящее время, при чемъ не у однихъ прасоловъ, а вообще въ средѣ городского торговаго класса, въ который вошли, конечно, многіе изъ прежнихъ прасоловъ и ихъ потомковъ, успѣвшихъ разжиться и внесшихъ съ собою и свой языкъ въ среду болѣе широкаго употребленія. Сравненіе вышеприведеннаго прасольскаго разговора начала 70-хъ годовъ съ образцами современнаго масовскаго языка въ предыдущей замѣткѣ, равно какъ и самое его названіе—показываютъ, что это одинъ и тотъ же жаргонъ. Что же касается утвержденія г. Мартынова, будто этотъ языкъ нисколько не похожъ на языкъ офеней, то этотъ вопросъ остается спорнымъ.

Н. Я.

III.

Приводимые ниже матеріалы по условному языку составились изъ небольшого словаря, переданнаго мнѣ крестьяниномъ села Верхній Бѣломуть (Зарайск. у., Рязанск. губ.) В. К. Влазневымъ, и изъ моихъ записей, сдѣланныхъ въ томъ же селѣ.

Наблюденія В. К. Влазнева относятся къ условному языку, который употребляютъ мѣстные портные-старикъ ¹⁾. Мои записи сдѣланы со словъ крестьянина Ѡ. С. Челышкина, торгующаго въ Бѣломутѣ дитками, иголками; портновскимъ прикладомъ и пр. Ѡ. С. Челышкинъ, уроженецъ Владимирской губерніи, раньше былъ офеней и свой условный языкъ называетъ офенскимъ; по его словамъ, офени первые выдумали этотъ языкъ, и портные, кузнецы и прочіе ремесленники выучились ему уже отъ нихъ. Въ записяхъ В. К. Влазнева условный языкъ бѣлоомутскихъ портныхъ тоже названъ офенскимъ, хотя сравненіе словарей В. К. Влазнева и моего обнаруживаетъ разницу въ передачѣ нѣкоторыхъ словъ бѣлоомутскими портными и владимирскими офенями. По словамъ Челышкина, офени употребляли условный языкъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли

¹⁾ Жители селъ Верхній и Нижній Бѣломуть почти все портные, работающіе на крупныя московскія магазины готоваго платья. Н. М. Списки словъ портновскаго языка сообщены Н. С. Усовымъ и В. И. Чернышевскимъ въ „Изв. отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н.“. 1898, I, 247.—262. Ред.

скрыть отъ постороннихъ свои торговыя тайны, но и въ разговорахъ обыденныхъ, не имѣющихъ отношенія къ ихъ профессіи.

а) В. К. Влазевымъ составленъ слѣдующій списокъ словъ и выраженій:

хлѣбъ—сумарь	ударить—космыргнуть
квасъ—букаварь	работать—клюжить
щи—иргучка	работа—клюжка
гривенникъ—марашникъ	мало работы—ласа клюжки
пятакъ—пезекъ	хозяинъ—пощенокъ
рубль—хрусть	мальчикъ—пощеникъ
платинникъ—ламашигъ	хозяйка—паника
пирогъ—спидягъ	дѣвица—котеревъ
ѣсть—бръять	чай—шлесенка
продать—пропулить	водка—гомыра
перемѣнить вещь—переначъ	хорошій—клевый
скорый—отдѣкай	нехорошій—неклевый
деньги— $\left\{ \begin{array}{l} \text{сара} \\ \text{ботни} \end{array} \right.$	пьяный—бусой,
итти—хлить	взягъ остатокъ отъ материала—потя-
пошегъ—похлгъ	нулъ шмыгъ.

б) Мною записаны слѣдующія слова и фразы:

хлѣбъ—сумарь	чайникъ—щаванникъ
квасъ—букаварь	сахаръ—сластикъ
ложка—свербѣлка	трактиръ—тарантёръ
ножикъ—жуликъ	итти—хлить
чай—щаваягъ	пить—бусать
чашка—щавѣ	
Похлгмъ въ тарантёръ щаванъ бусать—Пойдемъ въ трактиръ чай пить.	
Щѣ—пучки	запрягать—забѣтлывать
похлебка—посвѣрка	уѣхать—уѣрчить
лошадь—ловѣкъ	даромъ, не платя—зашарма
Забѣтлывый ловака, уѣрчить зашарма—Запрягай лошадь, уѣдемъ не платя.	
Заплатить—заплатятъ	пять—пѣнда
деньги—сара	шесть—шѣнда
корова—облыря	семь—севѣмъ
продать—пропулить	восемь—вѣндара
мужики—дохѣ	девять—дѣвера
парни—лощѣта	десять—дѣсанъ
дѣвки—крюкы	дюжина—брысъ
бутылка—бухлянка	папироса—ѳбка
рюмка—ласнянка	курить—хулить
одинъ, а, о—ѣный, ая, ое	спички—дульѣшницы
два—дзю	мнѣ, (у) меня—масѣди
три—стрѣмъ	тебѣ—басвѣ
четыре—тисѣра	ему—чнему

давать—бѣреть	оставаться—остычьтѣсь
отдавать—отбѣрять	
Бирь масѣди ѡбу подулить—Дай мнѣ папиросу покурить.	
У масѣди ѡная остычлася—У меня одна осталась.	
Плохой, бѣдный—хилый	гривенникъ—маршникъ
много—хлѣба	рубль—хрусть
мало—лѣса	2 рубля—даю хрустовъ
немного—ласѣяко	копейка—траѡёлка
четвертакъ—дзюмаръ съ пѣнзикоу	три копейки—стрѣитъ траѡёлъ
30 копеекъ—стрѣмаръ	на ночевую—на меркушу
75 копеекъ—сезюмаръ съ пѣнзикоу	здѣсь—здѣбѣсь
60 копеекъ—шѣндамаръ	дальше—щавѣе
80 копеекъ—вондамаръ	самоваръ—самодулъ
90 копеекъ—дивермаръ	поставать—постычьтъ
Здѣбѣсь остычимся на меркушу или щавѣе поѡрчить?	
Здѣсь останемся на ночевую или дальше поѡдемъ?	
Здѣбѣсь остычимся, самодулъ постычьтъ.	
Здѣсь останемоя, самоваръ поставимъ.	
Староста—скуршиня	лампадка—масленица
сапоги—лопухи	обмануть—обстычьтъ
надѣть—наептурить	аршинъ—куршинъ
снять—съептурить	счета—щудѣты
рубаха—волѡха	скорѣе—рахѣе
штаны—еврахи	встать—встычьтъ
шапка—самогрѣйна	бить—вахлѣтъ
шить—стебунѣтъ	сильнѣе—хлѣбже
иконы—стадѣ	
Вахлѣй хлѣбже, чтобы не встычьтъ—Бей сильнѣе, чтобы не всталъ.	
Пьяный—бусѡй	кошелекъ—самодѣлъ
трезвый—не выбусамши	бумага—пиальмига
отрѣзвать—отцѣпать	богатый—стадневатый
вода—булѣй	земля—сивуха
тедѣга—самоѡадуха	писать—вѣтирить
картофель—шертѡха	письмо—вѣтирка
капустя—шепуста	прочитать—прошѣпалить
Прошѣпалѣ вѣтирку—Прочти письмо.	

Н. Мендельсонъ.

Не Русские, а Словаки!

Въ 1895 г. редакторъ журнала „Slovenské Pohľady“, г. Шкультети, высказалъ мнѣнїе, что словаки по вѣроисповѣданїю не только католики и протестанты, но и *унїаты* (№ 6). Оно вызвало, на страницахъ того же журнала, возраженїя со стороны одного изъ знатоковъ Словенщины, ко-

торый, между прочимъ, заявилъ, что всѣ уніаты словенскихъ комитатовъ имеютъ себя *руснаками*, въ то время какъ живущіе съ ними рядомъ протестанты и католики называются словаками. Но г. Шкульгети остался при своемъ мнѣніи. По его убѣжденію, одно названіе не имѣетъ значенія.

Полемика не дала результатовъ по неизмѣнно сколько-нибудь надежныхъ этнографическихъ данныхъ о спорныхъ уніатахъ ¹⁾. Она имѣла въ виду по преимуществу жителей сѣверной Угорщины, но намъ она пригодилась относительно такъ называемыхъ русскихъ въ Бачкѣ, въ южной Угорщинѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 1890 г. нѣкто *Врабель* „на воззваніе отличнѣйшихъ *бачванско-русскихъ братьевъ*“ издалъ въ Унгварѣ книжку: „Русскій соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ“. Часть ея занимаютъ „Народныя пѣсни на *бачванскомъ* и *земплинскомъ діалектѣ*“ (стр. 95 слѣд.). Онѣ поразили насъ своимъ языкомъ. Хотя безхитростная запись ихъ очевиднѣйшимъ образомъ не точна, тѣмъ не менѣе изъ нея можно было усмотрѣть главныя особенности бачванскаго говора. Послѣдній на насъ произвелъ впечатлѣніе словацкаго говора, съ обычною во многихъ словацкихъ говорахъ примѣсью неважныхъ руссизмовъ; никакихъ основаній для названія его малорусскимъ или вообще русскимъ мы не могли въ немъ найти. Впрочемъ, вотъ одна бачванская пѣсня, остановившая тогда наше вниманіе. Пусть читатель прочтетъ ее и судить самъ:

А тамъ горе на поточку
 Цече (течетъ) водичка съ паленочку,
 Цече, пече, але мутна.
 Прецо (почему) ти (ты), мила, такъ смутна?
 Якъ же я знамъ смутна не буць (быть),—
 Женише (женится) фраеръ, цо (что) мня малъ вжаць (взять).
 Най ше жени, най му будзе—
 Умре му жена, вдовець будзе,
 Вдовець будзе, а я—дзивка,
 Еще я будземъ (буду) его женка.

Въ 1893 г. вышелъ въ Унгварѣ интересный трудъ мѣстнаго священника *Сабоса* „Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ, съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ“, гдѣ, на стр. 229 слѣд., помѣщены образцы „нарѣчія *бачванскихъ русскихъ*“, заимствованные изъ „Русскаго Соловья“, безъ всякихъ оговорокъ и замѣчаній, съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ точности.

¹⁾ Объ этой полемикѣ см. нашу замѣтку въ *Живой Старинѣ* 1895 г., вып. II, стр. 235. А. С.

Статьи Slovensk'ихъ Pohl'ad'ovъ привели насъ къ предположенію, что бачванскіе русскіе не что иное, какъ словаки-уніаты, привыкшіе считать себя русскими и извѣстные у сосѣдей подъ именемъ русскихъ, но по языку (а вѣроятно, и по другимъ этнографическимъ признакамъ) не имѣющие правъ на это имя.

Недавно мы получили книгу 2-ю за 1898 г. „Записокъ наукового товариства имени Шевченка“ (Львовъ) и увидѣли въ ней статью: „Рускі оселі в Бачці“, г. *Гватюка*. Богатая записями бачванской рѣчи и притомъ записями, очевидно, очень точными, она не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что бачванскіе русскіе—словаки-уніаты, говорящіе довольно чистымъ словацкимъ говоромъ, съ незначительною примѣсью русскаго и польскаго элементовъ. У нихъ совершенно нѣтъ словъ съ полногласіемъ (хлапец, крава, драга—дорѳга, плава—полова и т. п.); т смягчается въ ч: (вече—больше и т. п.); древнее *н* звучитъ то какъ великорусское *и*, то какъ *е* (млѣко—млѣко, плава, человек, нѣвеста и т. п.); древніе *и* и *ы* звучатъ какъ великорусское *и* (вѣход, вѣорала, мѣ—мы, до пернѣ, род., богатѣ, чеснѣ, им. ед. муж.); малорусскій переходъ *е* и *о* въ извѣстныхъ случаяхъ въ *і*, *у* и др., кромѣ нѣсколькихъ словъ, отсутствуетъ (войско, рок, одговор). Зато они произносятъ, вмѣстѣ со многими другими словаками, всякое мягкое *д*, *т*, *с*, *з* какъ *дз*, *ц*, *ш*, *ж*: дземац—десять, жима—зима и т. п., имѣютъ *д* передъ *л*: складло, прош. вр., моллц—молить, формы 3-го лица обонхъ чиселъ безъ *ть*: могу, ору, мн. ч., чо—что, сом—есмь ¹⁾.

А. Соболевскій.

¹⁾ Нѣкоторыя фонетическія замѣчанія почтеннаго автора кажутся намъ вѣскольکو спорными. Такъ, напримѣръ, „войско“, а не „вѣско“ говорятъ малоруссы въ очень многихъ мѣстностяхъ Украйны и Галичины, такъ что, напримѣръ, Желеховскій въ своемъ Словарѣ принимаетъ „войско“ за норму, а „вѣско“ за исключеніе; „говоръ“, а не „говіръ“ попадаетъ у Квитки-Основьяненка, а также аналогичные примѣры нерѣдки и въ чисто народной рѣчи, именно *о* въ закрытомъ слогѣ безъ ударенія не всегда измѣняется, въ *и*, *уи*, *у*, *уо* (срв., нпр., въ нижеслѣдующей на оборотѣ купальской пѣснѣ „яворъ“, общепотребительное слово „ѣбопъ“ и т. п.), причѣмъ особенно часто это явленіе въ рѣчи западныхъ малоруссовъ, въ Забужьѣ: „гѣмонъ“, „радѣсть“ и т. д.; наконецъ въ словѣ „говоръ“ можно и еще найти причину для объясненія неизмѣняющагося *о*, если принять во вниманіе формы *gwag*, *gwaga*. Предлогъ „въ“ звучитъ „вѣ“ не только на Угорщинѣ, но и въ Галичинѣ, и на Буковинѣ; *і* вместо *и* въ им. пад. ед. ч. прилагательныхъ встрѣчается не разъ у подлинника Руданскаго; отсутствіе *ть* въ 3-мъ лицѣ множ. числа постоянно отлѣчается у Федьковича. Но въ одномъ авторъ безусловно правъ: рѣчь бачванскихъ русиновъ—уже словацкая. Если ихъ еще можно называть русинами, то исключительно въ силу ихъ русскаго происхожденія.

Редакторъ чешскаго изданія „Národopisný Sborník“, *Frant Pastrnek*, въ 3-мъ выпускѣ своего сборника (1898, стр. 60—66), коснувшись этого вопроса

Дополненія къ свѣдѣніямъ объ Иванѣ Купалѣ и о заплатахъ въ Малороссіи.

а) Иванъ Купала.

Къ сообщеннымъ въ XXXVII кн. „Э. О.“ (стр. 128—131) свѣдѣніямъ о празднованіи Купалы въ Малороссіи прибавимъ еще слѣдующее:

Въ Черкассахъ, Киев. г., ночью передъ Иваномъ Купаломъ дивчата, собираясь кучками къ водѣ, бросаютъ въ воду вѣнки, тутъ же купаются сами и поютъ слѣдующую довольно распространенную пѣсню (срв., напр. у Лисенка въ „Збірникъ“, вып. III, № 26, стр. 52—53, также варианты въ „Кіевской Старинѣ“, 1883 г., февр., стр. 379, и др.):

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
Щей тыхише дивка косу чеше.
Чеше вона, чеше, тай на Дунай несе:
Плывы,плывы, косо, по-надъ берегамы,
А я пиду темными лугамы.
А въ темнимъ луви яворъ зеленевый,
Пидъ яворомъ конекъ молоденький,
На коньку сидло золотеньке,
На сидельци козакъ молоденький.
Сыдыть же винъ, на скрипочку грае,
Струна струни стыха промовляе:
Шо немає краю у тихому Дунаю,
Шо немає спыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума молоду дивчину.
Мыни, парю, та прышыють квитку,
Тоби, дивко, надивнуть намитку.

приводить нѣкоторыя записи живой рѣчи словаковъ-униатовъ изъ восточной Венгрии (Земплинска округа), называющихъ себя sloviak'ами и говорящихъ, какъ они убѣждены, ро slovenski. Записи сдѣланы норвежскимъ славистомъ Olaf'омъ Broch'омъ и напечатаны первоначально въ его изслѣдованіи: „Studien von der Slovakisch - Kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn“ (Kristiania, 1897, стр. 76). Оставляя филологическій разборъ этихъ записей до другого раза и общая имъ заняться въ специальномъ изданіи „Listy filologické“ (гдѣ онъ уже мимоходомъ касался этого вопроса, 1898, стр. 154—155), г. Пастрнекъ высказываетъ общій взглядъ, что эти словаки не кто иной, какъ ословачившіеся малоруссы, забывшіе свой родной языкъ и оставшіеся вѣрными лишь своей религіи. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что изслѣдованіе Ол. Броча: „Уггоруусское нарѣчіе села Убли“ (Земплинска. комитата) должно войти во II-й томъ издаваемыхъ И. Академією Наукъ „Исслѣдованій по русскому языку“ см. Отчетъ о дѣят. отдѣленія русс. языка и слов. И. Ак. Н. за 1898 г., стр. 3).

Ред.

б) Малорусскія заплачки.

6. (Нѣжинскій уѣздъ, Черн. губ.)¹⁾.

№ 34. (По матери). Й-а матю́нко, моя матю́нко, матю́нко моя голу-
 бонько, матю́нко моя завулечко, матю́нко моя кавулочко, матю́нко
 моя орлечко, матю́нко моя соколечко! Кому жъ вы мене, моя матю́нко,
 такую несчастливую вручаєте, на кого жъ вы, моя матю́нко, тепера мене
 покидаєте? Отаку несчастну, отаку бесталанну мене, матю́нко, покидаєте,
 отаку недосугу, отаку й недоудугу, моя матю́нко!... Ой, хто жъ мене буде
 тепера, моя матю́нко, дилечка учыты, дилечка робыты? Да такъ же
 мыни, моя матю́нко, тяжко, да такъ же мыни, моя матю́нко, важко у
 чужыхъ матерочокъ дилечко робыты, чужымъ матерочкамъ годыты... Я
 жъ у васъ, моя матю́нко, хотъ зробыла, хотъ не зробыла, да некто того
 не знае, а у чужой матю́нки що не зробию, уси знають, уси мене су-
 дять; да я жъ у васъ, моя матю́нко, хотъ служыла, да я жъ до васъ,
 моя матю́нко, на порадовьку ходыла... Да я жъ, моя матю́нко, прыду
 въ недилю п'ять, въ недилю десять разъ, да вы жъ мене, моя ма-
 тю́нко, мене стричаєте, да вы жъ мене, моя матю́нко, пытаєте; теперъ
 же-никому буде, моя матю́нко, мене стричаты, теперъ же никому буде
 усю правду казаты; никому жъ мене пораждать, никому мене научаты,
 моя матю́нко... А теперъ же, моя матю́нко, хочъ я й прыду, да ни до
 кого мыни, моя матю́нко, голу́вки прыхылыты... Да я жъ не знаю, моя
 матю́нко, кому вирній годыты, кому лучше служыты. Да никому мене,
 моя матю́нко, тоди порадыты, да я жъ кому тоди буду, моя матю́нко,
 годыты? Я жъ буду на чужуй сторонѣ жыты, да чужымъ батькамъ го-
 дыты... Да хто жъ до мене, моя матю́нко, озовеца однимъ словечкомъ,
 дакъ я жъ ёму й трое... Да я жъ теперъ хочъ служыла, да я жъ до
 васъ, моя матю́нко, на порадѣ ходыла, а тепера, моя матю́нко, служы-
 тьму, да до нікого на порадѣ ходыты... Да кому жъ вы насъ, моя
 матю́нко, покидаєте, да кому жъ вы насъ, моя матю́нко, поручаєте?...
 А де се на васъ, моя матю́нко, смертонька узаялась? Чы васъ завульки
 одковалы, чы васъ соловейки ошебеталы?... Чы вы, моя матю́нко, на мене-
 таку несчастну, таку бежчасну, такой великый гневъ положили? Да звы-
 нить, моя матю́нко, звынить, моя утю́нко, звынить, моя голубонько! Да
 я жъ до васъ не ходыла, да я жъ вамъ и дилечка не робыла, да я жъ
 вамъ, моя матю́нко, постели не слала, да я жъ вамъ, моя матю́нко, воды
 не давала... Да я жъ вамъ, моя матю́нко, дило бъ робыла, дакъ я жъ,
 моя матю́нко, не знала, якъ робыть. Да я жъ, моя матю́нко, чужымъ
 батькамъ дило робыла, да ще й поспиналася и похваталася, моя ма-
 тю́нко, до васъ до вирной правды поспиналася, да я жъ васъ, моя

¹⁾ См. XXXVIII кн. „Э. О.“, стр. 96—107. Приводимыя здѣсь двѣ заплачки
 записаны въ г. Ирмѣ г. Браиловскимъ, напечатаннымъ часть подобнаго ма-
 териала въ „Русс. Филол. Вѣстн.“ за 1884 г. Записи сдѣланы со словъ дѣ-
 вушки еще въ 1890 г. знаки ŷ, ю означаютъ диетонги уи, юи.

матю́нко, не застала... Да кому жъ вы насъ, моя матю́нко, приклопяете, да кому жъ вы насъ, моя матю́нко, приручаете? да хто жъ намъ усю правдо́нку казатыме?... Въ яку сторонку, моя утю́нко, зраждаетесь? А чы се жъ вы до тю́тки, а чы се жъ, моя матю́нко, до дя́дка? Вже жъ вы, моя матю́нко, не въ ту край повернули, не въ ту улочку пошлы; то вже жъ вы, моя матю́нко, ты улочки помыналы, то вже жъ вы насъ, моя матю́нко, покидады...—Братики мои соколята, братики мои янголята, братики мои недолугы, братики мои недосугы! ой просить же вы сво́ей матю́нки, просить же вы сво́ей порадо́нки, а нехай же вамъ, мои братики, и порадо́нку дають, нехай же васъ научають, нехай же васъ пораджають, мои братики... Сестрыци мои зозульки, сестрыци мои кавульки! ой, просить же вы сво́ей матю́нки на останьнѣй дорю́жеци, и просить же вы, прохайте и примечайте же вы, мои сестрыци, у сво́ей матю́нки, и познавайте йи по поху́доньци и по прырудо́ньци; и просить же вы, мои сестрыци, свою матю́нку у гости. Коли жъ намъ йихъ выждаты, коли жъ намъ йихъ вызыраты? Эъ якои-жъ васъ стору́ноньки, моя матю́нко, изъ якои жъ васъ крайноньки, моя матю́нко? Ой, прысылайте-жъ намъ порадо́нку, моя матю́нко, хоть соловейкомъ, хоть зазулею, моя матю́нко; нехай же воны намъ, моя матю́нко, и порадо́нку дають и розгадо́нку, моя матю́нко... Да я жъ буду ходыты, да я жъ бу у васъ, моя матю́нко; познаваты й вызыраты, моя матю́нко...

№ 35. (*По братю*). Братику мѣй голубчыку, братику мѣй орляку, братику мѣй соколыку! Куда се жъ вы идете, куда се вы отходьте, куда се вы вбьраетесь, куда се вы одражаетесь?... Искажить же мыни, озовиця жъ до мене. мѣй братику, хоча жъ однимъ словечкомъ на останьнѣй дорожеци, мѣй братику!... Извынить, мѣй братику, извынить мыни, мѣй соколыку! Братику мѣй голубчыку, братику мѣй соколыку, на кого се вы гиньвъ положиы? Чы се жъ вы на мене, чы на мою матю́нку, такую недолугу, чы на мою матю́нку, такую недосугу, чы се жъ вы на своего батю́нка такого нещаслывого, чы на свойихъ братиковъ такихъ нещаслывыхъ, чы на старшого, чы на пудстаршого...

Сообщ. А. Н. Малинка.

Критика и библиографія.

Эрнстъ Гроссе. *Формы семьи и формы хозяйства* (*E. Grosse. Die Formen der Familie und die Formen der Wirthschaft*). Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе книжн. магазина „Ближнее дѣло“. Москва. 1898 8°, 237 стр. Ц. 1 р.

О книгѣ Гроссе уже была рѣчь въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“ (XIX). Въ настоящее время, въ виду появленія ея въ русскомъ переводѣ, мы позволимъ себѣ еще разъ поговорить о ней нѣсколько подробно.

По исторіи семьи накопилаcь такая громадная литература, что ко всякой новой попыткѣ взяться за рѣшеніе этого вопроса приходится предъявлять очень строгія требованія, и надо признаться, что разбираемая нами книга Гроссе удовлетворяетъ имъ въ очень слабой степени. Авторъ ея примыкаетъ къ сторонникамъ патриархальной теоріи развитія семьи и является непосредственнымъ продолжателемъ Старке и Вестермарка. Съ противоположной, такъ называемой „матриархальной“ теоріей Гроссе не церемонится и даже не считаетъ нужнымъ заняться разборомъ ея положеній. „Мы не имѣемъ здѣсь никакого повода подробно излагать и оцѣнивать тѣ „аргументы“, которыми стараются поддержать несчастную теорію. Она теперь осуждена, и чѣмъ скорѣе забудется этотъ грѣхъ молодости социологій, тѣмъ лучше“ (стр. 60, прим.), — говоритъ онъ и затѣмъ отсылаетъ читателя къ книгѣ Вестермарка. Нечего и говорить, что такое упрощенное отношеніе къ вопросу лишено всякихъ основаній, и считать, что наука окончательно сдала въ архивъ матриархальную теорію, по малой мѣрѣ, преждевременно.

Дать *исторію развитія* семьи Гроссе считаетъ въ настоящее время невозможнымъ ни для себя, ни для кого-либо другого; современные задачи въ этой области, по его мнѣнію, гораздо скромнѣе, а именно, накопленіе и упорядоченіе матеріала. Въ частности, для себя онъ ставитъ цѣлью упорядоченіе этнографическаго и историческаго матеріала путемъ распредѣленія главныхъ типовъ семейной и родственной организаціи по опредѣленнымъ типамъ хозяйственной жизни, внутри которыхъ первые выросли. Его задача, слѣдовательно, прослѣдить зависимость формъ семьи отъ формъ хозяйства. Сверхъ того намъ авторъ предлагаетъ ограничиться только „данными въ дѣйствительности формами“ и совершенно отказывается отъ „метода истолкованія“ (*Methode der Deu-*

tung), т. е. отъ восстановления уже исчезнувшихъ формъ путемъ анализа, истолкованія сохранившихся отъ нихъ остатковъ, переживаній. Всѣ эти авторскія замѣчанія, а также тотъ фактъ, что критика построеній другихъ ученыхъ у Гроссе совершенно отсутствуетъ, заставляютъ насъ особенно внимательно отнестись къ тому фактическому матеріалу, который находится въ его распоряженіи. Чѣмъ больше теорія опирается на голые факты, тѣмъ больше они имѣютъ для нея значенія, и прежде чѣмъ заняться ихъ систематизаціей, надо имѣть ихъ достаточное количество. Къ тому же присоединяется то обстоятельство, что Гроссе особенно настаиваетъ на отсутствіи единообразія въ культурномъ развитіи отдѣльныхъ народовъ (стр. 6), и тѣмъ самымъ лишаетъ себя права распространять на всѣ народы выводы, приложимые къ вѣкоторымъ изъ нихъ.

Малая начитанность автора въ этнографіи и бѣдность его книги фактами сразу бросаются въ глаза при внимательномъ чтеніи, а притомъ, на ряду съ бѣдностью фактовъ, мы должны указать на случайность и произвольность ихъ выбора. Всю книгу подвергнуть разбору съ этой точки зрѣнія въ короткой замѣткѣ, конечно, невозможно и приходится ограничиться нѣсколькими замѣчаніями и примѣрами. Такъ для инородцевъ сѣверной и восточной Европы и народовъ центральной и сѣверной Азіи (кромя Камчатки), т. е. для всей громадной массы монгольскихъ, финскихъ и тюркскихъ племенъ, главнымъ источникомъ Гроссе служатъ „Allgemeine Kulturgeschichte“ Клемма и отчасти „Völkerkunde“ Патцеля, работы, бесспорно, очень почтенныя, но ужь, конечно, не могущія замѣнить собою показанія первоисточниковъ. Кромя этихъ книгъ въ распоряженіи автора были только слѣдующія сочиненія: 1) Prschewalski, Reisen in der Mongolei; 2) Vambery. Das Türkenvolk; 3) Finsh, Reise nach Westsibirien; 4) Moser, Durch Centralasien; 5) Pallas, Nachrichten и статья de Bode—„She Yamud and Goklan Tribes of Turkomania (Journ. Ethn. Soc). Глядя на этотъ списокъ не знаемъ, чему больше удивляться, краткости ли его, или его случайности. Вѣдь въ этнографическомъ отношеніи изъ названныхъ можно придавать большее значеніе только работѣ Палласа, да и то свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, съ одной стороны устарѣли, а съ другой не всегда отличаются надлежащей полнотой и не всегда одинаково достовѣрны. Въ путешествіяхъ Пржевальскаго этнографическія задачи стояли совсѣмъ на заднемъ планѣ, и въ названномъ его сочиненіи этнографіи монголовъ посвящена одна коротенькая и довольно поверхностно написанная глава. Затѣмъ къ работамъ Вамбери нужно относиться съ значительной долей осторожности, такъ какъ онъ не всегда бываетъ свободенъ отъ увлеченій и преувеличеній, а его построенія страдаютъ иногда произвольностью. Еще въ большей степени это замѣчаніе приложимо къ книгѣ Мосера, которая вообще не имѣетъ никакого научнаго значенія. Добро бы еще, если бы выбирать не изъ чего было, а то вѣдь нѣмецкая литература по вопросу объ этихъ народностяхъ вообще ужь не можетъ быть названа очень бѣдной, и можно указать десятки сочиненій гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуется нашъ авторъ.

Если для азіатскихъ и европейскихъ инородцевъ главнымъ источникомъ Гроссе служить Блезинъ, то для океанцевъ таковымъ является „Anthropologie der Naturvölker“, Вайца и Герлава, соответствующій 6-й томъ которой какъ разъ вызывалъ нареканія со стороны критики. И здѣсь опять, кромѣ этого главнаго источника, Гроссе пользуется только 7-8 произвольно выбранными книгами и статьями. Еще слабѣе знакомство съ литературой о народахъ почти всей Америки и большей части Африки. Много народовъ совсѣмъ не упоминается. Такъ во всей книгѣ мы не нашли ни одного указанія на народности Кавказа, на народы, населяющіе западную Африку къ югу отъ экватора, на племена Мадагаскара, на туареговъ, абessinцевъ, наровъ, аганцевъ и т. д., и т. д. Ни одного намека далѣе мы не встрѣтили на тѣ этнографическія свѣдѣнія, которыя находятся у писателей классической древности и нѣкоторыхъ средневѣковыхъ путешественниковъ, точно всей этой литературы и на свѣтъ не существуетъ. Сравнительно богата эрудиція у автора относительно народовъ южной Африки, племенъ сѣверо-западной Америки, малайцевъ и австралийцевъ, но и тутъ приходится довольно часто желать поменьше случайности и произвольности въ выборѣ источниковъ. Нечего и говорить, что подборъ фактовъ при нашихъ условіяхъ получается очень односторонній. Гроссе совершенно не пытается разобраться въ разнообразныхъ, зачастую противорѣчивыхъ показаніяхъ различныхъ наблюдателей относительно какаго-нибудь народа. Критическая оцѣнка такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ у Гроссе совершенно отсутствуетъ, и даже больше того—все эти противорѣчія имъ замалчиваются, просто выбираются такіе показанія, которыя больше нравятся или болѣе подходятъ къ взглядамъ автора, противорѣчающія же свѣдѣнія обходятся полнымъ молчаніемъ.

Все народы раздѣляются Гроссе, сообразно ихъ хозяйственной организаціи, на пять группъ: низшихъ и высшихъ охотниковъ, скотоводовъ и низшихъ и высшихъ земледѣльцевъ. Рѣзкихъ границъ между этими типами нѣтъ, равно какъ нѣтъ въ большинствѣ случаевъ полнаго единообразія въ хозяйственной жизни народовъ. Одинъ и тотъ же народъ можетъ заниматься одновременно охотой, и земледѣліемъ, и скотоводствомъ, и основаніемъ для включенія въ ту или другую группу служить не его *исключительное*, а *преимущественное* занятіе. Разница между низшими и высшими охотниками состоитъ въ большемъ благосостояніи послѣднихъ и въ наличности у нихъ общественнаго раздѣленія труда и сравнительно развитой промышленности; такова же приблизительно разница и между низшими и высшими земледѣльцами. Все эти пять типовъ не составляютъ ступеней въ одномъ ряду развитія; только низшихъ охотниковъ и высшихъ земледѣльцевъ можно было бы поставить въ такой рядъ, какъ его низшую и высшую ступени, три же остальные формы хозяйства не находятся между собою въ послѣдовательной зависимости. Въ основу такихъ дѣленій положенъ хозяйственный принципъ по двумъ соображеніямъ, во-первыхъ, потому, что формы хозяйства сравнительно легко и точно констатируемы, а во-вторыхъ потому, что онѣ оказываютъ

громадное, первенствующее вліяніе на прочія стороны жизни и въ томъ числѣ на семейную организацію.

Можно было бы вообще сдѣлать довольно много возраженій противъ попытокъ классификаціи народовъ на основаніи какого-нибудь одного признака; всѣ такія классификаціи страдаютъ прежде всего произвольностью, и въ основѣ ихъ лежатъ тѣ или другія недоказанныя, а иногда и невысказанныя предпосылки. Такая предпосылка есть, конечно, и у Гроссе и сформулирована имъ въ очень категорической формѣ: „Wenn man weiss, was ein Volk isst, so weiss man auch, was es ist“, сильно напоминающей знаменитое Фейербаховское: „Der Mensch ist, was er isst“, но въ другихъ мѣстахъ эта формула получаетъ у самого Гроссе значительныя ограниченія. Гораздо правильнѣе было бы группировать народы по совокупности признаковъ, но въ виду трудности такой классификаціи, которая можетъ быть только результатомъ культурно-историческихъ изслѣдованій, но не можетъ лежать въ основѣ ихъ, допустимы и другіе приемы, прѣмъняемые, какъ Гроссе, такъ и многими другими изслѣдователями. Но большого научнаго значенія такія классификаціи имѣть, конечно, не могутъ, и единственной цѣлью ихъ является облегченіе въ пользованіи матеріаломъ. Что же касается до хозяйственныхъ формъ, какъ принципа, положеннаго въ основу дѣленія народовъ на культурныя группы, то противъ нихъ можно сдѣлать и нѣкоторыя спеціальныя возраженія. Хозяйство само по себѣ уже понятіе очень сложное и разнообразное по своему содержанію, чтобы имъ можно было пользоваться съ удобствомъ для указанной цѣли. Съ одной стороны, руководствуясь имъ, мы можемъ произвольно группировать народы, обращая преимущественное вниманіе ad libitum на ту или другую сторону хозяйственной же жизни народа въ, а съ другой внутри нашихъ дѣленій необходимо будетъ большое разнообразіе въ хозяйственномъ же опять отношеніи. Вѣдь, дѣйствительно, Гроссе могъ одинаково удобно вмѣсто своихъ пяти типовъ взять и большее, и меньшее число ихъ: онъ могъ, напримѣръ, и всѣхъ охотниковъ, и всѣхъ земледѣльцевъ отнести каждыйхъ въ одну группу, и тогда получилось бы всего три хозяйственные типа; но онъ могъ также установить и болѣе подробныя дѣленія, различая, напримѣръ, скотоводовъ кочевниковъ отъ ведущихъ осѣдлый образъ жизни, или выдѣляя изъ общей массы охотниковъ полярные народы, у которыхъ климатическія условія обостряютъ потребность въ жилищѣ и одеждѣ и придаютъ охотѣ и рыболовству характеръ сезонности, если и извѣстный другимъ народамъ, то не въ такой сильной степени. Такія новыя классификаціи были бы одинаково правильны, какъ и предложенная Гроссе, но и значеніе ихъ было бы одинаково не велико. Впрочемъ, болѣе подробная классификаціи была бы правильнѣй, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ставить за одну скобку такія разнообразныя и въ хозяйственномъ, и въ обще-культурномъ отношеніи народности, какъ лопари, калмыки, арабы и кафры, а между тѣмъ всѣ онѣ фигурируютъ у Гроссе одинаково въ качествѣ скотоводовъ. Помимо этого противъ хозяйства, какъ принципа классификаціи, можно сдѣлать еще и то замѣчаніе, что хозяйство на-

болѣе зависить отъ мѣстныхъ, географическихъ условій, тогда какъ имѣющіяся въ литературѣ данныя даютъ право допустить *возможность* существованія въ культурѣ и нѣкоторыхъ элементовъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ такихъ мѣстныхъ условій.

До нѣкоторой степени можно сказать, что книга Гроссе служитъ опроверженіемъ его основного тезиса о зависимости формъ семьи отъ формъ хозяйства. Такъ при всякихъ формахъ хозяйства встрѣчается и материнская и отцовская филіація; среди высшихъ охотниковъ и среди низшихъ земледѣльцевъ бываютъ случаи перехода наслѣдства по женской линіи на ряду съ переходомъ его по мужской линіи; среди высшихъ охотниковъ существуютъ племена, гдѣ положеніе женщины довольно высоко, тогда какъ большинство ихъ ставитъ женщину нязко, что же касается до положенія женщины у низшихъ земледѣльцевъ, то самъ Гроссе говоритъ, что „положеніе жемъ относительно мужа у различныхъ земледѣльческихъ народовъ чрезвычайно разнообразно. Въ то время, какъ во многихъ случаяхъ она только раба мужа, въ другихъ—она является равноправнымъ товарищемъ его, а иногда считается даже главой семьи“ (стр. 245).

Характерной чертой соціальной организаціи такъ наз. низшихъ земледѣльцевъ Гроссе считаетъ то обстоятельство, что первенствующимъ, наиболѣе дѣятельнымъ элементомъ у нихъ является родъ, а не семья, которая играетъ главную роль у охотниковъ и скотоводовъ, а у низшихъ земледѣльцевъ по своему вліянію несравненно ниже рода (стр. 194). Для нѣкоторыхъ народовъ, отнесенныхъ Гроссе въ эту группу, такое замѣчаніе бесспорно вѣрно, но для другихъ оно является по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Такъ въ эту же группу отнесены и всѣ океанійскіе народы, относительно которыхъ самъ Гроссе долженъ признаться, что за немногими исключениями родовая организація у нихъ находится въ полномъ упадкѣ (стр. 203—204, 206—207), и вообще свѣдѣнія по настоящему вопросу недостаточны и мясны. Насколько нехарактерной для океанійцевъ является родовая организація и насколько можно говорить объ *упадкѣ* ея, можно судить уже по тому факту, что Морганъ (*Die Urgesellschaft*, стр. 51, 316—317) совсѣмъ отрицаетъ у нихъ ея существованіе. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ это мнѣніе, конечно, нуждается въ поправкахъ, но тѣмъ не менѣе оно является очень вѣскимъ, хотя Морганъ и нельзя назвать специалистомъ на океанійскихъ народахъ. Какъ извѣстно, въ построеніяхъ этого ученаго родъ играетъ чрезвычайно важную роль, и, настаивая на его повсемѣстномъ распространеніи, Морганъ для объясненія его отсутствія у океанійцевъ долженъ былъ выставить такое искусственное объясненіе, что эти народы еще не досрости до родовой организаціи и представляютъ самую низшую ступень въ развитіи человѣчества, т. е. стоятъ ниже австралійцевъ и т. п. Точно также малохарактернымъ является родъ и для земледѣльческой Африки, гдѣ Гроссе долженъ былъ признать его упадокъ (стр. 214) и недостаточность свѣдѣній.

Вообще намъ кажется, что Гроссе ошибочно приписываетъ такую важную роль роду у земледѣльческихъ народовъ, и эта его ошибка нахо-

дятся въ связи съ другой, еще болѣе грубой, а именно съ отождествленіемъ всякой общины съ родовой; авторъ такъ далеко заходитъ въ этомъ направленіи, что даже современную великорусскую общину отождествляетъ съ родомъ и выражается въ данномъ случаѣ такъ категорически, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно своихъ мыслей. („Die russische *Dorfsippe* ist eine juristische Person, ganz wie es die malaiische Sippe ist. Diese alte *Gentilordnung* beherrscht in Russland noch gegenwärtig ein ungeheures Gebiet, nämlich ganz Grossrussland mit seiner Bevölkerung von 30 bis 35 Millionen“ (стр. 285—286, курсивъ мой). Вообще сельская или сосѣдская община, какъ отличное отъ рода учрежденіе, совершенно неизвѣстно Гроссе и только этимъ путемъ можно объяснить себѣ его мнѣніе о благоприятномъ вліяніи на родъ земледѣлія. Въ дѣйствительности бываетъ скорѣе обратное, и у большинства *чистыхъ* земледѣльцевъ наблюдается упадокъ родовой организаціи и постепенная замѣна ея территориальными союзами, при чемъ разлагающимъ родъ факторомъ служитъ не земледѣліе само по себѣ, а связанная съ нимъ осѣдлость. Если мы даже согласимся съ Гроссе, что у земледѣльцевъ болѣе общихъ хозяйственныхъ и экономическихъ интересовъ, чѣмъ у скотоводовъ и охотниковъ, что, конечно, въ значительной степени спорно, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы экономическая солидарность непременно выливалась въ формѣ родового союза; первое время она и при осѣдлости, конечно, будетъ пользоваться готовыми формами, но чѣмъ прочнѣе осѣдлость, тѣмъ сильнѣе чисто территориальныя связи, и тѣмъ сильнѣе антагонизмъ между ними и родовыми связями. Этотъ процессъ мы можемъ наблюдать и не у однихъ чистыхъ земледѣльцевъ; тѣ скотоводы (кафры и т. п.), которые ведутъ осѣдлый образъ жизни, знаютъ родовую организацію лишь въ самой слабой степени; лопари, перейдя отъ оленеводства къ рыболовству и къ полuosѣдлой жизни, сохранили отъ бывшей родовой организаціи только самые жалкіе остатки, въ которыхъ едва можно видѣть доказательства прежняго существованія у нихъ рода.

Въ связи съ родовымъ устройствомъ стоитъ и вопросъ объ экзогаміи; ей Гроссе придаетъ очень большое значеніе, какъ въ дѣятельности рода, такъ и въ организаціи болѣе широкихъ общественныхъ единицъ. Къ сожалѣнію, за рѣшеніе вопроса о происхожденіи экзогаміи онъ не берется и даже считаетъ этотъ вопросъ, пожалуй, неразрѣшимымъ, что не мѣшаетъ ему высказаться въ пользу болѣе древней теоріи, объясняющей экзогамію, и выводить ее изъ *наблюдений* надъ вредными послѣдствіями отъ браковъ между родственниками (стр. 85—86). Такъ какъ мнѣніе это неоднократно уже обсуждалось въ литературѣ, а Гроссе въ подтвержденіе его не приводитъ никакихъ ни старыхъ, ни новыхъ доказательствъ, то мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и остановимся лишь на одномъ замѣчаніи Гроссе, въ которомъ отчетливо выразилась вся произвольность экономическихъ объясненій формъ семьи, данныхъ нашимъ авторомъ. Именно, онъ утверждаетъ, что земледѣльческіе народы болѣе всего заинтересованы въ численности семьи, и потому у нихъ такъ сильно развита экзогамія, привлекающая въ семью посторонніе элементы; особенно

же важное значеніе она имѣетъ для матриархальныхъ народовъ, такъ какъ является для нихъ средствомъ увеличивать наличный составъ мужского рабочаго населенія семьи путемъ пріема въ составъ ея чужеродцевъ, женившихся на дочеряхъ семьи и поселяющихся у своихъ жень (стр. 241). Не говоря уже про то, что мнѣніе, будто „экзогамія особенно дорога матриархальнымъ родамъ“ (ibid), нуждается въ фактической проверкѣ, которой Гроссе не даетъ, его объясненіе болѣе чѣмъ странно. Въ дѣйствительности для численнаго состава семьи экзогамія не имѣетъ никакого значенія ни при какой филіаціи и гдѣ бы ни селились молодые—въ семьѣ ли мужа или въ семьѣ жены. Въ первомъ случаѣ въ семью входятъ новые элементы въ лицѣ жень сыновей, но зато семья терять своихъ собственныхъ дочерей, выходящихъ замужъ въ чужія семьи, во второмъ случаѣ семья приобретаетъ мужей дочерей, но терять собственныхъ сыновей, уходящихъ къ своимъ женамъ въ чужіе роды. Для отдѣльныхъ семей можетъ быть, конечно, выгоднѣй тотъ или другой порядокъ, смотря по тому, больше ли въ семьѣ дочерей или сыновей, но въ общемъ такіа потери и пріобрѣтенія отдѣльныхъ семей болѣе или менѣе взаимно-уравновѣшиваются, и для цѣлаго рода экзогамія не можетъ имѣть такого значенія, какое приписываетъ ей Гроссе.

Гроссе не первый пытается объяснить исторію семьи, стоя за экономической точкѣ зрѣнія, но онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что всѣ они были сторонниками матриархальной теоріи (Зибберъ, Энгельсъ, Баутскій). Гроссе же ревностный защитникъ патріархата. Разница между ними можетъ быть заходить и дальше, и было бы не совсѣмъ осторожно зачислить нашего автора въ ряды сторонниковъ теоріи „экономическаго матеріализма“. Онъ выражается слишкомъ неточно и неясно, чтобы можно было судить съ увѣренностью объ его общихъ соціологическихъ взглядахъ; иногда у него вырываются очень рѣзкія фразы вроде вышеприведенной, но въ другихъ случаяхъ онъ выражается гораздо осторожнѣй и умѣреннѣй и, повидимому, признаетъ вліяніе на семью и другихъ факторовъ, независимыхъ отъ хозяйства (стр. 11, 27—28, 55—56, 319—323, 336—337 и др.).

Въ заключеніе сдѣлаемъ два частныхъ замѣчанія. Одною изъ руководящихъ идей разбираемой книги является положеніе, что у земледѣльческихъ народовъ въ силу того, что занятіе земледѣліемъ составляетъ обязанность и право женщины, положеніе ихъ несравненно выше, чѣмъ у охотниковъ и скотоводовъ, гдѣ наиболѣе важныя для существованія племени занятія сосредоточены въ рукахъ мужчинъ, такъ что различіе въ положеніи женщины у тѣхъ и другихъ народовъ выражается опредѣленнымъ различіемъ въ положеніи женщины въ процессѣ производства у земледѣльцевъ съ одной стороны и у скотоводовъ и охотниковъ съ другой (глава VII, особенно стр. 221—224, 253—254). Но эта самая идея уже задолго до Гроссе была высказана во всѣхъ подробностяхъ Липпертомъ (*Geschichte der Familie*, стр. 30—33, 35—37, 40—42 и др.), а отъ него воспріяты взгляды Гельвальдомъ (*Die menschliche Familie*, стр. 202—203 и др.); однако, Гроссе совершенно умачиваетъ

объ этомъ обстоятельстве, и во всей его книгѣ имя Линперта ни разу не упоминается. Еще страннѣе другое умолчаніе: на стр. 149—150 Гроссе, объясняя явленіе такъ называемаго „символическаго захвата“, приводитъ мнѣніе Спенсера, объясняющаго сопротивленіе невѣсты дѣйствительнымъ или притворнымъ чувствомъ стыдливости. Это объясненіе кажется Гроссе хотя и вѣрнымъ, но недостаточнымъ и непримѣнимымъ по всѣмъ случаямъ, а потому въ видѣ дополненія онъ высказываетъ уже *отъ себя* иныя соображенія, сводящіяся къ тому, что женщина, захваченная на войнѣ, имѣла въ сравненіи со всякой иной женой то преимущество, что являлась одновременно почетнымъ трофеемъ, признакомъ воинской доблести захватившаго ее мужчины. Поэтому такой бракъ считался болѣе почетнымъ, а у воинственныхъ народовъ и единственнымъ достойнымъ мужчины: отсюда и возникъ символическій захватъ. Между тѣмъ всѣ эти соображенія были уже развиты самимъ Спенсеромъ, который вовсе не думалъ объяснять символическій захватъ одною стыдливостью невѣсты, а признавала и другія причины, именно тѣ, которыя указываетъ Гроссе (см. Спенсеръ, Основанія социологіи, изд. Билибина, стр. 687—689).

Что касается до перевода, то онъ далеко неудаченъ, и переводчикъ одинаково плохо знакомъ, какъ съ нѣмецкимъ языкомъ, такъ и съ тѣми вопросами, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, говоря про Howitt'a, Гроссе пишетъ: „Infolgedessen hat seine Darstellung mehrere Sociologen, darunter auch Morgan, zu den seltsamsten Vorstellungen über die Ehe- und Familienverhältnisse der Australier verleitet“ (стр. 6 прим.). Переводчикъ же передаетъ это мѣсто такъ: „Благодаря этому многіе социологи, въ числѣ ихъ и Morgan, относятъ его представленіе о бракѣ и семейныхъ отношеніяхъ австралійцевъ къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ“ (стр. 8, прим.). Или вотъ еще образчикъ, взятый съ той же страницы: по-нѣмецки мы читаемъ такъ: „So gründet z. B. Morgan die Reconstruction der sämtlichen primitiveren Familienformen seiner Reihe nicht etwa auf verificirbare Beobachtungen, sondern auf durchaus fragwürdige Deutungen“ (стр. 6), въ переводѣ же эта фраза совершенно искажена: „Такъ, напримѣръ, обосновываетъ Morgan примитивныя формы совѣстной семьи своего ряда“... и т. д. (стр. 9). Интересно было бы узнать отъ переводчика, какую такую „совѣстную семью“ нашелъ онъ у Morgana. На стр. 5 подлинника мы читаемъ: „Sie (vorliegende Arbeit) bescheidet sich mit der Untersuchung der einzelnen Haupttypen der Verwandtschaftsorganisation, wie man sie in der Geschichte und in der Völkerkunde nebeneinander findet“, въ переводѣ же: „Она остается одинаково скромной, какъ въ изслѣдованіи главныхъ типовъ организациіи родства, такъ и въ исторіи или въ народныхъ сказаніяхъ“ (стр. 7). Донскается какого-нибудь смысла въ этой фразѣ—нелегкая задача, а кромѣ того, очень характерно для переводчика, что ему неизвѣстенъ даже такой элементарный терминъ, какъ „Völkerkunde“, который онъ систематически передаетъ словами „народныя сказанія“ или „сказанія народа“ (стр. 8). Вмѣсто: „Uns kommt es auf die Erkenntniss der Zustände an; jene (предше-

отвенники Гроссе) suchten ihre *Entwickelung* zu ergründen. Die Entwickelung solcher Zustände“... (стр. 5—6) мы находимъ: „Такой путь приведетъ насъ къ пониманію дѣйствительнаго положенія вещей, между тѣмъ какъ наши предшественники прежде всего пытались обосновать свою(?) систему развитія“... (стр. 2). „Sagte ein Häuptling zu Hearne“ (стр. 75), по мнѣнію переводчика, значить: „сказалъ одинъ начальникъ въ Геарнѣ“ (стр. 104); такимъ образомъ извѣстный путешественникъ Гирнъ превратился въ никому невѣдомую страну Геарнѣ. „Zuweilen (стр. 6) почему-то переводится „нѣкоторое время“ (стр. 8), „überwundeneg“— „сверхъестественныхъ“ (тамъ же), и подобныхъ прихвровъ можно было бы привести сколько угодно. Но особенно поражаетъ въ переводчикѣ его смѣлость; онъ не ограничивается однимъ переводомъ, а пишетъ къ нему предисловіе, въ которомъ рекомендуетъ отъ себя книгу Гроссе. Какъ много значить эта рекомендація, можно уже судить по тому, что, говоря довольно подробно о Морганѣ, переводчикъ въ то же время думаетъ, что Моргановское „Urgesellschaft“ есть переводъ сочиненія „Systems of consanguinity and affinity“, тогда какъ это совершенно различныя сочиненія, и оригиналъ перваго носитъ заглавіе „Ancient society“. Схема развитія семьи, предложенная Морганомъ и приводимая переводчикомъ со ссылкой на „Urgesellschaft“ (VII—VIII стр.), въ этомъ сочиненіи представлена въ нѣсколько много свѣтъ и, слѣдовательно, заимствована переводчикомъ не изъ самого Моргана, а изъ какого-нибудь другого источника. Судя по данному въ подстрочномъ примѣчаніи объясненію термина „Tribusorganisation“, такимъ источникомъ была существующая на русскомъ языкѣ брошюра Каутскаго „Возникновеніе брака и семьи“. Будь переводчикъ знакомъ съ самимъ Морганомъ, онъ, конечно, не перевелъ бы словъ Гроссе „sagt Morgan im Anschlusse an Heggera“ (стр. 191) посредствомъ: „говорить Morgan въ приложеніи къ Хеггера (стр. 264, курсивъ мой). Въ виду такого знакомства съ предметомъ попытка переводчика характеризовать современное положеніе вопроса объ исторіи семьи и выяснить отношеніе Гроссе къ его предшественникамъ и въ частности къ Моргану является лишнимъ примѣромъ того безцеремоннаго отношенія къ наукѣ, которое, къ сожалѣнію, не рѣдкость въ настоящее время.

А. Максимовъ.

Ю. Липпертъ. Исторія семьи. *Переводъ съ немецкаго Н. Шатерникова. Изд. Ф. Павленкова. С.ПБ. 1897 г. Ц. 60 к.*

Заглавіе книги Липперта не вполнѣ соответствуетъ ея содержанію; полной исторіи семьи она не даетъ, а излагаетъ только нѣкоторые моменты этой исторіи. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что одновременно существовали двойнаго рода союзы; одни состояли изъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, другіе изъ взрослыхъ мужчинъ; тѣ и другіе союзы были въ значительной степени независимы одни отъ другихъ и вели раздѣльныя хозяйства; женскіе союзы при помощи, конечно, и мужской силы занимались земледѣіемъ, мужскіе—охотой и скотоводствомъ.

Пока главные средства существованія доставляло земледѣліе, до тѣхъ поръ женскіе или, вѣрнѣе сказать, материнскіе союзы играли первенствующую роль и обеспечивали за женщинами высокое положеніе, съ переходомъ же къ правильному скотоводству мужчины получили преобладаніе въ хозяйственномъ отношеніи и стали во главѣ семьи и общества. Развитію этихъ идей и выясненію фемъ, въ которыхъ совершился переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому, и посвящена большая часть разбираемой книги.

Какъ основные взгляды Липперта, такъ и многіе изъ частныхъ замѣчаній, разбросанныхъ въ его книгѣ, безспорно остроумны и во многихъ случаяхъ *отрываются*; но, къ сожалѣнію, болѣе опредѣленно высказаться по поводу нихъ невозможно, такъ какъ всѣ они еще нуждаются въ фактической провѣркѣ. Вообще Липпертъ не столько доказываетъ, сколько излагаетъ и иллюстрируетъ, а потому его книга мало поднимаетъ впередъ затронутые вопросы; нѣкоторые изъ предложенныхъ имъ рѣшеній, весьма возможно, окажутся истинными, но это во всякомъ случаѣ дѣло будущаго, а пока они только предположенія. Бѣдность фактами составляетъ наиболѣе существенный недостатокъ „Исторіи семьи“; болѣе низкія племена затрогиваются очень рѣдко и случайно и главнымъ матеріаломъ служатъ факты изъ жизни арійцевъ, семитовъ и другихъ сравнительно высоко-культурныхъ народовъ; сообразно съ этимъ очень видное мѣсто отведено методу переживаній. Другой крупный недостатокъ разбираемой книги состоитъ въ томъ, что Липпертъ не считается съ своими предшественниками въ наукѣ; упоминается только Бахофенъ, да и то лишь въ предисловіи, вся же богатая литература по данному вопросу совершенно игнорируется. О томъ, что книга не можетъ претендовать на достаточную полноту, мы уже упоминали; въ ней, напримѣръ, не затрогиваются такія любопытныя явленія, какъ полиандрія, системы родства и т. п.

Не придавая большого научнаго значенія „Исторіи семьи“, мы готовы были бы рекомендовать ее для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Взгляды Липперта, правда, очень часто только его взгляды, не получившіе признанія въ наукѣ, но такова судьба всѣхъ теорій по исторіи семьи, защищаемыхъ въ большинствѣ случаевъ только своими авторами; въ пониманіи же основныхъ матриархальныхъ теорій Липпертъ мало отличается отъ другихъ сторонниковъ этой теоріи, въ свою очередь несогласныхъ между собою даже по этимъ пунктамъ. То же обстоятельство, что авторъ сосредоточился на самыхъ главныхъ вопросахъ, оставляя въ сторонѣ наиболѣе спорные, и дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной для указанной цѣли; большое значеніе имѣетъ здѣсь также и осторожность Липперта въ выводахъ и большая послѣдовательность его построеній. Даже тамъ, гдѣ авторъ ошибается, онъ не переходитъ границъ должной осторожности и вообще свободенъ отъ слишкомъ рискованныхъ утвержденій, такъ частыхъ въ другихъ болѣе или менѣе популярическихъ сочиненіяхъ по исторіи семьи.

Что касается до перевода, то онъ очень плохъ, и въ подлинникѣ

слозь Дипперта не отличается гладкостью и легкостью, въ переводѣ же мѣстами трудно добраться до смысла. Неточности и прямыя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагѣ; напримеръ, на стр. 168 мы читаемъ такую нелѣпицу: „человѣчество, разселись въ болѣе высокихъ широтахъ, *не нуждалось* уже въ одеждѣ, покрывающей все тѣло“, тогда какъ по-нѣмецки читается какъ разъ обратное: „wo die den ganzen Körper umhüllenden Bekleidung immer *umentbehrlicher* wurde“ (стр. 209). Не менѣе грубое извращеніе смысла встрѣчаемъ и на стр. 140: рѣчь идетъ объ ассирійцахъ, гдѣ особые чиновники „выставляли на показъ народу дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, и предлагали ихъ желающимъ жениться, но сначала *самымъ знатнымъ* изъ нихъ“, тогда какъ въ подлинникѣ говорится: „welche die mannbaren Jungfrau dem Volke verführen und den Heiratslustigen ausbieten, immer die vornehmsten zuerst“ (стр. 171). По переводу никоимъ образомъ нельзя было бы догадаться о смыслѣ описываемаго обычая, суть котораго, какъ слѣдуетъ изъ подробнаго описанія Геродота ¹⁾, состоитъ въ томъ, что дѣвушки продавались въ замужество съ публичнаго торга: кто больше давалъ, тотъ и бралъ дѣвушку въ жены, и начинали, конечно, съ самыхъ красивыхъ, а деньги, вырученныя за нихъ, поступали въ приданое некрасивымъ, которыя безъ него не нашли бы себѣ мужей. Вотъ еще образчики точности перевода: „Можетъ быть и случайно то, о чемъ упоминаетъ Геродотъ, говоря о гетерическихъ обычаяхъ вавилонянъ, но во всякомъ случаѣ этотъ обрядъ былъ очень широко распространенъ. Именно онъ упоминаетъ объ омовеніи, происходящемъ утромъ послѣ брачной ночи. Этого обычая придерживались арабы и евреи. Въ настоящее время онъ встрѣчается въ нашему удивленію у южныхъ славянъ. Турнеръ указалъ, что славянской „Morgengabe“ дѣлается новобрачной не ея мужемъ, какъ нѣмецкій, а всѣми гостями, участвующими въ свадебномъ пирѣ“ (стр. 144). Добиться какого-нибудь смысла въ этомъ отрывкѣ невозможно; Диппертъ же говоритъ: „Zufällig möchte vielleicht noch das sein, aber doch erwogen werden, was Herodot gerade *im Zusammenhange* mit jenen hetärischen Sitten der Babylonier anführt, das aber eine weit grössere Verbreitung hatte. Er erwähnt eines Bades am Morgen nach dem Eheschluss ²⁾ als einer von der Sitte geforderten Handlung, und darauf hielten in weitere Ausdehnung auch die Araber, und von den Juden ist das Gleiche aus Leviticus bekannt. Nun findet sich aber bei den Südslaven noch ein recht auffälliger Hochzeits-

¹⁾ Геродотъ, Исторія, пер. Мищенко, I, 196. Рассказъ Страбона, на который ссылается въ данномъ мѣстѣ Диппертъ, несравненно короче.

²⁾ Диппертъ, повидимому, неточно понялъ Геродота, который (а также и Страбонъ) сообщаетъ, что омовеніе вавилоняне совершали послѣ *каждо*го сообщенія съ женщиной, такъ что нѣтъ основаній сблизять этотъ обрядъ съ гетерическими обычаями, тѣмъ болѣе, что только въ краткомъ рассказѣ Страбона (XVI, I, 20) одно приводится въ непосредственной связи съ другими, Геродотъ же говоритъ объ омовеніи въ § 198 книги I, о священной проституціи въ § 199, а о продажѣ дѣвушекъ для брака въ § 196.

brauch dieser Art“ (Tünger и т. д., стр. 176). „Ostbecken des Mittelmeeres“ (стр. 17), по ивѣнію г. Шатерникова, значитъ „восточный уголъ Средиземнаго моря“ (стр. 14). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о вѣрности и точности перевода, а мы вѣдь привели только первые попавшіеся подъ руку и могли бы указать ихъ цѣлую массу. Не твердь переводчикъ и въ географіи и, повидимому, не знаетъ, что Викторія-Ніанца—озеро, по крайней мѣрѣ, онъ пишетъ: „путешественникамъ удалось познакомиться съ Викторіи-Ніанцѣ съ однимъ начальникомъ“ (по-нѣмецки „am“). Терминологія и транскрипція собственныхъ именъ сильно хромаютъ: „Mutterfolge“ переводится то „матріархатъ“ (стр. 7, 12), то „женская омація“ (passim), то „материнская омація“ (стр. 30—31), „Landrecht“, по ивѣнію переводчика „государственное право“ (стр. 51—56); „Bücher der Könige und der Chroniken“ (стр. 19) онъ переводитъ „Книги Царей или Числъ“ (стр. 16), вмѣсто „Паралипоменонъ“; тутъ же встрѣчаемъ и такую ошибку: „mag dieses auch die spätere sein“ переводится: „пусть онъ будетъ по времени первымъ“; вмѣсто принятыхъ въ русскомъ переводѣ Библии именъ: „Зелoa“ и „Валла“, переводчикъ пишетъ „Сильoa“ и „Била“ (стр. 109); далѣе мы встрѣчаемъ: „Буртанъ“ (Burtan—англичанинъ), „Лабатъ“ (Labat—французъ), „дербикийцы“ (вмѣсто дербкии), „гондасы“ (вмѣсто гонды) и т. д. Очень часто встрѣчаются пропуски иногда отдѣльныхъ словъ, а иногда и длинныхъ фразъ (стр. 16, 18, 20, 61—62, 95, 132 нѣмецкаго текста и др.); неизвѣстно почему исключены всѣ подстрочныя примѣчанія со ссылками на источники; не мѣшало бы также оговорить, что въ подлинникѣ „Исторія семьи“ появилась уже давно, а именно въ 1884 году. Отмѣтимъ въ заключеніе, что книга издана вообще очень небрежно въ корректурномъ отношеніи, и оглавленіе, наприимѣръ, совсѣмъ не соответствуетъ дѣйствительности; въ немъ нѣтъ ни одного вѣрнаго указанія на страницы.

А. Максимовъ.

М. Hoernes: *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 v. Chr.* (37 таблицъ и 203 рис. въ текстѣ). Wien, 1898 8°, 709 стр.

Пользующійся заслуженной извѣстностью авторъ „*Первобытной исторіи человека*“ обогатилъ научную литературу новымъ капитальнымъ трудомъ, въ которомъ онъ изслѣдуетъ вопросъ объ искусствѣ у доисторическаго населенія Европы. Въ своемъ новомъ трудѣ г. Гернесъ дѣлаетъ обзоръ главнѣйшихъ памятниковъ искусства, сохранившихся отъ эпохъ такъ наз. каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ (ограничивая изученія послѣдняго приблизительно половиной перваго тысячелѣтія до Р. Хр.); изслѣдуя съ большою эрудиціей многочисленныя и разнохарактерныя произведенія искусства древнѣйшихъ насельниковъ Европы, сопоставляя находки изъ разныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, наконецъ, отыскивая въ другихъ географическихъ областяхъ параллели къ евро-

пейскими доисторическими художественными памятниками, авторъ не только намѣчаетъ постепенную исторію развитія искусства во вѣдисторическую эпоху жизни Европы, но даетъ и освѣщеніе весьма существеннымъ для исторіи культуры вопросамъ о возникновеніи художественнаго творчества на низшихъ стадіяхъ развитія, о преемственности проявленій художественнаго творчества и о причинахъ, дававшихъ послѣдному то или иное направленіе. За послѣднее время трудами этнографовъ въ значительной мѣрѣ двинуто впередъ изученіе вопросовъ первобытнаго искусства. Штейнентъ, Эренрейхъ, Гэддонъ, Гроссе, Штольпе, Фриттъ, Прейсъ, Гринвельдъ, Конце, Гейнъ, Шурцъ, Фридрици, Андре и др. обратили вниманіе на обширный матеріалъ, представляемый образцами художественнаго творчества современныхъ дикарей, и старались путемъ личныхъ опросовъ или изученія мотивовъ уяснить постепенное развитіе искусства у некультурныхъ племенъ. Результатомъ этого обращенія къ живому источнику явилось значительное измѣненіе прежнихъ ходячихъ мнѣній о древнѣйшемъ искусствѣ человѣчества. Въ свою очередь и археологи, занимающіеся первобытной культурой древняго населенія Европы, собирали новые памятники искусства, изучали старые и освѣщали при помощи ихъ древнѣйшую, если и не всегда самую первобытную, эпоху художественнаго творчества человѣка. Этнографія и археологія работали по данному вопросу рука объ руку, стараясь открыть зачаточную форму художественнаго произведенія и найти исходную точку для исторіи искусства человѣчества. Разобраться въ различныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ этнографами и археологами о первобытномъ искусствѣ, сдѣлать изъ критическую оцѣнку и выставить на основаніи изученія археологическаго матеріала собственные взгляды на исторію древнѣйшаго искусства и, въ частности, въ Европѣ—составляло цѣль работы г. Гёрнеса. Авторъ вполне справился съ своей задачей, насколько это вообще возможно при обширности подвергнутаго изученію матеріала, спорности и неясности многихъ вопросовъ жизни доисторическаго человѣка Европы. Это дѣлаетъ книгу г. Гёрнеса чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ науку и придаетъ ей интересъ не только для специалистовъ-археологовъ, но для всѣхъ лицъ, интересующихся первобытной культурой. Отдавая должную дань новому труду почтеннаго изслѣдователя, мы не хотимъ, однако, сказать, чтобы всѣ выводы и положенія автора могли быть приняты; многие изъ нихъ возбуждаютъ сомнѣнія, нѣкоторые построены на шаткихъ еще основаніяхъ, а иные едва ли имѣютъ значеніе большее, чѣмъ всякое субъективное мнѣніе, не подтвержденное соответствующими доказательствами. Авторъ совершенно основательно ищетъ зародыши произведеній художественнаго творчества въ изображеніяхъ окружающей фауны и человѣческихъ фигуръ. Данные археологіи и этнографіи безусловно не позволяютъ начинать исторію искусства съ геометрическаго орнамента. Первобытное художественное произведеніе является результатомъ желанія изобразить видимымъ образомъ извѣстный объектъ, живо запечатлѣвшійся въ воображеніи дикаря или заставляющій послѣдняго направлять на него свои мысли; такими объектами на низшей стадіи цивилизаціи оказываются или представителя

иѣстной фауны, такъ какъ заботы о пищѣ болѣе всего занимаютъ дикаря, или женщины; мужскія фигуры рѣдко появляются въ произведеніяхъ искусства первобытнаго человѣка, и это оттого, что художественныя произведенія выходятъ на низшей культурной ступени изъ рукъ мужчинъ. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ, что примитивное художественное творчество выражается въ рисункѣ: послѣднему предшествовало искусство скульптуры (въ частности вырѣзыванья изъ кости цѣльныхъ фигуръ); пластическое искусство, по его мнѣнію, оказывается болѣе примитивнымъ, чѣмъ рисунокъ; въ намѣ, а не въ рисунокѣ, слѣдуетъ видѣть древнѣйшее проявленіе творчества дикаря. Этотъ выводъ не согласуется съ данными этнографіи; но такъ какъ мнѣніе автора въ этомъ случаѣ основывается почти исключительно на фактѣ находки Шеттомъ въ болѣе древнихъ слояхъ дилuvia известныхъ женскихъ фигуръ изъ кости, въ то время какъ рисунки на кости встрѣчены въ болѣе верхнихъ слояхъ, — указанное имъ положеніе едва ли можетъ считаться убѣдительнымъ. Г. Гёрнесъ посвящаетъ далѣе много вниманія вопросу о происхожденіи геометрическаго орнамента: онъ въ основѣ соглашается съ выводомъ, къ которому пришли изслѣдователи первобытнаго искусства на основаніи этнографическихкихъ данныхъ, что геометрической орнаментъ въ своей основѣ возникаетъ частью изъ подражаній текстильнымъ произведеніямъ, частью она является стилизаціей предметовъ окружающей обстановки, т. е. что геометрической орнаментъ въ своей основѣ вытекаетъ изъ рисунка и орнамента подражательнаго. Но онъ справедливо отказывается отъ слишкомъ абсолютнаго принятія этого положенія и отбѣгаетъ, что иногда происходитъ и обратный процессъ: фигура геометрическаго орнамента, имѣющая своимъ прототипомъ текстильное издѣліе, можетъ вызвать въ воображеніи дикаря представленія о какомъ-нибудь одушевленномъ предметѣ, какъ только дикарь пожелаеетъ себѣ дать отчетъ въ значеніи непонятнаго для него рисунка. Однако, совершенно непонятнымъ представляется намѣ, почему авторъ приписываетъ развитіе геометрическаго орнамента женщинамъ, въ то время какъ данныя этнографіи свидѣтельствуютъ, что мужчины на высшихъ стадіяхъ культуры по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же, если не болѣе, успѣхомъ воспроизводятъ этотъ видъ орнаментаціи. Слишкомъ абсолютнымъ представляется и выводъ автора, что искусство охотниковъ-дикарей, представленное художественными произведеніями европейскихъ палеолитиковъ, должно было быть лишено всякаго религіознаго элемента; этому послѣднему, наоборотъ, г. Гёрнесъ отводитъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ много мѣста въ искусствѣ послѣдующихъ культурныхъ періодовъ. Часто изображеніе женскихъ фигуръ въ произведеніяхъ послѣднихъ онъ относитъ преимущественно на счетъ господства материнсваго права и матриархата и вытекающаго изъ него культа матерей-родоначальницъ. Сама попытка связать развитіе первобытнаго искусства съ социальными формами заслуживаетъ полнаго вниманія, но въ указанномъ вопросѣ объясненіе автора едва ли можетъ быть принято, такъ какъ онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе женщины въ группахъ, ведущихъ счетъ родства по женской линіи; не совсемъ удачны и предположенія автора о

введеніи нѣкоторыхъ мотивовъ въ первобытное творчество подъ вліяніемъ перехода къ агнатической организаціи (напр., фигура мужчинъ).

Автору пришлось наконецъ высказаться и по вопросу о степени посторонняго вліянія на искусство древнѣйшаго населенія Европы. Онъ не соглашается съ многими изъ новѣйшихъ археологовъ, которые, какъ, напр., Ренакъ, признають самобытное существованіе въ древней Европѣ искусства, развившагося изъ туземныхъ основъ; г. Гёрнесъ, наоборотъ, привлекая значительный матеріалъ для сравненія, приходитъ къ заключенію о значительномъ вліяніи искусства Востока на европейское: на Востокѣ, благодаря мѣстнымъ особенностямъ, художественное творчество развилось раньше и оно-то повліяло непосредственно на художественныя произведенія южно-Европы въ металлическій періодъ, и посредственно черезъ европейскій югъ и юго-востокъ на жителей сѣвера и запада Европы. Вопросъ о степени независимости развитія древнѣйшаго искусства населенія Европы до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ, и всякое новое доказательство въ пользу того или иного мнѣнія, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать открытію истины. Таковы въ существенномъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ г. Гёрнесъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о первобытной исторіи искусства въ Европѣ: обстоятельное знакомство съ европейскими древностями, широкое пользованіе данными этнографіи и общей археологіи, наконецъ, изученіе древнѣйшаго искусства Европы съ историко-культурной точки зрѣнія—все это привело къ тому, что книга г. Гёрнеса даетъ значительно больше, чѣмъ можно ожидать на основаніи ея заглавія, и дѣлаетъ новый трудъ почтеннаго ученаго необходимымъ нособіемъ не только для археологовъ, но и для всѣхъ изслѣдователей первобытной культуры человѣчества.

Н. Х.

Stanislaus Ciszewski: Künstliche Verwandtschaft bei den Sudslaven. Leipzig, 1897, 8°, стр. 114.

Чрезвычайно интересная работа, заглавіе которой мы выписали, касается обширной сферы отношеній, возникающихъ изъ установленія искусственнаго родства у южныхъ славянъ. Авторъ объединилъ существующія важнѣйшія литературныя свѣдѣнія по этому вопросу и представилъ ихъ въ систематическомъ изложеніи. Совершенно справедливо авторъ считаетъ область, населенную южными славянами, классической страной искусственнаго родства: трудно, дѣйствительно, отыскать въ Европѣ другую область, гдѣ бы обряды при установленіи послѣдняго сохранились до нашихъ дней въ такой сравнительно чистотѣ и въ такомъ разнообразіи. Правда, и среди южныхъ славянъ этотъ институтъ клонится къ упадку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ почти выходитъ уже изъ употребленія, но во многихъ мѣстахъ онъ существуетъ еще, какъ живое явленіе, или существовалъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, такъ что не представляется труда возстановить очень многія обрядности, сопровождающія установленіе искусственнаго родства въ ихъ первобытной чистотѣ, и прослѣдить выдающееся значеніе, которое игралъ

этотъ видъ родственныхъ отношеній въ общественной и правовой жизни юго-славянскихъ народностей.

Авторъ останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на побратимствѣ (посестримствѣ) и на усыновленіи.

Особенно широка сфера прихѣненія перваго. Поводы къ установленію побратимства (посестримства) чрезвычайно разнообразны, и способы, выработанные для юридическаго закрѣпленія изъ этого вида искусственнаго родства, крайне многочисленны. Авторъ, на основаніи различныхъ поводовъ, приводящихъ къ побратимству, дѣлитъ для большаго удобства побратимство на три группы: случайное, добровольное и обдуманное и, наконецъ, внушаемое суевѣріями. Подобная классификація не совсѣмъ удачно выбрана авторомъ; она приводитъ его къ повтореніямъ и затрудняетъ чтеніе его книги. Побратимство заключается на всю жизнь или на срокъ, между лицами одного и разнаго пола. Насколько разнообразны могутъ быть обстоятельства, заставляющія двухъ лицъ заключать искусственное родство, выяснятся изъ слѣдующаго. Къ побратимству могутъ приводить: примиреніе кровниковъ, совмѣстное купанье въ водахъ Іордана при паломничествахъ въ Св. Землю, крещеніе дѣтей въ одной купели и въ той же водѣ, избавленіе отъ опасности со стороны кого-нибудь, совмѣстное предпріятіе, знаменательный сонъ и пр. Въ соотвѣтствіи съ этимъ разнообразіемъ поводовъ стоитъ и разнообразіе способовъ заключенія побратимства; часть этихъ способовъ проникнута символизмомъ и нерѣдко переноситъ въ глубокую старину: магія извѣстія, напр., устанавливаетъ фактъ существованія обряда смѣшивать свою кровь, или обряда ритуальнаго общенія пищей при заключеніи побратимства. Нерѣдко побратимство заключается подъ непосредственнымъ покровительствомъ церкви и сопровождается чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ и др. церковными правилами, выработанными практикой для этихъ случаевъ; иногда, наоборотъ, оно заключается во время весеннихъ празднествъ, носящихъ на себѣ черты язычества. Авторъ въ противобѣсъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ совершенно основательно отстаиваетъ положеніе, что церковь лишь освятила и взяла подъ свое покровительство исконный, народный обычай, основы котораго таятся въ условіяхъ общественной жизни сѣдой древности. Онъ старается дать научное освѣщеніе обрядамъ побратимства и привлекаетъ для этого нѣкоторыя свѣдѣнія объ аналогичныхъ обычаяхъ у дикарей, но главнымъ образомъ довольно обширный матеріалъ о побратимствѣ у другихъ представителей славянскаго племени въ томъ числѣ у великоруссовъ, мало и бѣлоруссовъ. Описавъ различные обряды при заключеніи побратимства, авторъ обстоятельно изслѣдуетъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, возникающихъ между лицами, вступившими въ искусственное родство. Въ современности замѣчается стремленіе ограничить обязательства, вытекающія изъ побратимства; но авторъ на основаніи сопоставленія различныхъ источниковъ, изученія фактовъ переживанія восстанавливаетъ отношенія, къ которымъ приводило побратимство въ прежнее время и къ которымъ, впрочемъ, оно приводитъ мѣстами и въ настоящее.

Менѣе обширны, но не менѣе интересны и сопоставленныя авторомъ свѣдѣнія объ обрядахъ при усыновленіи: въ нихъ не меньше, чѣмъ въ обрядахъ приобратимствѣ, сохранилось чертъ древняго символизма. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе тѣ, въ которыхъ сказывается патетическая имитатіо. Въ новомъ трудѣ объ искусственномъ родствѣ у южныхъ славянъ читатель не найдетъ, правда, новаго матеріала. Но и сопоставленія имѣющагося на лицо и разбросаннаго въ разныхъ изданіяхъ въ одно систематическое цѣлое было бы достаточно, чтобы признать трудъ г. Цишевскаго полезнымъ вкладомъ въ науку; тѣмъ болѣе полезнымъ оказывается этотъ трудъ, благодаря освѣщенію матеріала съ общенаучной точки зрѣнія и сравненіямъ съ аналогичными обрядами у другихъ славянскихъ народностей.

Н. Х.

Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи. *Сочиненіе Козьмы Филатова, удостоенное Имп. Варшавскимъ университетомъ золотой медалі.* (Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“). Варшава, 1898.

Молодой авторъ много поработалъ надъ своимъ, сочиненіемъ и золотая медаль досталась ему недешево. Онъ не только воспользовался наличною литературою по русской диалектологіи и исторіи русскаго языка, но и произвелъ собственныя наблюденія надъ мало еще изученными великорусскими и малорусскими говорами Воронежской губерніи, въ видѣ чего изъ его труда мы узнаемъ много новаго. Сверхъ того, онъ собралъ и издалъ около полтораста №№ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсень, записанныхъ фонетически.

Мы не имѣемъ въ виду входить въ подробный разборъ „Очерка“ и указывать автору мелкія погрѣшности его труда. Намъ желательнѣе обратить вниманіе лишь на два явленія воронежскихъ великорусскихъ говоровъ, на которыхъ г. Филатовъ остановился слишкомъ мало.

Сущность перваго явленія, очевидно, для автора неясна. „Довольно часто, говоритъ онъ, на мѣстѣ *у* является *ю*; этотъ переходъ особенно распространяется на *у*, стоящее въ началѣ слова, и на *у* предлога, при чемъ нерѣдко на появленіе *ю* оказываетъ вліяніе предшествующій мягкій гласный, напр.: на *юспѣхъ*, на *юлицу*, *ю* мнѣ, *ю* тебѣ, *оу* пустыню *ю*далаюсь, *ю*родила, *ю*сы, *ю*ташныла, на *ю*тру; *прію*тъшь, *ю*щъ и др. Рѣже *у* въ *ю* измѣняется и въ серединѣ словъ...“ (стр. 54). „Въ селѣ Сергѣевкѣ, Бобровскаго у., одна часть жителей въ предлогахъ *обю* отъ *ю*бнѣетъ звукъ *о* на *ю*, напр.: *ю*ддутъ, *ю*тяжкая (отъ *ю*зжаетъ), *ю*тправилась, *ю*тяжались, *ю*трудоушка, *ю*блаетиль, *ю*бманшикъ, *ю*бъ акошна и др.“ (стр. 33). То же явленіе отмѣчено профессоромъ Будде въ говорахъ Рязанской губ., но и у него не получило никакого объясненія. Онъ упоминаетъ объ *ю* въ *у*: *И ю* горинки *ю* новой, и *ю* вдовушки (въ диалектологіи вр. нарѣчій, 42); въ записанныхъ имъ пѣсняхъ мы еще нашли: *ю*гаротъ (огородъ), на *ю*лицу (№№ 23, 27), *ю* моей ли *ю* сизой, *ю*рымышки *ю* ней, на *ю*лицу, онъ баялъ, *ю*говаривалъ (въ исторіи

вр. говорювъ, стр. 352, 353). Все-таки относящіяся къ этому явленію факты намъ пришлось привести въ „Опытѣ русской диалектологіи“; между прочимъ, мы упомянули объ и въ словахъ играть, игурецъ въ говорѣ уральскихъ казаковъ и объ частомъ употребленіи и ви. о, а въ началѣ словъ у влецкихъ казаковъ (стр. 103). Г. Филатовъ могъ бы легко найти объясненіе этому явленію, если бы болѣе внимательно прочелъ пѣсни, изданныя г. Предкинымъ въ I томѣ „Воронежскаго Юбилейнаго Сборника“. Последнія показываютъ, что въ говорѣ с. Сергѣевки, Бебровскаго уѣзда, Воронежской губ., передъ у, а, о въ серединѣ слова послѣ гласнаго, въ началѣ слова, если предыдущее слово оканчивается гласнымъ, и въ началѣ же слова, если этнѣ слово начинается фразой (стихъ въ пѣснѣ), является довольно неслѣдовательно неорганический j: на ятру, на юлицы, за юбраннымъ столомъ, машина милава юташила; Ты гари, гари, калечка, Ю милова на руцѣ; Пасажута я червѣннѣю калинку, Ю милова...; Бустъ слизю юлма, Юшь ты, вустикъ...; развадита ягонь, я въ дома ястанюса, ни япъ (объ) чомъ. При этомъ древнее а, о можетъ превращаться въ и: пастучу я ибъ аюшка, нѣбакой жа итрадушки, моладацъ дявчонку иблястилъ (облестилъ), мине замушь идадутъ; Ядною Дуни маей нѣтъ, Итравилась...; Рагнули Гришку ракамъ, Йочень захрапѣлъ... Впрочемъ—что естественно—встрѣчаются исключенія: мая адяла (одѣяло); Люблю я, красная, Удалова илатца; Я вечеръ сваю милова Аставляла начинать. Сравни подобный неорганический i при сходныхъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ и въ современныхъ болгарскихъ говорахъ.

О другомъ явленіи авторъ говоритъ въ главѣ подъ заглавіемъ: „Смѣшеніе родовъ“. По его словамъ, „выдающаяся особенность воронежскихъ говорювъ въ области морфологій является замѣтное паденіе категорій рода: многія имена существительныя изъ одного рода перешли въ другой. Больше всего въ этомъ отношеніи потерпѣли имена среднего рода. Имена этого рода въ силу аканья, т. е. въ силу фонетическихъ причинъ, измѣнили свое родовое окончаніе на окончаніе женскаго рода и сознаются народомъ, какъ имена женскаго рода“ (стр. 128). Это явленіе также извѣстно, кромѣ воронежскихъ, и въ другихъ сильно акающихъ великорусскихъ говорахъ. Сущность его авторомъ понята неправильно. Хотя, конечно, съ теченіемъ времени можетъ послѣдовать полный переходъ словъ среднего рода въ склоненіе словъ женск. р., однако, въ настоящее время въ словахъ средн. р. мы имѣемъ дѣло лишь съ замѣною старыхъ окончаній двухъ падежей им. и ви. ед. окончаній тѣхъ же падеж. словъ женск. р. Прочія падежныя формы, за немногими исключеніями, сохраняютъ старыя окончанія и, напр., при им. ви. ед.: мая аюшка мы имѣемъ дат. маяму аюшну, твор. маниъ аюшкамъ и т. п. Очевидно, мы вовсе не имѣемъ права говорить о паденіи категорій рода или о чемъ-нибудь подобномъ.

А. Соболевскій.

В. Н. Харузина. Сказки русских инородцев. (Съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. М. 1898. 999+II. 8°.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту полезную изящно изданную книгу. Въ ней собраны характерныя сказки русских инородцевъ. За рѣдкими исключеніями, онѣ носятъ на себѣ яркій отпечатокъ быта пересказывавшаго ихъ народа, — въ нихъ мало т. н. «странствующихъ мотивовъ». Въ этомъ отношеніи онѣ только дополняютъ смѣтые и содержательныя «бытовые очерки», обильно иллюстрированныя. Передъ читателемъ проходятъ такимъ образомъ рельефныя бытовые картины, совокупность которыхъ заложить въ юномъ читателѣ плодотворную идею роста человѣческой культуры: онъ знакомъ уже нѣсколько съ характеромъ болѣе высокой русской культуры, «сказки русских инородцевъ» знакомятъ его съ рядомъ предшествующихъ и посредствующихъ ступеней и намѣтятъ такимъ образомъ самую идею развитія — неизбѣжными сопоставленіями. Очерки написаны просто и вполне доступно, хотя мѣстами суховато. Ученныя ссылки при нихъ и при сказкахъ можно было бы свободно опустить, въ виду назначенія книги. Почти всѣ рисунки вышли очень удачно, нѣкоторые, впрочемъ, мало разборчивы (стр. 4, 109, 158), взяты съ неудачныхъ оригиналовъ (19, 31) или даже противорѣчивы (стр. 288, 289 — бѣлый и черный курдь).

Сказки приведены, насколько мы могли прослѣдить, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны въ научныхъ источникахъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ виду читателя можно было поступиться научною точностью и мѣстами подправить не совсѣмъ складный и правильный языкъ. «Грузинскія Сказки» Бебура Б* кажутся намъ источникомъ сомнительной достоверности: онѣ во всякомъ случаѣ подправлены, если не составлены почти цѣликомъ. Можно было бы, или совсѣмъ не пользоваться и подыскать другой матеріалъ.

В. К.

Сибирскій Сборникъ. Приложение къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ на 1898 г. Подъ редакціей И. И. Попова. Иркутскъ. Стр. 247.

„Восточное Обозрѣніе“, основанное покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ и недавно вступившее въ XVI годъ своего существованія, уже 13 лѣтъ выпускаетъ въ видѣ особыхъ приложений „Сибирскій Сборникъ“, заключающій въ себѣ крупныя литературныя и научныя статьи, не помещающіяся въ тѣсныхъ рамкахъ газеты. Богатое содержаніе сборника давно уже оцѣнено всѣми, кто занимался сложными и, силою судьбы, своеобразно-поставленными вопросами сибирской жизни. За послѣдніе годы нѣсколько измѣнилась физиономія какъ самого „Восточнаго Обозрѣнія“, такъ и его сборниковъ: и сама газета и ея приложенія въ значительной мѣрѣ приблизились къ типу провинціальныхъ газетъ Европейской Россіи, отвѣдая значительное мѣсто на своихъ страницахъ явленіямъ обще-россійской жизни въ ущербъ, какъ намъ кажется, пра-

вильному и своевременному освѣщенію многочисленныхъ и отнюдь не порѣшенныхъ вопросовъ областной жизни Сибири. Здѣсь не время и не мѣсто говорить о причинахъ и о степени желательности этихъ измѣненій въ литературной «физиономіи» старѣйшаго и наиболѣе симпатичнаго изъ всѣхъ сибирскихъ органовъ, и если мы объ этомъ заговорили, то только затѣвъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ въ интересный сборникъ 98 года въ рядъ статей о чукчахъ, якутахъ, маньчжурахъ попала компиляція, А. А. Корнилова, посвященная В. Г. Бѣлинскому. За исключеніемъ этой статьи, все остальное содержаніе сборника посвящено Сибири и Востоку.

Статья г. Левина «Географическія и экономическія данныя о Маньчжуріи» представляетъ собою читанный авторомъ въ засѣданіи Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. рефератъ о книгѣ «Описаніе Маньчжуріи», вышедшей подъ редакціей проф. Позднѣва.

Статья г. Бона «Никольская слобода Намскаго улуca Якутскаго округа» касается любопытнаго вопроса о возможности земледѣлія въ Якутскомъ округѣ. Авторъ дѣлаетъ прежде всего историческій обзоръ попытокъ искусственными мѣрами насадить земледѣліе въ Якутскомъ округѣ, — попытокъ, начало которыхъ восходитъ еще къ концу прошлаго столѣтія. Свѣдѣнія о насажденіи земледѣлія среди якутовъ Намской инородной управы, доходя до первой четверти текущаго столѣтія, гложуть и скорѣй исчезаютъ совсѣмъ. Мѣсто якутовъ заняли «сыльно-поселенцы», должностовавшіе, въ силу административныхъ предписаній, ввести земледѣльческую культуру въ Якутскомъ округѣ. Дѣлу это помогло мало. По крайней мѣрѣ, въ Никольской слободѣ въ 1829 году числилось 16 душъ мужского и 13 душъ женскаго пола, а въ 1846 году, 36 лѣтъ спустя послѣ перваго произведеннаго посѣва, число это упало до 7 душъ мужского и 4 душъ женскаго пола. Прослѣдивъ поучительную исторію насажденія земледѣльческой культуры въ Намскомъ улуcѣ и въ частности въ Никольской слободѣ до 1895 года, г. Бонъ подробно знакомитъ съ результатами своего личнаго изслѣдованія Никольской слободки, произведеннаго имъ въ 1895 г. Выводы изъ этого изслѣдованія очень печальны: мизерное земледѣльческое хозяйство жителей слободки не въ состояніи покрыть расходовъ на прожитіе. Исторія Никольской слободки лишній разъ подтверждаетъ, что переходъ къ земледѣлію якутовъ, въ своемъ хозяйственномъ строѣ опирающихся ранѣе исключительно на скотоводство, можетъ быть проивведенъ только самою жизнью, а не искусственными административными мѣрами. Тяжелыя условія переходнаго времени были бы значительно облегчены, если бы исчезла въковая язва сибирской жизни — ссылка. До чего тяжело ей бремя, прекрасно показываетъ расчетъ, приводимый въ статьѣ г. Бона. При мизерномъ хозяйствѣ Никольской слободки населеніе ея должно бы быть сильно задолжено, между тѣмъ весь долгъ слободжанъ составляетъ только 163 р. 50 к. «Чѣмъ же компенсируется дефицитъ въ хозяйствѣ?» — спрашивается г. Бонъ и отсылаетъ за отвѣтомъ «къ оплаваемымъ и обыгрываемымъ якутамъ, темными осенними ночамъ, единственнымъ свидѣтелямъ совершаемыхъ уводовъ лошадей, коровъ, омыковъ, да къ уголовной хроникѣ Якутскаго округа».

Откликнув библиографическую заметку г. Тышнова о „новѣйшихъ трудахъ по исторіи покоренія Сибири“ и превосходную статью о „Борьбѣ съ проказой въ Якутской области“, перейдемъ къ крайне интересному въ этнографическомъ отношеніи очерку г. В. Б. „На рѣкѣ Россомашьей“. Авторъ, производившій перепись среди чукотъ, нѣсколько недѣль прожилъ на верховьяхъ рѣки Россомашьей, у восточной границы чукотскихъ стойбищъ, на разстояніи около шестисотъ верстъ къ востоку отъ Колымы. Разказы о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время пребыванія на рѣкѣ Россомашьей и составляютъ предметъ очерка. Остановиваться подробно на интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи мѣстахъ очерка—значило бы переписать его почти весь цѣлкомъ. Приходится ограничиться простымъ указаніемъ на наиболѣе выдающееся въ очеркѣ. Авторъ попалъ на рѣку Россомашью въ интересное время—къ большому сѣзду, когда по берегу рѣки, кромѣ коренныхъ „нынымовъ“ (жителей), были разбросаны временныя стойбища „кавралиновъ“ (бродячихъ торговцевъ съ Восточнаго моря), связанныхъ съ чукчами тѣсными торговыми и родственными связями. Сѣздъ гостей послужилъ поводомъ для цѣлаго ряда общественныхъ увеселеній. Авторъ очень красиво и съ массой интересныхъ подробностей описываетъ призовые бѣга на оленяхъ, состязаніе въ пѣшемъ бѣгѣ и въ борьбѣ. Вниманіе изслѣдователей шаманства должны особенно привлечь страницы очерка, посвященныя описанію Тылювіи, *ирка-агуль*, т. е. мужчины, принявшаго на себя роль женщины и исполняющаго ее вполне добросовѣстно до самыхъ послѣднихъ подробностей жизни. Подобныя превращенія находятъ въ связи съ особенностями шаманскихъ вѣрованій. „Мужчина“, говоритъ г. В. Б., „которому духи велѣли сдѣлаться женщиной, совершенно отрекается отъ мужской природы, надѣваетъ на себя женское платье, усваиваетъ женское произношеніе и всѣ женскія работы, наконецъ, выходитъ замужъ и исполняетъ всѣ обязанности жены, конечно, *modo Socratis*“... „Чукчи считаютъ ихъ самыми сильными изъ всѣхъ „духовдохновенныхъ“ (эпитетъ шамана) и относятся къ нимъ съ весьма большимъ страхомъ“. Въ очеркѣ находится подробное описаніе камланья Тылювіи.

Большой интересъ представляютъ сообщаемые г. В. Б. разказы Ятиргина (мужа Тылювіи) съ ихъ непосредственной поэзіей и необычайно образнымъ языкомъ. Откликнемъ особенно разказъ о чудесной заморской странѣ, гдѣ растетъ необозримый, громадный лѣсъ, населенный людьми-невидимками, вымѣнивающими драгоценныя мѣха за листикъ табаку. Въ этой странѣ есть и карлики не больше зайца, живущіе въ норахъ, есть и великаны выше стоящихъ деревьевъ, населяющіе горныя пещеры и сопки; когда великаны варятъ себѣ пищу, изъ сопки идетъ дымъ. Подобно людямъ-невидимкамъ карлики и великаны все готовы отдать за табакъ. Близъ той же чудесной страны, въ дуплѣ дерева, растущаго прямо изъ моря, живетъ змѣй духъ. Дерево ложится въ море, а змѣй поднимается все блѣе отъ рыбы, идущей на пищу духу. Иногда дерево зацѣпляетъ чукотскую лодку, и тогда пловцы всѣ попадаютъ къ пасть чудовища. Дальше всѣхъ этихъ чудесъ, на краю свѣта, край твердаго

неба падаетъ внизъ и, ударившись объ землю, отскакиваетъ обратно... И такъ безпрерывно... За тѣми воротами—птичья земля, куда птицы улетаютъ на зиму. Но небо падаетъ такъ быстро, что даже птицы не успѣваютъ пролетѣть, и заднихъ прихлопываетъ, какъ въ ловушкѣ. Обѣ стелжавшіяся половинки покрыты толстымъ слоемъ толченыхъ птицъ больше, чѣмъ на вышину человѣка, и перья тамъ вѣчно носятся по вѣтру... Очеркъ г. В. Б. написанъ прекраснымъ языкомъ, а сохраненныя авторомъ въ неприкосновенности особенности колымскаго говора его русскихъ спутниковъ еще больше увеличиваютъ этнографическую цѣнность этой работы.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ разсказа „Съ ямщиками (записки бѣглеца)“, подписаннаго И-ъ. С.. Свообразный міръ сибирской „ямщины“, жившей „кнуткомъ“, и теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, принужденной искать себѣ другихъ заработковъ, изображенъ авторомъ сильными и яркими красками. Читателя-этнографа, несомнѣнно, заинтересуетъ масса бытовыхъ подробностей, разбросанныхъ въ разсказѣ, а литературные критики, познакомившись съ произведеніемъ г. И-ъ, быть можетъ, призадумались бы надъ вопросомъ, ужъ не изъ провинціи ли, не съ окраинъ ли ждаты имъ новыхъ, не вымученныхъ сюжетовъ и яркихъ, бодрящихъ красокъ. Вѣдь, не даромъ почетныя мѣста въ ряду современной беллетристической литературы занимаютъ очерки Короленко изъ сибирской жизни, уральскіе разсказы Мамина и якутскіе—Сѣрошевскаго, т. е. всѣ тѣ произведенія, которыя и беллетристика и этнографія по праву считаютъ своими.

Н. М.—из.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Томъ XXIX, № 2. Иркутскъ. 1898 г.

За послѣдніе годы изъ „Извѣстій“ Восточно-Сибирскаго Отдѣла этнографія, какъ будто, совсѣмъ исчезла. Съ тѣмъ болѣе большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ во 2-ой книжкѣ „Извѣстій“ за текущій годъ интересную этнографическую статью гг. Суворова и Языкова „Илимскія свадебныя пѣсни“. Тексту пѣсенъ собиратели предпослали вступленіе, въ которомъ подробно останавливаются на илимскомъ свадебномъ ритуалѣ. Этотъ ритуальъ вполне сохранилъ черты старины: неvěста и женихъ называются „князь и княгиня молодые“; остальные участники поѣзда называются „тысячій“, „бояре“ (большой, малый и средній); за столъ садятся непременно заходя по солнцу (къ статьѣ приложена схема, указывающая, какъ размѣщаются участники свадебнаго поѣзда). Интересно отмѣтить, что для пѣнія свадебныхъ пѣсенъ приглашаютъ специально старушекъ „пѣвицъ“. Отъ двухъ такихъ „пѣвицъ“ гг. Суворовъ и Языковъ и записали въ 1897 году 29 №№ пѣсенъ. Всѣ пѣсни (кромя одной) записаны съ голоса, что, конечно, еще больше увеличиваетъ ихъ цѣнность. Авторы заявляютъ, что они въ своихъ запискахъ точно сохранили всѣ необычныя въ обыденной рѣчи формы, какъ, напримеръ: *братца, братену, братенамъ; души красными дѣвцами; дочери* (вин. п.) *отдай*

и въ обстановкѣ суровой, но своеобразной природы, надолго задерживавшей культурное водѣйствіе цивилизаціи.

Авторъ (мѣстный губернаторъ) отправился въ путешествіе по Архангельской губерніи, чтобы содѣйствовать скорѣйшему насажденію культурнаго быта въ этой обитанной странѣ: телеграфныхъ и почтовыхъ сообщений, желѣзныхъ дорогъ, срочныхъ пароходствъ, грунтовыхъ трактовъ, рациональной торговли, промышленности и проч. Однимъ словомъ, архангельскій край ставится въ условія культурнаго развитія, до нѣкоторой степени общія съ остальной Европейской Россіей. Но здѣсь культуртрегеръ сталкивается съ мнѣніемъ науки: не идетъ ли культура въ ущербъ благосостоянію оставшихъ съ нея народныхъ массъ; не вредитъ ли культура одного племени жизненности другого и т. п. Ксть лица, которыя считаютъ непреодолимымъ застою жизни въ природѣ суровой или однообразной, и потому видятъ опасность во всякомъ культурномъ вліяніи извнѣ, могущемъ оказаться не по силамъ мѣстному населенію и потому извести его въ борьбѣ съ нуждою. Къ этому относительно населенія разноплеменнаго прибавляется еще и другое опасеніе, а именно, что племя, болѣе приспособленное къ воспріятію новой культуры, хищнически воспользуется силами слабѣйшихъ племенъ и тѣмъ приведетъ къ вымиранію. Ни того, ни другого мнѣнія не разделяетъ авторъ записокъ, основываясь на матеріалѣ, довольно поучительномъ.

Въ „Общемъ обзорѣ экономической и промышленной жизни русскаго сѣвера“ авторъ отмѣчаетъ „застой“ въ жизни обширнаго края, видитъ тѣмъ не менѣе, что „край этотъ обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояніе мѣстнаго края, но и служить на пользу всего государства“ (1 стр.). Экономическій факторъ, этотъ желудокъ народовъ, есть, дѣйствительно, первое важное условіе и ихъ благосостоянія: онъ даетъ тонъ всему остальному: и успѣшному просвѣщенію поколѣній, и счастливому быту семьи и доброму сосѣдству племенъ. Иначе, конечно, пришлось бы однимъ жить на счетъ другихъ.

Описывая прежде всего Кемскій уѣздъ, авторъ встрѣчается съ корелой и находитъ, что экономическое положеніе корелы „незавидно и пришло въ послѣднее время въ упадокъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, къ которымъ кореляни, по своей неразвитости, привыкли довольно туго“ (37 стр.). Оставаться имъ въ корельской шкурѣ, такимъ образомъ, нельзя; приходится перенять или финскій или русскій образъ жизни. Несмотря на то, что по языку корелы близки къ финнамъ, они больше поддаются русскому вліянію, такъ какъ въ экономическихъ интересахъ (особенно теперь), т. е. въ этомъ важномъ факторѣ жизни они отъ финновъ отдѣлены (послѣдніе преградили имъ даже всѣ пути торговли), и всѣ кемскіе инородцы начинаютъ ассимилироваться съ русскими племенемъ этнографически: принимаютъ къ русской одеждѣ, постройкѣ, пищѣ, языку (многіе говорятъ по-русски), наружнымъ видомъ они также мало отличаются отъ русскаго. Сейчасъ корелы еще сознаютъ свое племенное происхожденіе, и потому не трудно вести статистику ихъ численности (въ Кем. у. корель 22.500 чел., русскихъ 14.420); но когда это

племени принять совѣтъ русской общины, когда ему не зачѣтъ будетъ помнить свое корольское происхожденіе, тогда не станутъ ли статистики заносить ихъ въ свои списки подъ именемъ русскихъ и неосторожно говорить о именихъ „вымираніи“ корелы? А это неизбѣжно случится: желѣзные дороги, пароходные рейсы, торговые обороты выведутъ тѣсно сплоченную массу корелы изъ изъ неподвижности и разрушатъ традиціи племенного другъ къ другу тягѣтвія; на ряду съ этимъ будутъ все настойчивѣе повторяться фразы: „нѣтъ корелы“ или: „исчезаетъ корела“. Впрочемъ, могутъ еще указывать и на то, что дорого стоящія вѣщи культуры не будутъ соответствовать экономическимъ силамъ корелы, а потому заставятъ это племя подъ бременемъ всеобщаго капитала быть въ нищету, въ кабаль, словомъ, въ условіяхъ, не располагающихъ къ процвѣтанію. „Землеки“ не предвидятъ и этого печальнаго исхода; наоборотъ, онѣ видятъ во всемъ проектируемомъ „благо“ населенія.

Говоря далѣе о русскихъ поморахъ, авторъ останавливается на образѣ жизни и характерѣ этихъ „потомковъ вольнолюбивыхъ новгородцевъ“. Завидныя черты этого предприимчиваго, смѣлаго по характеру народа, трудолюбиваго,мышленаго, черты, распространяющіяся на женщинъ и дѣтей,—какъ-то мало гармонируютъ съ картиной жалкаго ихъ благосостоянія. Суровость ли природы, поддерживающая эти черты характера, годы ли тутъ виноваты, но экономическихъ богатствъ—избытокъ, а жизнь самая незавидная. Причина послѣдней—все тотъ же недостатокъ культурныхъ благъ. Впрочемъ, въ послѣднее время культура насаждается; неправды дѣлами и поморы: телеграфъ, срочные пароходные рейсы, суды матеріалами и деньгами дали имъ возможность окрѣпнуть и избѣжать какой бы то ни было кабалы. Такимъ образомъ, поморы уже сейчасъ подтверждаютъ цѣлесообразность всѣхъ культурныхъ мѣропріятій, которыя, безъ сомнѣнія, послужатъ на пользу и инородцамъ, подавленнымъ общей культурной ассимиляціи съ русскимъ племенемъ.

Далѣе идетъ рѣчь о лопаряхъ Кольскаго уѣзда, племени, которое вызвало, такъ много противорѣчивыхъ сужденій. Не задаваясь остальными вопросами о положеніи этого племена въ русскомъ государствѣ, авторъ обратилъ вниманіе на большой вопросъ и ученыхъ и администраторовъ: о вымираніи лопарей и „жалкомъ“ ихъ существованіи. „Лопарское племя“, говоритъ авторъ: „вымираетъ или, лучше сказать, постепенно исчезаетъ и *стишивается* съ сосѣдними племенами. Всѣ они православныя: принявъ обычай и культуру русскихъ, лопари *стишиваются* съ русскими“ (64 стр.). Автору приходилось слышать отъ болѣе или менѣе осѣдлыхъ лопарей такую фразу: „Я не какой-нибудь лопарь, я теперь русский“, или: „Это хорошій (дѣльный, сильный) человекъ, не лопарь“. „Такъ что,—прибавляетъ отъ себя авторъ,—они не дорожатъ своимъ племеннымъ единствомъ“ (стр. 64). Неосторожно употребленное слово „вымираетъ“, очевидно, не соответствуетъ дѣйствительности (срв. литературу по этому вопросу и трудъ Н. Н. Харузина: „Русскіе лопари“). Такимъ образомъ, вторично въ этомъ трудѣ мы встречаемся съ фактомъ ассимиля-

ція, фактомъ сбивчивымъ, не важнымъ; за который слѣдовало бы признаться этнографической наукѣ, въ настоящее время неосторожно, неточно и нецѣлесообразно ставящей вопросъ ребромъ: вымираетъ племя или не вымираетъ?

Другой вопросъ или, какъ выражается авторъ, „платъ“—о жалкой жизни лопаря. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ привольное житье лопарей, еще далекое отъ вліяній истинной культуры, авторъ предоставляетъ разрѣшить вопросъ естественному теченію времени. „Врядъ ли“, говоритъ онъ, „лопари будутъ счастливы при той опеке, которая предлагается въ ихъ, будто бы, интересахъ для огражденія ихъ отъ вымирания и эксплуатаціи сосѣдей; врядъ ли они пожелають промѣнять свою свободу, свою тундру, свой чумъ и вѣжу, свою кочевую жизнь на все блага культурной жизни, пока они сами, облизываясь съ ослѣплымъ наслажденіемъ, безъ всякаго вниманія давленія, постепенно не почувствуютъ потребности къ новой жизни“ (стр. 66).

А это обліженіе произошло и будетъ происходить на почвѣ экономическихъ интересовъ: лопари плохіе хозяева, и природа не надолго можетъ обезпечить имъ беззаботное существованіе; поэтому лопари уже теперь чувствуютъ преимущества высшей культуры. Такъ, помимо ассимиляціи съ русскими, можно указать на приведенный у автора случай переселенія къ лопарямъ зырянъ съ ихъ толковыми оленьимъ хозяйствомъ, отъ котораго лопари много выиграли (стр. 67-68).

Описывая долѣе Мурманъ и промышленный бытъ этого берега, авторъ останавливается на главныхъ интересахъ культуры, одинаково привлекающихъ русскаго и инородца, одинаково ассимилирующихъ сѣвернаго промышленника въ духъ цивилизаціи; эти интересы—производительность труда, чему служатъ: ссуды, артели, телеграфъ, устройство маяковъ, срочное пароходство и, наконецъ, устройство Клатерининскаго порта, къ которому проектируется провести желѣзный путь отъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ, Кемь, Бандалакшу и Болу. Многое изъ этихъ благъ культуры уже осуществляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро сталъ сказываться „необычайный подъемъ духа на Мурманѣ“ (стр. 132). Когда же жизнь въ этой окраинѣ зашипитъ бурно и шумно, тогда и вся племенная рознь этихъ небогатыхъ историческими традиціями массъ исчезнетъ, и развѣ только на страницѣ ученыхъ изслѣдованій будетъ поставлено нѣсколько трудныхъ вопросовъ о вымираніи, исчезновеніи или переселеніи (срв. научныя данныя о нашихъ волжскихъ инородцахъ, особенно мордвъ и чувашахъ). Повторяемъ, полезнѣе было бы выработать научныя приемы въ изслѣдованіи ассимиляціи племенъ и ставить этотъ вопросъ прежде, тѣмъ вопросъ о вымираніи.

Восточная часть Архангельской губерніи, которую также посетилъ и описалъ А. П. Энгельгардтъ, представляетъ не мало своеобразнаго интереса какъ сама по себѣ, такъ и въ связи съ изученіемъ западной части той же губерніи. Прежде всего авторъ останавливается на Новой Землѣ. Имѣя въ виду культурную задачу—призвать къ жизни богатства сѣвера и поднять благосостояніе его жителей, авторъ устремляетъ вниманіе на

промыслы Новой Земли, колонизирует ее самоёдами; народомъ, коснѣющимъ въ бѣдности и неподвижности на тундрахъ материка, связываетъ ее путями сообщенія съ рынками сбыта, вводитъ ее въ сферу вліянія капитала, освѣщаетъ быть поселенца духовно-нравственнымъ свѣтомъ церкви и школы. Авторъ справедливо указываетъ ниже (ст. 249), что такіа опеки надъ самоёдами невозможны въ тундрахъ ихъ родины, и что лишь Новая Земля представляетъ для того удобныя условія. Въ самохъ дѣлѣ, олень, т. е. то, на чемъ держится жизнь настуга-самоёда въ тундрѣ, здѣсь, на островѣ, играетъ ничтожную роль; даже ѣдить самоёды стараются больше на собакахъ. Наоборотъ, промыслы звѣря не только обезпечиваютъ ихъ существованіе, но и даютъ имъ денежные сбереженія, хранящіяся въ Архангельскѣ. Черты быта этихъ поселенцевъ описаны, правда, въ очень общихъ краскахъ, и трудно судить объ ихъ ассимиляціи съ русской культурой; но тѣ указанія, которые дѣлаются относительно ихъ религіознаго просвѣщенія, ярко подчеркиваютъ угасаніе самоёдскаго духа при полной дѣятельности неугасающихъ особей. Самая природа, описанная очень живо, привилегированныя культурныя улучшенія—дальнѣйшія переселенія, становища, порты, промѣры, пароходные рейсы и проч.—ручаться за то, что Новая Земля сыграетъ такую же роль для исторически-обездоленныхъ самоёдовъ, какую для многихъ крестьянъ центра Россіи играла и играетъ еще Сибирь, Средняя Азія, Дальній Востокъ. Съ другой стороны, самоёды, если они проживутъ въ этихъ новыхъ условіяхъ лѣтъ 40—50 подъ тремя только факторами обрусѣнія: церкви, школы и экономической культуры, и если они при этомъ дѣйствительно обрусѣютъ,—дадутъ крупный примѣръ значенія культуры въ вопросѣ эволюціи національныхъ чертъ характера и быта. Къ 1895 г. на Новой Землѣ жило 128 самоёда съ дѣтьми и женами, переселенныхъ администраціей; населеніе это еще увеличится, но и его уже вполне достаточно, чтобы вносящимъ дѣлать научные выводы.

Другой характеръ представляетъ жизнь тѣхъ же самоёдовъ въ Печорскомъ край, гдѣ они сосѣдятъ съ зырянскими и русскими. Обѣ послѣднія народности являются элементомъ жизненнымъ, и авторъ справедливо считаетъ ихъ интересы связанными съ интересами всего края, и наоборотъ, интересы самоёдовъ—исторически проигранными. Русскіе, живущіе въ Мезенскомъ уѣздѣ и по берегамъ Печоры—въ Печорскомъ (стр. 194 и 219), и зыряне въ Печорскомъ (219 стр.) прогрессируютъ благодаря осѣдлому образу жизни и полному умѣнію приспособиться къ условіямъ края. Наоборотъ, самоёды, живущіе на Канинѣ и въ общихъ Земельскихъ тундрахъ, кочуютъ, если имѣютъ хоть малѣйшую возможность держать стадо оленей, въ обрѣзъ поддерживающее ихъ существованіе; если же нѣтъ, они переходятъ въ осѣдлое состояніе, т. е. къ высшей культурѣ переходятъ вполне разоренные, неспособные, немнимоны. Причина этой косности заключается исключительно въ привычкѣ кочевать, отъ которой они не отвыкаютъ, потому что еще много свободы въ тундрѣ, оленей достаточно для большинства самоёдовъ, а глядѣть въ будущее: они не умѣютъ. А это будущее—грозить... не вымираніемъ, а

экономическими заботами, если только они не перейдутъ къ осѣдлой жизни, подобно ново-земельскимъ самоѣдамъ или печорскимъ зырянкамъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что „нигдѣ и никогда кочевники не пользовались благосостояніемъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда имъ попадало чужое добро, захваченное грабежомъ, но и такого добра хватало не надолго“ (249 стр.). Самоѣды имѣютъ всѣ шансы къ прогрессу: они способны „сливаться“ съ русскими и зырянами и даже не уменьшаются численно. Остается имъ дать культурный толчокъ, который вывелъ бы ихъ изъ косности. Именно, не нужно „охранять“ ихъ ни отъ зырянъ, ни отъ русскихъ, какъ справедливо думаетъ авторъ (248—9 стр.); но и оставить ихъ на произволъ судьбы, пока они не перейдутъ къ осѣлости, тоже не слѣдуетъ: они перейдутъ къ осѣлости, какъ это видно и теперь, совершенно разоренными. Мы видѣли на припѣрѣ корелы, лопарей, наконецъ, здѣсь—зырянъ, что ассимиляція съ народами высшей культуры ведетъ ассимилированную народность къ прогрессу; поэтому и въ вопросѣ о самоѣдахъ слѣдуетъ прежде уяснить, какія условія для ассимиляціи самоѣдовъ съ зырянами и русскими можно найти на мѣстѣ: намъ думается, что это церковь и школа, поставленная рационально, и затѣмъ—экономическое учрежденіе, облегчающее частную конкуренцію налогоплательщику (самоѣду): пріобрѣтеніе обстановки промысла, сбытъ, обзаведеніе осѣлыми имуществомъ (избой и пр.), пріобрѣтеніе хлѣба, овощей и другихъ продуктовъ. Тогда и у самоѣдовъ оленное хозяйство не будетъ окончательной цѣлью жизни: другіе промыслы дадутъ имъ другія средства, другая пища избавитъ ихъ отъ горькой случайности питанія.

Зыряне ясно подтверждаютъ эту силу культурной жизни. Правда, они безъ оленки дошли до теперешняго своего состоянія; но, когда они начали свое возрожденіе, у нихъ не было конкуренціи; теперь же они мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ, и, стало быть, та же конкуренція имъ не страшна. Наоборотъ, при своей многочисленности, они прекрасно приспособились и къ осѣдлой промышленно-торговой жизни русскихъ, и къ полукочевому оленному хозяйству жителей тундры. Последнее обстоятельство настолько важно, что если бы зырянамъ (и русскимъ) закрыть доступъ въ тундру, разорился бы весь край, какъ справедливо полагаетъ авторъ (280 стр.). Сами русскіе, ничуть не поступаясь своей культурой, приспособились къ тундрѣ, подражая зырянамъ; лучше сказать, сама тундра ассимилировала въ экономической жизни и русскихъ, и зырянъ, какъ двѣ народности, по своимъ силамъ и способностямъ исполнѣе соответствовавшія хозяйственнымъ требованіямъ тундры. Въ этомъ смыслѣ можно внести поправку къ мысли автора, высказанной на страницѣ 281: „Гдѣ сходятся два племени, менѣе культурное всегда подчиняется вліянію другого и ассимилируется съ нимъ“. Именно, не только это, но и географическія условія мѣстности ассимилируютъ двѣ или нѣсколько народностей, разъ онѣ столкнулись въ этихъ условіяхъ.

Въ цѣляхъ краткости мы не останавливались подробно на богатыхъ свѣдѣніяхъ о природныхъ свойствахъ края, бытѣ и занятіяхъ жито-

лей, культурных начинаний правительства и только желком коснулись все это, поскольку требовала того общая идея будущего благосостояния сѣвера Европейской Россіи съ своими суровыми условиями рельефа и климата и съ разнообразіемъ своего населенія, начинающаго входить на путь общо-русской культуры. Мы особенно часто останавливались при этомъ на фактѣ ассимиляціи племенъ, съ одной стороны, какъ на фактѣ вполне отрадномъ въ исторіи человѣческихъ отношеній, а съ другой, какъ на фактѣ, который долженъ быть поставленъ научна, чтобы культура могла ему довѣряться. До сихъ поръ чаще всего ставился вопросъ о вымирании или невымирании, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ставился неудовлетворительно: вымирание никогда строго не отграничивалось отъ ассимиляціи; что же касается невымирания, живучести, то—здѣсь нѣтъ еще полного отвѣта: племя живетъ—и только, а какъ живетъ (архангелскимъ ли, новымъ ли курсомъ), зачѣмъ живетъ (для себя ли, для общаго ли человѣческаго прогресса)—отвѣта нѣтъ. Даже культурная живучесть народовъ, сплотившихся въ цѣлыя государства, еще не все скажетъ нашему уму, если мы не заглянемъ въ сущность ихъ культурной другъ съ другою ассимиляціи. Да и каждое изъ нихъ стремится къ этой ассимиляціи: одно, чтобы подвести все подъ единую власть первосвященника, другое—подъ единую силу окованнаго въ броню кулака, третье—слышать только назойливыя требованія сгущенной крови, четвертое—звать всѣхъ подъ власть серебра или золота, пятое—подъ единую силу народной воли, шестое—народнаго труда и т. д. Въ комъ—истина, отвѣтитъ исторія; но сейчасъ стремленіе къ ассимиляціи—фактъ на лицо. Тѣмъ съ большимъ интересомъ должны мы слѣдить за этимъ фактомъ внутри нашей Россіи, гдѣ вопросъ поставленъ какъ бы частично, но зато, подобно самодѣламъ на Новой Землѣ, въ лучшихъ условияхъ: безъ конкуренціи въ силѣ внѣшней.

Имѣя въ виду эти мысли и встрѣчая по нимъ такъ много отвѣтовъ въ книгѣ „Русскій Сѣверъ“, мы не можемъ не выразить, что почтенный авторъ заслуживаетъ за это большое вниманія и признательности.

Вл. Б.

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Подъ редакціей члена комиссіи С. Д. Яхонтова. Рязань. 1898 в. 2.

Въ отношеніи этнографіи разсматриваемый выпускъ Трудовъ Ряз. Уч. Арх. Комиссіи содержитъ очень интересный матеріалъ, представляемый, главнымъ образомъ, „Дневникомъ раскопокъ Пронскихъ кургановъ“. Для лицъ, занимающихся изученіемъ колонизаціи Россіи, эти раскопки, несомнѣнно, имѣютъ немалое значеніе, и они съ интересомъ познакомятся съ ихъ результатами, изложенными въ указанной статьѣ, подробно описывающей какъ курганы, въ которыхъ производились работы, такъ и найденныя вещи. Въ этомъ же отношеніи интересна статья г. Раевского „Изъ экскурсій по Нижегородской губ.“, описывающая пробныя раскопки въ мѣст-

ности, называемой „Коровашекъ“. (Любопытно, между прочимъ, объясненіе и самаго названія этой мѣстности отъ корова—по вѣшнему виду).

Для лицъ, интересующихся содержаніемъ рукописей Рязанскаго Историческаго Архива, любопытно продолженіе „Описи дѣлъ“ этого архива. Тутъ же помѣщены и документы: 2 жалованныя грамоты: одна—1616 года на монастырскія селища и пустоши въ Рязанск. у., въ Перевицкомъ стану, въ Мещерской сторонѣ; другая—1623 г., тоже относящаяся къ вотчинамъ въ Мещерской сторонѣ. Затѣмъ тутъ помѣщена выпись письма и дозору на монастырскія селища и пустоши 1620 г. и выпись изъ Рязанскихъ писцовыхъ книгъ, тоже относящихся къ монастырскимъ владѣніямъ, 1629—1630 гг.

Наконецъ, для изслѣдователя исторіи народнаго образованія въ Россіи представляетъ интересъ продолженіе „Материаловъ для исторіи главнаго народнаго училища въ Рязани и учрежденія другихъ народныхъ училищъ въ Рязанской губ.“

Д. С.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

Владимірскія Губ. Вѣд. 1888. 23, 25, 27, 35, 36, 39. *Добрыниль*. „Сто лѣтъ назадъ и теперь“. Статистическій обзоръ уѣздовъ Владимирской губерніи.—24. Учрежденіе во Владимирѣ Губернской Ученой Архивной комиссіи.—26, 27, 30, 31, 33, 34, 37, 41. „Уроженцы и дѣятели Владимирской губ.“ Помѣщены: 1) біографія Н. Я. Дубенскаго съ подробнымъ перечнемъ его трудовъ, среди которыхъ есть и этнографическіе; 2) біографія К. Н. Тихонравова съ подробной бібліографіей всего имъ напечатаннаго (много любопытныхъ этнографическихъ статей), и 3) біографія іеромонаха Юсафа съ перечнемъ его работъ.—28, 29, 30. Рукописная повѣсть о видѣніи Козьмы Игумена (по поводу изданія И. А. Голышева); довольно большая и интересная замѣтка.—32. Первый Спасъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ (изъ „Прав. Вѣстн.“).—33. Спасъ Преображенъе (оттуда-же).—32, 33. *Сперанскій*. „Сельскія хороходныя игры и пѣсни“; интересный матеріалъ изъ Владимирскаго у.—34. Спожинки (изъ „Прав. Вѣстн.“).—39. *Сперанскій* „Крикуны“. Любопытная этнографическая замѣтка о добровольныхъ членахъ церковнаго причта, называемыхъ „крикунами“ (погостъ Баглачево Владимирск. у.) Во всю пасхальную недѣлю они помогаютъ духовенству обходить приходъ. Придя въ деревню, крикуны поютъ не „Христосъ воскрес“, а „Христосъ воскресъ! Воистинной красуйся, Мать Вожія! Помилуй“!.. На вопросъ автора, почему они не поютъ „Христосъ воскрес“, крикуны отвѣчали: „Христосъ воскрес“ такъ шибко не споешь!.. Да ужъ это пѣнье испоконъ вѣку ведется“. Авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ крикуновъ, объ отношеніи къ нимъ духовенства, крестьянъ.—40. Этнографическо-статистическая статья *Людьякова*.—„Константиновская волость Александровскаго уѣзда“.—41. Покровъ—первый зимній праздникъ (изъ „Прав. Вѣстника“).—35, 40, 41 *Соловьевъ*. „Бытовые очерки. I. Деревенскіе праздники“; интересные матеріалы по народному календарю.

Всемірный Путешественникъ (прилож. къ „Родина“). 1889.—2. *Шелляковъ*. Черезъ Новгородъ.—5, 6. *А. Арсентьевъ*. Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколым-

сномъ край 1643—1867 (Изъ воспоминаній миссіонера).—10, 12. *Н. Демидовъ*. Изъ путешествія по Новороссіи.—1890.—4, 5. *Е. Марковъ*. Визвъ по Чороку (на Кавказѣ)—8, 7. *Демидовъ*. „Изъ путешествія по Новороссіи“. 7—10. *В. Кудрявецъ*. Прикамскій край, его памятники, легенды и преданія—8. *Н. Демидовъ*. Кое-что объ историческихъ памятникахъ въ Новороссіи (еклесіа пещеры на скалахъ и изваянія изъ камня).—10. *Н. Демидовъ*. Кое-что о степяхъ Запорожья (преданія)—11. *Вербовскій*. Изъ путешествія по Малороссіи.—12. *Н. Демидовъ*. Кое-что изъ жизни крестьянъ малороссовъ Новороссійскаго края.—1892.—5, 6, 7. *А. Вакуловскій*. Сибирскіе очерки.—9. *Д-каго*. Сибирскія крестьянскія свадьбы и „женщины“.—1893.—8—11. *А. В-скій*. Сибирскіе очерки.

Мѣсяное Слово. 1898. 3734. Изъ „Петерб. Листъ“ Секта „райскихъ коммерсантовъ“. Центр—село Осиповка, Хвалынскаго у., Саратов. губ.; основатели Аванасій и Андрей Коноваловы, продававшіе мѣста въ рад и живымъ и мертвымъ, что связано съ въкоторой обрядностью.—3775. Изъ газ. „Югъ“ „Катакомбы пещерно-жителей“—Въ окрестностяхъ с. В. Знаменка, Таврич. губ.—3757. „Секта сухарниковъ“. Центр—с. Азекѣвка около г. Хвалынска, Саратов. губ., основатель секты монахъ Прохоръ, пріобрѣвшій своихъ послѣдователей сухарями.—3756. Изъ „Правит. Вѣстн.“ Рѣшеніе вопросовъ чести у гранландскихъ эскимосовъ (посредствомъ рѣнія и танцевъ въ формѣ особаго состязанія),—3754. „Раскопки Муранскаго могильника“ изъ статьи Краснодубровскаго въ „Сарат. Листкѣ“. Добытыя данныя приводятъ къ заключенію, что населеніе Муранки имѣло сношенія съ булгарами и съ Азіей, отличалось богатствомъ, что погребеніе существенно отличается отъ татарскаго.—3794. Изъ „Сибир. Вѣстн.“. Способъ называнія у дѣтей такъ назыв. „собачьей старости“ въ с. М. около Суауна въ Барнаульскомъ округѣ (запеканіе ребенка въ тѣста, послѣ чего куски тѣста бросаются собакамъ, на которыхъ и переходить болѣзнь).—3816. Засѣданіе секціи Географіи, Антропологіи и Этнографіи на Кіев. съѣздѣ естествоиспытателей: докладъ свая. *Н. Билинова*. „О вотяцкихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ“ (докладчикъ доказываетъ существованіе у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній).—3854, 3857. „Пѣснопѣнія и религіозное ученіе тлыстовъ“ Терской области (собрано 8 пѣсней, снабженныхъ необходимыми объясненіями.)

Курскія Губ. Вѣд. 1898. 117. Біографическія свѣдѣнія о курскомъ археологѣ М. С. Тетеркинѣ.—132. Страничка изъ приходской лѣтописи; историческія данныя о произвольно-замочномъ способѣ расчистки дѣсныхъ участковъ въ въкоторыхъ уѣздахъ Курской губ.—134, 135. Отчетъ о рефератѣ Л. Денисова („Иконы Знаменія въ христіанскомъ искусствѣ“), прочтенномъ въ отдѣлѣ иконовѣдѣнія Московскаго Общества Люб. Провс. Иконы Знаменія г. Денисовъ считаетъ древнимъ и основнымъ типомъ изображенія Богородицы.—144. Интересная выдержка изъ журнала „Трудовая помощь“ о жизни сельскихъ нищихъ въ Кадужской губеніи.—146. Праадники у китайцевъ.—148, 149. Воспитательное значеніе сказокъ. Изложеніе взглядовъ по этому поводу. Стоитъ отмѣтить одинъ совѣтъ Адлера, при строгомъ примѣненіи котораго, пожалуй, всѣ сказки надо признать матеріаломъ антипедагогическимъ: надо выбрасывать изъ сказокъ все, что въ нихъ является суевѣріемъ, остатокъ стариннаго анимизма и. конечно, все, что непригодно съ точки зрѣнія нравственности.—150. Выписка изъ „Волини“: со словъ мужика разсказывается, что въ мѣстечкѣ Кодицѣ пошли крестить ребенка; приносятъ къ попу—вмѣсто ребенка омазывается хлѣбъ; унесли назадъ домой—ребенокъ, какъ ребенокъ; во второй разъ вмѣсто ребенка оказалась восковая свѣча; а третій разъ—рыба. Рыбу окрестили; превратившись дома въ ребенка, новорожденный говоритъ: „Если бы меня окрестили, когда я былъ хлѣбомъ, дешевъ былъ бы мнѣ хлѣбъ; если бы окрестили, когда я былъ свѣчей моръ былъ бы на людей; теперь же, когда меня окрестили рыбой, будетъ,

„ледъ“ и вода большая. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого промѣтъ градъ, выбившій всѣ поля.—155, 156. Мѣстный элементъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Считае автора „Слова“ куряниномъ, замѣтно дѣствъ указанія на мѣстныхъ черты въ „Словѣ“. Нѣкоторыя черты пейзажа въ „Словѣ“, которыя авторъ замѣтки считаетъ мѣстными, особенно курскими, съ большимъ еще правомъ могутъ быть названы всеобщими для юга Россіи, напримѣръ: „картинное описаніе наступленія ночи въ „Словѣ“.. осталось вѣрнымъ для курскаго края нашихъ дней. Какъ много замѣтно тому назадъ, такъ и теперь, яркій, характеристичный признакъ окончанія весенняго вечера: прекращеніе соловьиного пѣнія и громкаго, надѣждливаго подчасъ крика галокъ“ Гораздо любопытнѣе привлеченіе авторомъ къ объясненію лексическаго состава „Слова“ матеріаловъ изъ народной рѣчи курянъ.—157. Замѣтка свящ. Тимофеева объ археологической экскурсіи Д. М. Струкова въ пещерѣ села Холки, Новосколенскаго у.—194. Женщины въ Корѣѣ.—157, 158. Изложеніе доклада г. Леонтьева „Объ организаціи дѣятельности С.-петерб. юридич. общества по изученію обычнаго права и объ организаціи изученія юридич. обычаевъ въ предѣлахъ Курской губерніи“ и преній по этому докладу въ Курскомъ юридическомъ обществѣ.—167, 169. Суевѣрія относительно камней. 201. Цыгане (этногр. очеркъ).—207. Выписка изъ „Фельдшера“ относительно знахарей въ Малороссіи.

Мессевенія Вѣд. 1898. 252. *И. Н. Шаховской*. Раскопки въ Херсонѣ сѣ.—254. Старинная гробница (королею 20-ой династіи въ Фивахъ).—259. Киевъ. Археолог. находка въ лаврѣ (трехъ череповъ; погребеніе въ стоячемъ положеніи).—261—Владикавказскій Окружной Судъ: Ворья съ чертами.—263. Открытіе агурусской могилы близъ Волатеръ.—270. Греческія раскопки вблизи Фермона.—272. Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ.—277. Раскопки въ Троѣ (о лекціи Дѣрпфелда въ Дюссельдорфѣ).—Праздникъ 7 звѣздъ въ Китаѣ.—281. Поѣздка въ верховья Аму-Дарьи (гг. Вобринскаго, Боговавленскаго и Семенова).—283. Библиографія: Т—, Живая Старина, годъ восьмой, вып. I Спб. 1898.—Древнѣйшее упоминаніе о нефтяномъ маслѣ.—Висмаркъ и суевѣрія.

Олонекія Губ. Вѣд. 1898. 1. *Лезинъ*. Изъ жизни Олонекскихъ евреевъ (см. 1897 г. № 43). *Берескій*. Кустарные промыслы въ Каргопольск. у. (окончаніе: см. 1897 г. № 98).—4, 8 Собираніе свѣдѣній о юридич. обычаяхъ народа (съ программой для собиранія свѣдѣній М. Н. Харушина).—9, 12. *Людкинъ*. Зимнія картинки Олонекскаго края.—14, 16. Путешествіе по Олон. краю акад. Озерецковскаго въ 1785 г. 20, 21. *В. И.* Матеріалы для исторіи Олон. края.—36—41. *Д. Березкинъ*. Древніе обитатели Каргопольскаго края „Чудь бѣлоголазая“. 44—46, 48—53, 65—79. (прод). Путешествіе по Олонекскому краю въ 1785 г. академика Озерецковскаго.—52. *С. А.—скій*. Троицннъ день въ Каргополѣ (между прочимъ, о свадьбахъ уходомъ).—54—64. *Св. А. Пономаревъ*. Книжное нарѣчіе Великогубской волости, Петроаводскаго у. 57—61. *Е. П.* Картинки увеселеній сельской молодежи (бесѣды, посидки и игрыща).—64. Изъ с. Теплаго, Нижегород. у. (Жертва суевѣрія: „Нижег. Губ. Вѣд.“).—81—83. *Дж. Березкинъ*. Городъ Каргополь и его окрестности до паденія Великаго Новгорода.—84—89. Путешествіе Озерецковскаго—88—89 (и слѣд).—Объ „уходѣ“ дѣвнцъ въ замужество (въ Павловской волости Каргопольскаго у.).

Оренбургскія Газета. 1898. 283, 353. *Тимашевъ*. „Отъ Оренбурга до Влостокъ“. 357 Къ исторіи перехода киргизъ въ осѣдлое состояніе (перепеч. изъ „Прав. В.“).

Пермска Губ. Вѣд. 1898. 1. *Дмитріевъ*. Въ 300-лѣтнн г. Верхотурья (истор. очеркъ).—2. *С.—ва*. По Пермскому краю: Ирбитскій уѣздъ (данныя по вѣрованіямъ: знахарн, лѣшіе, домовая).—5, 7. *Мейеръ*. По Вишерѣ (путев. замѣтки).—16, 18, 24, 26, 33, 43, 46, 50, 57, 58, 63, 69, 83, 89.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Алтайскій Сборникъ. Изд. Общ. Люб. изслѣдованія Алтая. Т. III. Барнаулъ, 1898. Ц. 50 к.

Анучинъ, Д. Н. Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношеніи (изъ „Братской помощи пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, год. 2). Москва. 1898, б. 8°, брош.

Архипова, П. Н. Бытъ русскаго народа въ повѣстяхъ для дѣтей школьнаго возраста. Повѣсть первая. Симбирскъ. 1898. 8°, бр.

Барановскій, Антоній, епископъ. Забѣтки о литовскомъ языкѣ и словахъ. I—VIII. Изданіе II Отд. И. Академіи Наукъ (оттискъ изъ LXV т. „Сборника Отдѣленія рус. яз. и словесности“). Спб. 1898. 8°.

Баранцевичъ, Е. М. Конокрадство и мѣры противъ него въ Россіи. Судебно-бытовой и статистическій очеркъ. *Приложеніе*: Статистика конокрадства въ Россіи. Изданіе журнала „Бонская Охота“. Москва. 1898. 8°. vol 1.

Бартъ, А. Религін Индіи. Ц. 1 р.

Бахтіаровъ, А. А., и Ммхайловъ, П. А. Краткое понятіе о письменности у древнихъ народовъ и ея развитіе до настоящаго времени. Краткое пособіе для учениковъ спеціального класса первой школы печатнаго дѣла (Первая школа печат. дѣла Имп. Рус. технического общ.). Спб. 1896. 8°.

Березовскій, В. В. Русская музыка. Бритико-историческій очеркъ. Спб. 1898 8°. 524 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Блиновъ, Николай, свѣщ. Языческій культъ вотяковъ. Вятка. 1898. Ц. 30 к.

Болоуновскій, К. Древнія гирьки, найденныя въ Кіевѣ, и отношеніе ихъ къ различнымъ вѣсовымъ системамъ. Съ 2 табл. (матеріалы по археологін Кіева). Кіевъ. 1898. 8°, брош.

Боршовъ, В. „Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи“. Баштона Милковича (изъ „Изв. Общ. Арх., ист. и этногр.“ Т. XIV. вып. 5). Казань. 1898. 8° брош.

Будде, Е. О заслугахъ Ѳ. И. Буслева, какъ ученаго лингвиста и преподавателя. Рѣчь, читан. въ торжественномъ засѣданіи Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр. 28 сент. 1897 г. Изъ XIV тома „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“. За 1898 г. Казань. 1898. 8° брош.

Будде, Е. Ѳ. О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужскій губ. I. Спб. 1897.

Бѣльковскій, Мв. Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и прихѣты, приуроченные къ „Рязанскимъ святамъ“ (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ. 1896. брош.

Бюхеръ, Н. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Статьи изъ книги „Происхожденіе народн. хозяйства“ (1. Паденіе ремесла. 2. Соединеніе труда и совѣстный трудъ. 3. Первобытный хозяйственный строй. 4. Хозяйство первобытныхъ народовъ). Переводъ подъ ред. В. Э. Дена. Изд. М. И. Водозовой. СПБ. 1898. 8°. 144 стр. Ц. 60 к.

Варбъ, Е. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учреждений (Очерки Румянцовскаго музея). Оттискъ изъ „Вѣстн. Воспитанія“. Москва. 1898.

Варнаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ р. Оби, I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. (Изд. Департам. Земледѣлія). СПБ. 1898. 6. 8°.

Веселовскій, Александръ. Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. (Изъ Журнала Мин. Нар. Прос., мартъ, 1898). СПБ. 1898. 8°.

Виленская губернія. О нѣкоторыхъ трудахъ по изслѣдованію Виленскаго края и его исторіи (Изъ „Вил. Вѣст.“) Вильна. 1898. 16°.

Витевскій, В. Н. Введеніе въ историческую монографію: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань. 1897, бр. 8°.

Военскій, Н. Русскій музей Императора Александра III. СПБ. 1897. 8° бр.

Вороновъ, Г. Крестьянскія свадьбы въ Устюжскомъ уѣздѣ Новгород. губ. Новгородъ. 1897. 8° бр.

Восточный вопросъ. Политико-этнографическій очеркъ. СПБ. 1898.

Гальковскій, Н. Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы. 1897.

Гёрнесь, М. Исторія первобытнаго человѣчества, пер. съ нѣм. съ пред. и прим. Н. Березина, съ 45 рис. 2-е изд. журнала „Образованіе“. СПБ. 1898. Ц. 50.

Голосковичъ, Конст. Свящ. астрологія въ Россіи въ XV—XVI вв. и посланіе старца нековскаго Клеазарова монастыря Филофея „На звѣздочетцы и на латыны.“ Островъ. 1897. 8-° бр.

Гроссе, Эрн. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣм. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. Москва 1898, 8° 273 стр. Ц. 1 р.

Да'атъ-Недомимъ. Матеріалы для исторіи семействъ, производящихъ свое происхожденіе отъ лицъ, умершихъ мученическою смертію въ 1659 г. въ мѣстечкѣ Ружинахъ вслѣдствіе обвиненія въ умерщвленіи ребенка съ религіозною цѣлью. Собралъ изъ печатныхъ изданій и рукописей *И. Т. Эйзенштадтъ*. Привелъ въ порядокъ, дополнилъ, снабдилъ примѣчаніями *С. Е. Вимеръ*. Изд. Л. П. Фридланда СПБ. 1897-98.

Добьеръ, Н. Первобытные люди. СПБ. 1898.

Докладъ редакціоннаго комитета отдѣленія обычнаго права СПБ.

Юридическаго общества о предстоящей ему деятельности Спб. 1898 (?), 8-^о, бр.

Древности. Труды археографической комисіи Им. Моск. археол. общества. Томъ I—вып. 1, 2. Москва 1898 4-^о.

Дамудра, Г. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Т. I. Перев. съ франц. А. А. Позенъ подъ ред. Д. А. Борончевскаго. Съ рис. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. Москва 1898. 354 стр. Ц. 1 р.

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этнографіи края. Подъ ред. В. В. Иванова. Изд. Харьк. губ. статист. комит. Т. I. Харьковъ. 1898.

Зетъ, Е. Сказки китайскія, бретонскія, финляндскія, и ромбейсонскіе рассказы. Екатеринбургъ 1897 8-^о бр.

Зильберштейнъ, Іоан. Сводъ этики іудаизма. (По библіи, талмуду и раввинской письменности). Изд. А. Цукермана. Ч. I—по библіи. Варшава. 1899.

Истринъ, В. М. Откровеніе Мессодіи Цатарскаго. Москва. 1897.

Малачевъ, А. Поѣздка къ телегетамъ на Алтай. (Изъ „Жив. Стар.“ 1896. III IV). Спб. 1896. 8^о, бр.

Нампфмейеръ, П. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Пер. съ нѣм. А. Гердъ, изд. журнала „Образованіе“. С.П.Б. 1898 Ц. 60 к.

Марѣвъ, Н. Указатель соціологической литературы. Спб. 1897. 8-^о 33 стр.

Катамовъ, Н. О. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 1 іюня по 20 авг. 1897 г. въ Белебеевскій и Мензелинскій у. Уфимской губ. Казань. 1898, 8^о, бр.

Клингенъ, И. Среди патриарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго востока (Египеть, Индія, Цейлонъ, Китай, Японія). Часть I. Введеніе.—Египеть. Съ 132 рис. и картой Спб. 1898 г. 6. 8^о, стр. XXVIII+460. Ц. 3 р.

Клодъ, Эдуардъ. Первобытныи челоѣкъ. Популярныя бесѣды. Пер. со 2-ого англ. изд. Изд. магаз. „Книжное Дѣло“. Москва 1898. Ц. 50 к. (Рецензія въ „Русс. Бог.“ 1898. III. т.).

Колесниковъ, В. А. Причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Ярославль. 1898, 8^о, бр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія челоѣческой культуры, пер. съ 3-го нѣм. изд. подъ ред. А. Рейнгольда. Вып. VI, изд. Іогансона. 1898. Ц. за 8 вып. 3 р. 50 к.

Кузнецова, А. А. и П. Е. Куламовъ. Минусинскіе и ачинскіе инородцы (Матеріалы для изученія). Изд. Енисейскаго губ. Стат. Комитета. Красноярскъ. 1898.

Куламовъ, П. Е. Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ. Отг. изъ изд. Енис. губ. Статист. Комитета: „Минусинскіе и ачинскіе инородцы“ Красноярскъ. 1898.

Куликовскій, Герм. Словарь областного олонечкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ прижитіи. Изданіе Отдѣленія русскаго

языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. СПБ. 1898. 4°, VII+150 стр. (въ 2 столбца). Ц. 2 р. 50 к.

Мушинъ, П. А. Письма къ О. М. Боднскому (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ. 1898. 8°, 6р.

Лашмаревъ, П. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и раскрытія. Кіевъ. 1898, 8°.

Летурино, М. Эволюція работва, пер. съ фрэнц. З. Журавской, изд. т-ва Н. Д. Сытина. Москва 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Ливертъ, Ю. Исторія осѣли. Пер. съ нѣм. Н. Шатерникова, изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Лоренцъ, Н. Ф. Орнаменты войскъ прошлыхъ и стилей. 100 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Изд. А. Ф. Девриена. 1898, 6. 8° (выходитъ выпусками по 10 таблицъ).

Майновъ, М. И. Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. Съ 3 табл. 1 фототип. и 1 книжогр. („Труды Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.“ № 2). Иркутскъ 1898, 214 стр. (Сочиненіе удостоено награды отъ Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.).

Мессиди, іером. Балмыки Большедербетовскаго улуса Ставропольской губ. и калмыцкія хурумы. Изд. 2-е. Ставрополь. 1898, 8°.

Милорадовичъ, В. Сибѣтская старина (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ, 1898, 6р.

Милуновъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. 2-е изд. „Русской Мысли“, Москва 1898.

Миролюбовъ, А. Бытъ еврейскихъ царей. Библиейско-археологическое изслѣдованіе. Казань. 1898.

Мостыцъ, А. Слѣды каменнаго вѣка въ долині рѣки Селенги. Москва. 1898. 8°, 6р.

Недзельницкій, Іоаннъ, (свящ. мисс.). Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. 2-е изд. И. Тузова. СПБ. 1899.

Нидерле, Люборъ, д-ръ. Человѣчество въ доисторическія времена. Доист. археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Пер. съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ ред. Н. Д. Анучина. Съ 439 рис. и картами. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. СПБ. 1898 Ц. 5 р. (Рец. В. Сивова—въ „Русск. Вѣдом.“ 1898, № 100).

Ольденбергъ, Герм. Будда, его жизнь, ученіе и община. Пер. П. Николаева. Изд. З Д. П. Копнова. Москва. 1898. Ц. 2 р.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по Сѣверу Россіи. (Архангельскъ, Бѣлое море, Соловецкій монастырь, Мурманъ, Новая Земля, Печора). Съ прилож. плана и 12 картъ. Изд. Т-ва Архангельско-Мурманскаго пароходства. СПБ. 1898. 8°.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности. Подъ ред. Н. В. Пономарова. Т. I, II, III, IV, V. Изд. Мин. Земл. и Госуд. Им. СПБ. 1892—98, 6. 8°.

Панульскій, Н. А. Краткіе очерки кустарныхъ промысловъ Черниговской губ. Кіевъ. 1898.

Пальмовъ, М. С. Фрагменты Палаціи. Рѣчь въ тор. собр. Славянск.

Благовтор. Общ. 11 мая 1898 г.) (Его столѣтію его рожденія 14 июня 1798 г.). СПб. 1898.

Памяти Федора Ивановича Буслаева. Изданіе Учебн. Отдѣла Общества распротр. технич. знаній. Москва. 1898. 8°.

Передольскій, В. С. Новгородскія древности. Записка для вѣстныхъ изысканій. Вып. 1. Новгородъ. 1898.

Перетцъ, В. Н. Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы. Съ приложеніемъ сборника польскихъ пословицъ по рукописи 1726 г. СПб. 1898. 8°. 39 стр. (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, май).

Перетцъ, В. Н. Скромныя вирши по рукописи половника XVIII в. (Оттискъ изъ „Ежегодника Имп. театровъ“, серія 1896—97 г.). СПб. 1898. 8° 19 стр.

Плоскъ, Г. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. съ 5-го нѣмецк. изданія, дополненнаго и переработаннаго послѣ смерти автора докторъ М. Бартельсомъ, подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга, съ рис. Т. I, вып. 1—5 (издается по подпискѣ). СПб. 1898. 8°. 320 стр.

Плющевскій-Плющинъ, Я. А. Сужденія и толки народа объ однедневной переписи 28 янв. 1897. СПб. 1898, 6. 8°.

Полянскій, Іоаннъ, свящ. Записки миссіонера Вологодской епархіи. Изд. 2-е, вып. 1 и 2. Москва. 1898.

Половъ, Іоаннъ, свящ. Ламачизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія. Казань. 1898.

Пржевальскій, Н. М. Путешествія въ восточной и центральной Азіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ М. А. Лалиной, съ предисл. Э. Ю. Петри. 2-е пром. изданіе А. Ф. Девриена. СПб. 1898. 8°.

Путинцевъ, Мих. Изъ Биргизской миссіи Омской епархіи. (Изъ „Тобольск. Епар. Вѣд.“ 1896. № 4).

Пути къ истинѣ (*Dhammapada*). Изреченія буддійской нравственной мудрости. Переводъ и предисловіе Н. Герасимова. Москва. 1898.

Пыпинъ, А. Н. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсень. (Памятники древней письменности. СХХУІІ). СПб. 4° стр. 33.

Рамбо, А. Живописная исторія древней и новой Россіи. 2-е испр. и допол. изд. Москва. 1898.

Романовъ, Е. Р. Матеріалы по исторической топографіи Витебской губ. Уездъ Велижскій. Могилевъ. 1898. 8°. 308 стр.

Романовъ, Е. Р. Общій очеркъ Витебской губ. (Изъ Памятн. вн. Витеб. г. на 1898 г.) Витебскъ. 1898.

Рѣдинъ, Е. К. Ѳ. И Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1898. бр.

Сабатье, Арманъ. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Переводъ В. Обреимова. 2-е изд. Павленкова. СПб. 1897.

Саломиниковъ, А. П. Иновѣрцы и иностранцы въ Россіи. Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ. (Изъ „Странника“). С-Петербургъ 1898 г. бр.

Сборникъ, Систематическій; отрывокъ по отечествовѣдѣнію. Составили: М. Н. Беллемшевъ, В. Ф. Дерюжинскій, Н. А. Карышевъ, А. Б. Лебедевъ, Ф. А. Макшеевъ, В. И. Марковъ, Н. А. Обручевъ, В. В. Степановъ, бар. А. Е. Твенгаузенъ, А. П. Турчаниновъ и В. Г. Яроцкій. Подъ ред. генер.-лейт. Ф. А. Фельдмана. Изд. Имп. Александров. Лицея. СПб. 1898. 8°.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. Т. I. Юрьевъ. 1898 (отвѣтъ: проф. Е. В. Пятугова. Лужицкіе сербы. Изъ путевыхъ замѣтокъ, лѣтомъ 1897 г.; А. Н. Ясинскаго. Соудѣствіе чеховъ успѣхамъ германизациі на берегахъ Балтійскаго моря; А. С. Будиловича. О причинахъ гибели Балтійскаго славянства; В. Е. Дантлевича. Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV ст.).

Сибирь и ея дореформенные суды. Администрація по дѣламъ фермы бр. Бутныхъ (издалъ Мих. Бутинъ). СПб. 1898. 6. 8°.

Силантьевъ, А. А. Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи съ приложеніемъ двухъ картъ, двухъ діаграммъ и 54 рисун. Изд. Мин. Зем. и Госуд. Имущ. СПб. 1898, 8°, брош.

Смирновъ, В. Д. Турецкія легенды о Святой Софїи и о другихъ византійск. древностяхъ. Изд. факультета вост. яз. Имп. СѢБ. Универс. по дню открытія XI междунар. съѣзда ориенталистовъ въ Парижѣ. СПб. 1898. 4°.

Созоновичъ, И. Бъ вопросу о западномъ влияніи на славянскую и русскую поэзію. Исслѣдованіе. Варшава 1898.

Соколовъ, М. Е. Великорусскія свад. пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратов. губ. Саратовъ. 1898. Ц. 60 к.

Сумцовъ, Н. Ф. О мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ. 1898.

Суцѣинскій, П. Экономическій бытъ и правовыя отношенія старожиловъ и новоселовъ на Алтаѣ (исслѣдованіе на мѣстѣ). Въ пользу проектируемой Обществомъ для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ школы имени Н. М. Ядринцева. СПб. 1898. 8°, 38 стр. Ц. 35 к.

Труды Сѣверной комиссіи 1897—98. Научно-промысловыя изслѣдованія у Мурмана. СПб. 1898.

Тураевъ, Б. Богъ Тотъ. Опыты изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Съ рис. Лейпцигъ. 1898.

Тыжновъ, И. Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Ч. I. Лѣтописи города Тобольска. СПб. 1898.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XX тт. „Записокъ Имп. Одесс. Общ. исторіи и древностей“ Одесса. 1898. 8°, 43 стр.

Флоринскій, Т. Д. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1898. 8°, стр. 41.

Харузина, В. Н. Сказки русскихъ инородцевъ (съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Изд. А. И. Мамонтова. Москва 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Химичевъ, В. М. Опыты программы для изслѣдованія народной жизни. (s. l.) 8°, бр.

Царевскій, А. А. Религіозныя предоставленія древнихъ свитанъ о загробной жизни (изъ Бюв. „Университ. Новѣстій“ за 1898). Кіевъ 1898, бр.

Чернышевъ, В. И. Свѣдѣнія о мащовскомъ говорѣ. СПб. 1898, 8°, бр.

Его-же. Списокъ словъ портновскаго языка (изъ „Новѣстій отдѣл. русс. яз. и слов. И. Ак. Н.“ 1898, кн. 1). СПб. 1898, бр.

Шавровъ, Н. А. Колонизація, ея современное положеніе и мѣры для русскаго заселенія Мурмана (Труды СПб. отдѣленія Имп. Общ. для содѣйствія русскому торговому мореходству). СПб. 1898. 8°.

Шефферъ, П. Н. Забѣтка о сборникѣ Кирина Данилова. СПб. 1896.

Шантени-де-ля-Сосей, Д. П. Иллюстрированная исторія религій. Пер. съ нѣм., подъ ред. В. Н. Андѣ. Вып. II. Изд. магазина „Книжное дѣло“. Москва. 1898.

Яковлевскій, Прок. Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части „Якутскихъ Епарх. Вѣдомостей“ за 1-е 10-лѣтіе изданія. 1887—1897. Сергіевъ-Посадъ. 1898, стр. 76.

Яковенко, М. Г. Матеріалы къ антропологии еврейскаго населенія Рогачевскаго уѣз., Могилевск. губ. (диссертация въ Военно-Медиц. академіи, изъ серіи 1897-98 г. № 55). СПб. 1898.

Сирсезъ, Н. Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. (съ древнѣйшихъ временъ до осмотра этого края имп. Екатериной II-ой). Отд. отд., изъ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. т. XIV, вып. 5. Базань. 1898 8° брош.

Chyliczkowski, X. Jan.—Syberia pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym.—Wrocławek. 1898.

Jevons, Frank. An introduction to the history of religion. London. 1896.

Müller, Max F. Beiträge zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Aus dem englisch. übersetzt von Heinr. Lüders. Leipzig. 1898.

Müller, Max. Nouvelles études de mythologie. Paris. 1898.

Parczewski, A. J.—Szczałki Kaszubskie w prowincyi Pomorskiej. Szkic, historyczno-etnograficzny. Poznań. 1896. (Рец. въ „Изв. II Отд. И. Ак. Н.“ 1898, 1).

Prinz, J. Die Kolonien der Brüdorgemeinde. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Kolonien Südrusslands. Verlag von Jakob Prinz in Pjatigorsk. Москва 1898..

Radić, d-r. A. Osnova za sabirañe i proučavañe gradje o narodnom životu. (Отгискъ изъ „Zbornika za narodni život i običaje južnih Slavena“). U Zagrebu. 1897. 8°—88 стр. (Издание Югославянской Академіи).

Zlotnicki, Ant. Człowiek, istota jego i przyszłość. Warszawa. 1898.

Извѣстія и замѣтки.

О преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правиль о преміяхъ имени *М. И. Михельсона* доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка, 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры ¹⁾.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ герман-

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

скихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія ¹⁾.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждыя три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на конкурсѣ этихъ премій должны быть представляемы не поздне 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія ²⁾.

На конкурсѣ премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Исправить важнѣйшія опечатки въ болгарскихъ текстахъ:

Стр.	№	см.	чит.
121	47	нупадни	пупадни
—	55 (bis)	негаѣ	петаѣ
122	58	срѣтнншь } срѣшншь }	срѣшншь
123	64	нитките	нишките
—	67	неда	жда
124	76	парѣтъ, а ма	нарѣтъ, ама
—	79	параси	нараси
125	80--81	шалѣсамъ	тъласъмъ

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова и словесаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

²⁾ Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не поздне 1-го марта 1900 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.